

SEMANTIKAS
PROBLĒMAS

ПРОБЛЕМЫ
СЕМАНТИКИ

P. Stučkas LVU

Latviešu valodas
katedra

Krievu valodas
katedra

ЛГУ им. П. Стучки

Кафедра
латышского языка

Кафедра
русского языка

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки

Кафедра латышского языка
Кафедра русского языка

ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИКИ

Сборник научных трудов

Латвийский государственный университет им. П. Стучки
Рига 1982

Latvijas PSR Augstākās un vidējās speciālās
izglītības ministrija

Ar Darba Sarkanā Karoga ordeni apbalvotā
Pēteru Stučkas Latvijas Valsts universitāte

Latviešu valodas katedra

Krievu valodas katedra

SEMANTIKAS PROBLĒMAS

Zinātnisko rakstu krājums

P. Stučkas Latvijas Valsts universitāte

Rīga 1982

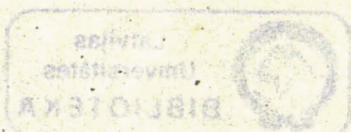
Semantikas problēmas: Zinātnisko rakstu krājums /Atb.
red. **J.Kārklis**. - Rīga: P.Stučkas LVU, 1982. - 207 lpp.

Krājumā iekļauti pētījumi par semantikas vispārīgām teorētiskām problēmām, kā arī iztirzāti vairāki konkrēti leksiskās, gramatiskās un sintaktiskās semantikas jautājumi.

Krājums būs noderīgs filologiem - semantikas speciālistiem, aspirantiem un studentiem, kā arī visiem, kas interesējas par valodas jēdzienisko pusi.

В сборнике рассматриваются общие проблемы семантики, а также вопросы лексической, грамматической и синтаксической семантики.

Сборник предназначен для филологов - специалистов по семантике, аспирантам и студентам, а также всем, кто интересуется смысловой стороной языка.

REDAKCIJAS KOLĒGIJA:

J.Kārklis (atbildīgais redaktors),
R.Bērtulis, N.Gusarova, E.Soida, Z.Tolmačova

Publicēts saskaņā ar P.Stučkas LVU
Izdevniecības padomes lēmumu

PRIEKŠVārds

Semantikas problēmas ir mūsdienu valodniecības uzmanības centrā, jo valodas būtības un funkcionēšanas vispusīga izpēte nav iedomājama bez iedziļināšanās tās jēdzieniskajā satvarā, kas ir pamatā visām valodas sistēmas sastāvdaļām un nodrošina saikni starp valodu un domāšanu. Semantikas teorētisko un praktisko uzdevumu risināšanai nozīmīga ir arī valodu salīdzinoša pētīšana semantikas aspektā. Tās mērķis ir apzināt dažādu valodu semantiskās universālijas un izveidot dažādu valodu semantisko tipoloģiju. Ne mazāk svarīgi semantikas kā valodniecības nozares tālākai attīstībai ir pētījumi par semantikas vispārīgām teorētiskām problēmām.

Iepriekšminēto semantikas jautājumu vispusīgai apcepei bija veltīta 1978.g. 16.-18.martā gadskārtējās Artura Ozola dienas ietvaros organizētā zinātniskā konference "Semantikas problēmas". Tajā piedalījās ne vien republikas valodnieki, bet arī viesi no Lietuvas un Igaunijas, no Maskavas, Leningradas, Gorkijas, Rjazanas, Voronežas un citām pilsētām. Rakstu krājumā "Semantikas problēmas" iekļauti tie konferencē nolasītie referāti, kuros izteiktās atzinības var sekmēt semantikas jautājumu labāku izpratni un šīs zinātnes nozares attīstību. Rakstu krājumā semantikas problēmu iedalījums paturēts tāds, kāds tas bija konferencē.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблемы семантики находятся в центре внимания современного языкознания, так как всестороннее изучение сущности языка и его функционирования немислимо без углубленного исследования смысловой стороны языка, лежащей в основе всех уровней языковой системы и обеспечивающей связь между языком и мышлением. Для решения теоретических и практических задач семантики имеет значение и сопоставительное изучение языков в семантическом аспекте. Цель его — выявить семантические универсалии различных языков и создать семантическую типологию разных языков. Не менее важны для дальнейшего развития семантики как раздела языкознания исследования по всеобщим теоретическим проблемам семантики.

Всестороннему освещению вышеупомянутых вопросов семантики была посвящена очередная научная конференция "Проблемы семантики", проходившая в рамках Дней Артура Озола 16-18 марта 1978 г. в ЛГУ им. П. Стучки. В ней принимали участие не только языковеды республики, но и гости из Литвы и Эстонии, Москвы, Ленинграда, Горького, Рязани, Воронежа и других городов. В сборник "Проблемы семантики" включены те доклады, положения которых могут способствовать лучшему пониманию вопросов семантики. В сборнике соблюдено также же подразделение по семантическим проблемам, каким оно было на конференции.

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИКИ
SEMANTIKAS VISPÄRIGĀS PROBLĒMAS

С. Б. Берлизон
РГПИ (Рязань)

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЗНАЧЕНИЯ (СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ)
СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ КАК КАРДИНАЛЬНАЯ
ПРОБЛЕМА ЛИНГВОСТИЛИСТИКИ

Целью работы является попытка 1) доказать непреложную, с нашей точки зрения, истинность рассмотрения стилистического значения (СЗ) в качестве: а) единой семантико-стилистической категории, объединяющей на основе тесной связи и взаимопроникновения экспрессивность, эмоциональность, стилистическую нормативность и функциональность единиц языка: лексических, фразеологических, морфологических, словобразовательных (формантов и моделей), синтаксических (моделей); б) кардинальной проблемы лингвостилистики; 2) уточнить на основе наших разысканий сущность СЗ ввиду его разноречивого толкования и неоправданного отождествления с коннотацией. Необходимость постановки вопроса именно в этом плане диктуется неисследованностью важнейших категорий лингвостилистики, отсутствием в обширной и многообразной специальной литературе общепринятого определения: а) предмета изучения этой научной дисциплины; б) ее отношения к общезыковедческим категориям; в) ее связи с другими лингвистическими дисциплинами; г) ее исходной базисной единицы, лежащей в основе всех стилистических явлений.

Достаточно быстрого ознакомления с разнородным определением задач стилистики в работах советских и зарубежных авторов / 1 /, а также разноречивого истолкования сущности категории "функциональный стиль" советскими стилистами / 2 /, чтобы убедиться в безотлагательной необходимости в целях дальнейшего развития лингвостилистики как научной дисциплины, выявления и глубокого изучения важнейших категорий этой науки и прежде всего ее основной единицы.

В настоящее время способность разных единиц языка обладать воздействующей силой (экспрессивностью), выражать чувства, эмоции и эмоциональные оттенки, сопутствующие оценочному элементу значения (эмоциональности), вызывать представление о положении той или иной языковой единицы в семантико-стилистической системе языка (стилистическая нормативность) и об условиях общения (стилистическая функциональность), позволяющая им выполнять экспрессивно-стилистическую функцию, признается учеными, но трактуется по-разному. Принадлежность этих свойств языковых единиц к их смысловой структуре является, за редким исключением, также общепринятой / 3 /. Однако их чрезвычайная сложность,

1. См. более подробно: Гальперин И. Общие проблемы стилистики. Сборник научных трудов. Вып. 73.-М.: МПИИЯ им. М. Тареза, М., 1973.
2. Функциональные стили относятся разными учеными к а) явлениям речи (Б.В.Горнунг, В.П.Мурат); б) единицам языка (Ю.М.Скребнев); в) недифференцированным в плане дихотомии "язык-речь" лингвистическим фактам, принадлежащим одновременно к языку и к речи (Ю.С.Степанов); г) категориям более сложного языково-речевого характера (Г.А.Вейхман, Т.Г.Винокур); д) языковым сущностям, подлежащим разграничению в языке и речи (В.В.Виноградов, Р.А.Будагов, А.К.Панфилов). Некоторые понятия стилистики в свете дихотомии "язык-речь" там же; В.П.Мурат. Об основных проблемах стилистики. М., 1957; Р.А.Будагов. Литературные языки и языковые стили. М., 1967; Т.Г.Винокур. О содержании некоторых стилистических понятий.- В кн.: Стилистические исследования. М., 1972.
3. См., напр., точку зрения К.А.Аллендорф, Г.С.Клычкова. См. рассмотрение этих вопросов в наших работах.

обусловленная многими внутри- и внеязыковыми факторами, затрудняет раскрытие их подлинной сущности и адекватной интерпретации. Не имея возможности подробно изложить вопрос, остановимся на некоторых моментах этой проблемы.

Взаимобусловленность и частое переплетение элементов СЗ, их во многих случаях совместная манифестация, их зависимость не только от логико-вещественного значения той или иной языковой единицы, но также от социально-психологических, культурно-исторических факторов, литературных источников, мифологии, библейских преданий, легенд, фольклора, традиции, символики и устойчивых ассоциаций (порождаемых их деривационной базой в случае переносных значений слов, словообразовательных формантов и семантики фразеологических единиц) и тесная связь с такими эстетическими категориями, как комическое, юмор, сатира, ироническое и др., оправдывает объединение столь разных компонентов в особый тип значения. Двойственная природа элементов СЗ как семантических и одновременно стилистических сущностей, способных видоизменять или целиком подавлять предметно-логическое значение языковых единиц в экспрессивно-стилистических целях, усугубляет трудность их адекватного определения и детерминации их стилистического начала (ср. прямое, номинативное значение): а) этнонима Tartar "татарин"; б) прилагательного sweet разг. "сладкий"; в) существительного hell разг. "ад" с изменением их значений в эмоционально-экспрессивных и стилистических целях: а) "мегера, фурия", б) "милый, прелестный", в) чертовский, дьявольский, ужасный".

СЗ, впервые выделенное Э.Г.Ризель, признается как тип значения (аспекта значения) языковедами Д.Н.Шмелевым, Т.Г.Винокур, Э.С.Азнауровой, Л.М.Болдыревой, С.Б.Берлизон и др.

Неоправданными, на наш взгляд, являются: 1) модели представления СЗ: а) рассмотрение СЗ в качестве разрозненных элементов значения, окрасок - стилистической и экспрессивной и в качестве окраски вообще; б) ограничение СЗ эмо-

циональным, экспрессивно-образным компонентом при исключе-
нии собственно стилистических элементов и включение оце-
ночности; в) введение в состав СЗ оценочного компонента
наряду с эмоциональным, экспрессивным и стилистическим
при исключении нормативного; г) рассмотрение эмоциональ-
ности не в качестве отдельного, причем очень важного, ком-
понента СЗ, а как нюансов, накладывающихся на СЗ, в особен-
ности на экспрессивный компонент / 4 /; 2) отождествление
СЗ с коннотацией, которая, в сущности, представляет собой
не что иное, как представление, вызванное устойчивыми ас-
социациями с денотатом (или одним из его признаков) слова
не материализованное языком. Коннотация - ореол слова.

Поскольку своеобразие стиля, причина его выделения,
создается специфическими, маркирующими этот стиль единица-
ми, способными адекватно репрезентировать его вне сферы
его обычного употребления, неизбежен вывод о стилеобразую-
щей роли СЗ. Совершенно справедливыми представляется выво-
ды Ю.М.Скребнева и К.А.Доликина об утверждении стилисти-
ческим значением языковой сущности стилей и мнение К.А.Доли-
кина о том, что именно СЗ препятствует сведению стилистики
языка к функциональным стилям.

Итак, СЗ - начало всего стилового. СЗ лежит в основе
всех наиболее важных стилистических категорий. СЗ - осно-
ва единиц стилистической системы языка. Последняя понимает-
ся нами как иерархически структурированная система различ-
ных группировок элементов по их экспрессивным, эмоциональ-
ным и другим стилистическим характеристикам: стилистичес-
ких парадигм, микросистем полей, стилей. В силу этого СЗ
подлежит глубокому и всестороннему изучению.

4. См. Ю.М.Скребнев, К.А.Доликин указ. соч.; См. трактов-
ку СЗ Э.С.Азнауровой, И.В.Арнольд, Э.Г.Ризель.

Р.С. Гинзбург

МИТНИЯ им. М.Тореза (Москва)

КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ И КОМПОНЕНТНАЯ СТРУКТУРА ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Особый интерес и внимание к проблемам семасиологии в современной лингвистике — закономерный процесс, связанный с развитием науки вообще и лингвистической науки в частности. Как и в других науках, в лингвистических исследованиях наблюдается стремление проникнуть глубже в сущность явлений, перейти от непосредственно наблюдаемого — звучания, структуры — к ненаблюдаемому — к содержательной стороне языка. Известное положение диалектического материализма о неисчерпаемости предмета исследования проявляется в области семасиологии в попытках перейти от исследования значимой стороны лексических единиц вообще к изучению полисемии и, наконец, к изучению компонентной структуры отдельного значения. "Мысль человека, — подчеркивает В.И. Ленин в "Философских тетрадах", — бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т.д. без конца" / I /.

Естественно, что наряду с углублением интереса к проблемам значения, наблюдается интенсивная разработка методики семасиологических исследований, в частности методики компонентного анализа. Компонентный анализ можно трактовать в плане онтологическом, и тогда компоненты значения выступают как объективно существующие терминальные единицы плана содержания. Этот же анализ можно рассматривать как прием изучения содержательной стороны языковых единиц, и в таком случае отдельные компоненты являются условно принятыми параметрами данной процедуры семасиологического анализа.

Прежде чем перейти к вопросам компонентного анализа, необходимо уточнить некоторые исходные положения и основные понятия. Исследование значения-крайне сложная задача не только потому, что предметом анализа являются непосредственно ненаблюдаемые сущности, но и потому, что проблема значения связана с широким кругом вопросов философии, социологии, логики, психологии и антропологии и может быть успешно решена, как справедливо указывает в своем докладе "Будущее семантики" Ч.Филлмор / I / лишь в результате совместных усилий специалистов всех этих областей.

В данном докладе речь идет не о значении вообще, а лишь о денотативном значении слова. Коннотативное значение, присущее всем словам и понимаемое как стилистический и эмоционально-экспрессивный компонент содержательной стороны лексической единицы, здесь не рассматривается, хотя одним из исходных положений автора является обязательное наличие коннотации в любом слове, даже в имени собственном. Это может быть проиллюстрировано, например, значением имени собственного "Травушкин", которое характеризуется не только как русская фамилия мужчины (денотация), но и как имя, "в одном звуке которого - ласковая доброта...", такая фамилия, которая "не может принадлежать недоброму человеку" (коннотация) / 2 /.

Необходимо также уточнить понимание терминов "денотативное значение" и "референтная отнесенность". Различие между денотативным и сигнификативным в значении не понимается вопреки широко распространенной точке зрения, как различие между обозначением конкретных предметов - денотатов и абстрактных понятий-сигнификатов. Различие между денотативным и сигнификативным в значении слова понимается (по А.И.Смирницкому) как различие между тем, что слово обозна-

1. The Scope of American Linguistics ed. by Robert Austerlitz, Belgium, 1975.
2. Евдокимов Н. Страстная площадь. - Современник, № 6, 1977.

чает (англ. denote), и что оно означает (англ. signify), или же как различие между designatio и significatio (по Косеру).

Обе эти стороны значения присущи словам всех частей речи. Так, например, русские глаголы лежать, сидеть, стоять в своих центральных значениях означают неподвижное положение предметов и одушевленных существ в определенном положении и обозначают каждый неподвижное состояние, присущее лишь определенному подклассу объектов, например, книга лежит, тарелка стоит на столе, платье сидит на человеке.

Под референтной отнесенностью понимается способность слова обозначать определенный круг денотатов, или референтов (оба эти слова используются как синонимы). Как известно, референтная отнесенность сигнификативно близких слов в разных языках разная. Так, например, английские глаголы lie, sit, stand, французские - être couché debout, assis, немецкие - liegen, sitzen, stehen и т.п. означают так же, как и русское лежать, сидеть, стоять неподвижное состояние, но референтная отнесенность этих глаголов разная. По нормам русского языка положение книги и пишущей машинки на столе обозначается глаголами лежать и стоять соответственно, в то время, как тот же денотат (положение машинки и книги на столе) может входить в референтную отнесенность глагола to sit в англ. языке L.C. Smith... sat on the table - Malamud, The Tenants, ... the book had been sitting on the shelf - Updike, Rabbit Redux. По нормам русского языка стол стоит у окна, однако в английском мы встречаем ... a little desk, made of kitchen table, that sat near a window (Anderson, Mother).

Компонентный анализ в его классической форме представляет собой не исследование семантики слова в целом, а лишь его сигнификативного аспекта, того, что слово означает. Сигнификативный аспект значения является, как известно, обобщением существенных характеристик объектов и поэтому неотделим от понятия. Отсюда универсальность выделяемых компонентов значения соотносительных слов в разных языках. Так, те же компоненты одушевленности, лица, женского пола

можно выделить не только в русском слове женщина, но и в соотносительных словах других языков, фр. femme, англ. woman, нем. Weib и т.д.

Однако в значении слов в каждом языке можно обнаружить компоненты денотативного значения, обусловленные спецификой референтной отнесенности значения слова в данном языке. Это уже было показано выше на примере глаголов sit, сидеть, etre, assis, sitzen. Это же можно проиллюстрировать на примере английского прилагательного pretty, в котором выделяется набор семантических компонентов, характеризующих его референтную отнесенность, а именно: женский пол, юность, относительно небольшого размера, изящество. Интересно отметить, что наличие некоторых из этих компонентов в словарные дефиниции толковых и синонимических словарей. Так в дефиниции COD / I / дается примечание pretty (of woman (r child) attractive in dainty or graceful way.

В словаре Торндайка и Барнхарта / 2 / указание на пол и возраст включено в дефиницию pretty - good looking in a feminine or childish way. В словаре синонимов Крэбс различие референтной отнесенности прилагательных pretty, handsome, beautiful трактуется не только как различие компонентов пола (a man may not be beautiful or pretty), но так же, как различие в объеме pretty ... is incompatible with that which is large: a tall woman with masculine features cannot be pretty).

Компоненты денотативного значения, отражающие референтную отнесенность слова, можно охарактеризовать как "скрытые" компоненты значения, так как в отличие от традиционно выделяемых компонентов, они выявляются не непосредственно, а опосредованно, через совместную встречаемость с другими словами: для прилагательных с существитель-

1. The Concise Oxford Dictionary. New Edition. L., 1976.
2. Advanced Junior Dictionary. Thorndike & Barnhart USA, 1957.

ными, качественные признаки которых они обозначают, для глаголов - также с существительными, обозначающими актантов и т.д.

Скрытые компоненты значения могут иногда проявляться во внутренней форме слова. Так, например, в отличие от русского *чистить* - очищать от грязи, пыли кожуры (*чистить яблоки, картофель*), от чешуи (рыбу) и т.д., в английском языке референтная отнесенность глагола *to shell* ограничена объектами, имеющими *shell* - скорлупу, *to scale* и *to peel*, имеющими *scale* чешую и *peel* кожуру, соответственно. Однако, по предварительным наблюдениям такие случаи крайне немногочисленны. В основном, скрытые компоненты выявляются лишь через совместную встречаемость.

Б.Ю. Городецкий

МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

С точки зрения своего места в системе научного знания современная лингвистическая семантика все более приобретает характер "стыковой" науки. Теоретические и практические задачи дня требуют всемерного развития этой прогрессивной тенденции, т.е. укрепления взаимосвязи общественных, естественных и технических наук при исследовании содержательной стороны языка. Ведь в комплексном развитии и рационализации разнообразных сфер человеческой деятельности немаловажная роль принадлежит языку, как одному из цементирующих и организующих ее компонентов. Научно-техническая революция требует все более полного использования лингвистических знаний в интересах совершенствования как традиционных, так и новых систем и процессов, ориентированных на существенное использование естественного языка.

Участие лингвистов в радикальном совершенствовании производственных и социальных процессов с применением ЭВМ

выражается сегодня в новом для лингвистики методе исследования - в целенаправленном моделировании языковой системы и процессов речевой деятельности. Результаты такого моделирования материально воплощаются в особых искусственных языках и разнообразных лингвистических алгоритмах. Особо тонкое и глубокое моделирование речевой деятельности требуется при разработке систем диалогового типа и иных перспективных способов взаимодействия машины и человека. В конечном счете это должно привести к созданию систем, которые ныне принято именовать искусственным интеллектом.

Другой важнейший круг проблем, которые призвана решать лингвистическая семантика, - это рационализация пользования языком в различных сферах письменного делового общения. Это и стандартизация текстовых документов, и упорядочение процессов именования, и оптимизация способов сжатия информации, и семантическая систематизация терминов. Во всех этих случаях имеется в виду развитие контактов лингвистики с филологией, логикой, психологией, теорией алгоритмов и исчислений, программированием, акустикой, физиологией, теорией управления, теорией информации, теорией игр, теорией кодирования и другими научными дисциплинами. Только такие контакты приведут к комплексному познанию языка - сложнейшего явления природы и общества - и к эффективному решению задач, выдвигаемых научно-технической революцией.

Рассмотренные выше особенности взаимодействия лингвистической семантики с другими науками отражаются и на внутренней структуре этой языковедческой дисциплины. Мы обратим здесь внимание лишь на один аспект проблемы, а именно, на дифференциацию семантических исследований по характеру получаемых знаний (моделей). Можно выделить три глобальных направления: теоретическое, описательное и прикладное.

Введенное разграничение не отрицает единства лингвистической семантики, которое зиждется на интересе к исследованию единого объекта - коллективной языковой способности человеческого общества. Термин "способность" понимается

здесь в широком смысле — как совокупность всех материальных и интеллектуальных ресурсов, имеющихся в распоряжении индивидов и общества в целом и обеспечивающих возможность использования языка в разнообразных системах социальной деятельности, ориентированных (в той или иной степени) на естественный язык. Теоретическое моделирование направлено на объяснение указанной способности, описательное — на конкретное описание, а прикладное — на ее усовершенствование. Роль теоретической семантики для описательной и прикладной должна определяться на основе общепhilosophического "метода восхождения от абстрактного к конкретному" (К.Маркс).

Теоретическая семантика может быть подразделена на теорию основных категорий, теорию методов и теорию законов. Первая из них разрабатывает общеметодологическую и специфическую части концептуального аппарата лингвистической семантики; вторая дает обоснование важнейших методов исследования объективно существующей, но непосредственно не наблюдаемой семантической реальности, — методов, вытекающих из теоретического представления о плане содержания языка; третья обобщает все виды семантического знания в форме законов.

Если само существование данных трех направлений можно проследить на протяжении всей истории лингвистики, то именно для наших дней характерно особенно бурное развитие прикладной семантики. При этом наблюдается обобщенный процесс органического соединения фундаментальных (теоретических и описательных) исследований с прикладными. Вторые оказывают влияние на первые прежде всего путем постановки новых актуальных научных задач.

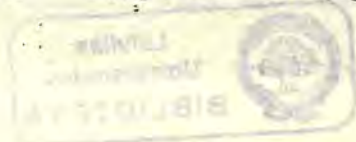
Разумеется, сложнейшие задачи прикладной семантики должны решаться с помощью упрощенных методов, порой ступенчатых, но ведущих к цели кратчайшим путем, в обозримые сроки, с учетом требований экономической эффективности. Здесь должна быть исключена формализация ради формализации. С другой стороны, нельзя признать правомерным и нигилистическое отношение к формализации в семантике, вызывае-

мое обилием, сложностью языковых факторов и слабостью перед ними тех или иных формальных теорий. Решение прикладных задач без формализации невозможно.

Чем же определяется успех прикладной лингвистической работы? Как показывает отечественный и зарубежный опыт, прикладная лингвистика нуждается в солидной теоретической базе, являющейся лингвистической по своему существу, но в то же время учитывающей данные смежных с лингвистической наук. Фундаментальная наука должна вплотную заняться теми актуальными проблемами, которые ставит сегодня прикладная лингвистика. Необходимо сделать все надлежащие выводы из того факта, что знания всегда имеют языковую форму. Лингвисты могут внести свой вклад в моделирование мышления в фиксированном классе ситуаций, понимания языка, его взаимодействия с неязыковыми системами. Теоретического осмысления и формализации ждут взаимоотношения языка с такими факторами, как действительность, восприятие, мышление, поведение, управление; концептуальный аппарат лингвистической семантики должен найти место для таких понятий, как причинность, целенаправленность, планы, эвристика, оценка ситуаций, корректировка памяти и т.д. Типология естественных языков должна органично соединиться с типологией семантических метаязыков. При этом, как указывалось, в прикладной семантике особенно важно углубленное изучение подязыков.

Наконец, на уровне конкретных исследований можно также отметить ряд черт лингвистической семантики, характерных для современного этапа ее развития. К каким бы направлениям ни относились эти исследования, многие из них обнаруживают такие существенные тенденции, как: расширение круга объяснимых языковых фактов; включение семантики в состав общей теории языка; трактовка семантики как центрального звена в системе лингвистических дисциплин; введение экспериментальных критериев истинности; повышенное внимание к семантическим отношениям; формальное моделирование семантических явлений; разработка семантических метаязыков для представления содержания текста; признание нескольких уров-

ней глубины семантического представления; разработка семантических словарей разнообразных типов; установление связей между лингвистической и экстралингвистической семантикой; исследование не только семантической структуры языка, но и семантических процессов речевой деятельности.

Лингвистика должна как можно полнее охватить семантическую способность говорящих, понимаемую как совокупность условий, позволяющих носителям языка совершать различные операции со смыслом. Здесь прежде всего идет речь о таких общих умениях, как способность строить осмысленные речевые отрезки (синтез) и понимать речевые отрезки (анализ). Но здесь необходимо отметить и усиленное внимание исследователей к таким разнообразным, более часто наблюдаемым проявлениям языка, как способность говорящих называть предметы, описывать внеязыковую ситуацию, строить определения понятий, задавать вопросы по тексту; отвечать на вопросы, пересказывать тексты, парифразировать речевые отрезки, реферировать тексты, выводить следствия из отдельных семантических единиц и из речевых отрезков различной длины, вести связный диалог, предсказывать продолжение текстов, использовать высказывания для создания социальных отношений и институтов, случайно или намеренно нарушать взаимопонимание, переводить с одного языка на другой, распознать многозначность, соединять слова "идиоматично", устанавливать семантические отношения между высказываниями (синонимия, противоположность, логическое следование, подчинение), устанавливать семантические свойства речевых отрезков (отличать семантически правильные предложения от неправильных, семантически связные тексты от несвязных, устанавливать семантическую противоречивость), осуществлять на основе языковой семантики различные операции "обыденной логики".

Характерно, что указанные факты связаны с определением предмета семантики. Отдельные исследователи часто ограничивают предмет семантики рассмотрением какого-либо одного из этих проявлений семантической способности, более

того, абсолютизируют его роль в общей семантической теории. Это зачастую и составляет ту основу, на которой формируются разные направления в лингвистической семантике.

При решении перечисленных проблем современная семантика использует разнообразные методы, зачастую комбинируя их в различных сочетаниях. К числу собственно лингвистических методов относятся: трансформационный метод, дистрибутивный метод, метод подстановок, метод семантических пропорций, метод семантических полей, метод тезаурусов, компонентный анализ, метод семантических сетей, метод глубинной лексики, метод сопоставительно-типологических обобщений и другие. Применяется и большое число методов, возникших на стыке наук: метод стимулов и реакций, метод психологических ассоциаций, метод текстов на семантическую правильность, психофизиологический метод условных рефлексов, метод социолингвистического анкетирования, статистические методы, алгоритмические методы, метод исчислений, метод теоретико-множественного моделирования, метод речевых актов, перформативный анализ, методы формализованных искусственных языков, метод пресуппозиций, методы машинного моделирования и другие.

Несмотря на разнообразие семантических фактов и методов их исследования, следует признать единство предмета семантики. Таким реальным, хотя и абстрактным, предметом является семантическая структура языка. И весьма актуальна задача разработки единого базисного метаязыка, фиксирующего важнейшие свойства предмета семантики. На наш взгляд, важнейшими семантическими терминами являются следующие: семантические единицы, реляции и корреляции. Семантическая единица — это такой сегмент информации, который связан с определенной формальной единицей и входит в знание конкретного языка. Реляции (или синтагматические отношения) связывают единицы в пределах одного и того же речевого отрезка. Корреляции (или парадигматические отношения) имеют место между семантическими единицами безотносительно к их совместному употреблению в фиксированном речевом отрезке. Семантические реляции служат для соедине-

ния единиц в семантические комплексы. Корреляция служит для организации единиц в семантические классы, для выбора подходящих единиц в процессе общения. Разграничиваются важнейшие виды единиц, реляций, корреляций, комплексов и классов. Эти основные семантические объекты могут исследоваться разнообразными методами, исходя из тех или иных теоретических, описательных или прикладных целей.

Лингвистическую семантику следует отличать от других дисциплин, исследующих содержательную сторону языка. Различия здесь связаны с предметом и целями исследования. Эти дисциплины, как правило, изучают не план содержания языка с точки зрения его собственной организации, а стоящие за ним иные объекты. Иначе говоря, для них интересны не языковые значения, а тот психологический, социальный, культурный или философский контекст, в который языковые значения вписаны. Они изучают не устройство языка, а использование языка. Так, для философов цель исследования значения связана с выяснением отношений языка к опыту, к миру вещей (референтов), к говорящим. Философы и логики рассматривают теорию значения с трех точек зрения, и ни одна из них не совпадает с лингвистической. Упомянутые точки зрения связаны, по существу, со следующими тремя аспектами: значение мыслей, значение сообщений в канале связи, значение речевых актов. Первая точка зрения стремится к объяснению использования языка в мышлении, вторая - использования языка при передаче сообщений, третья - использования языка в определенных социальных институтах, ритуальных действиях или других видах практической деятельности.

К числу важнейших проблем современной лингвистической семантики следует прежде всего отнести две: 1) разработка семантических метаязыков для фиксации плана содержания разнообразных речевых отрезков; 2) разработка процедур выявления тех или иных семантических объектов. При этом уместно вспомнить слова одного из основателей современной семантики Ч. Морриса (*Sighs, Language and Behavi-*

ог, N. Y., 1946, p. 19): "Рассуждения о значении обычно напоминают бросание горсти глины в мишень, каковой служат знаковые явления, в то время как научная семиотика (=теория знаков) должна снабдить нас словами, подобными острыми стрелами...; для семиотики желательно, следовательно, отказаться от этого термина и ввести специальные термины для различных факторов, которые термин "значение" разграничить не способен".

Т.С.Зевахина

МГУ им.М.В.Ломоносова
(Москва)

КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ:СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

I. Современное состояние компонентного анализа.

В современной лингвистической литературе мы сталкиваемся с прямо противоположными точками зрения на компонентный анализ (КА). Так, если для Катца — это единственная адекватная и универсальная семантическая теория, то для Пальмера — автора одного из последних введений в семантику, КА — это метод, который лишь затемняет описание семантических отношений. Пальмер пишет: "КА представляется на первый взгляд привлекательным способом описания отношений. Но он ставит чересчур много трудных проблем, чтобы можно было признать его эффективным методом" (Semantics. A new outline. Cambridge, 1976, p. 91).

Но и среди приверженцев КА наблюдаются порой весьма глубокие различия подходов. Даже само название основного понятия данного метода меняется от автора к автору: "семантический компонент", "семантический множитель", "интегральные и дифференциальные признаки значения", "атомы смысла", "сема", "маркер", "фигура плана содержания" и другие.

В рамках краткой статьи не ставится, конечно, задача исчерпывающей характеристики всех достижений теории и практики компонентного анализа. Мы попытаемся лишь предложить принципы систематизации существующих подходов к данной проблеме.

Дадим общее определение метода КА. Под КА в широком смысле понимается такая последовательность процедур, которая, будучи применена к некоторым исходным речевым или языковым объектам ставит в соответствие каждому такому объекту определенное множество наборов семантических признаков, или, иначе, компонентов.

Такой набор будем называть компонентным представлением. Компоненты всегда выделяются путем парадигматического сопоставления, изучаемых речевых или языковых единиц. Компонентное представление обладает той или иной степенью системности и описывается на определенном метаязыке. Таково самое общее определение.

Конкретная методика компонентного анализа всегда является разновидностью этого общего метода и определяется тем, к каким исходным объектам она применяется, каков логический статус соответствующих процедур, как много компонентов используется в описании, каковы их логические разновидности, в какой степени связанной является компонентная структура, каков способ задания метаязыка. Все эти параметры методики зависят в конечном счете от того, какое применение результатов компонентного анализа предусматривается в контексте более широкого лингвистического исследования. Последняя мысль далеко не всегда принимается во внимание в работах по общей теории компонентного анализа. А между тем, ее учет может, как мы думаем, поставить под сомнение обоснованность целого ряда споров вокруг компонентной структуры значения. Иначе говоря, мы исходим из представления о беспределности изучения семантики языковых единиц вглубь, что может отражаться в многообразии компонентной техники описания; но при этом почти любой ограниченный вариант этой техники может иметь свое

оправдание с точки зрения тех или иных теоретических или практических приложений соответствующей методики. Подчеркнем, что компонентный анализ рассматривается нами не как метод-процедура, а как метод-комплекс процедур, не все из которых могут считаться обязательными при том или ином его применении. Применение, в свою очередь, может относиться к одному из двух крупных классов: либо к описанию какого-либо лингвистического явления, либо к решению экстралингвистической прикладной задачи. Таким образом, речь идет о создании своего рода типологии применения КА.

Анализируя работы, посвященные КА, можно отметить следующие области применения этого метода в лингвистических исследованиях:

- В лексической семантике для описания многозначных слов;
- При упорядочении слов языка в системы (семантические поля, группы антонимов, синонимов и другие);
- При описании правил сочетаемости слов;
- В исследовании морфемной семантики и словообразования;
- При анализе семантики исторически родственных языков;
- В изучении взаимоотношения языка и мышления.

Из прикладных задач назовем, например, составление идеографических словарей, информационный поиск, автоматическое аннотирование, машинный перевод и др.

Другая типология, необходимая при систематизации имеющихся подходов, связана с параметрами самих методик КА. Мы различаем более двадцати таких параметров. Укажем некоторые из них.

Каждый параметр имеет форму вопроса.

Например:

Применяется ли КА изолированно или в совокупности с другим(и) метод(ами)?

Из параметров, связанных с исходными объектами, назовем, например, следующие:

К единицам какого уровня ЛС языка применяется КА? Какая часть значения единицы подвергается КА? (понятийная или эмоциональная, денотативная или коннотативная и т.п.).

Применяется ли КА ко всей лексической системе какого-то языка или к отдельным микрополям? (Иначе: к открытой или замкнутой системе)?

С точки зрения статуса компонентов можно характеризовать методику по таким, например, параметрам:

Являются ли семантические компоненты первичными или вторичными конструктами теории автора?

Разложимо ли значение единицы с точки зрения данного автора без остатка?

Используются ли в компонентном представлении признаки не семантического характера, а связанные с планом выражения?

Методики различаются и по способу выявления компонентов. Например:

Происходит ли при выделении компонентов опора на объективированный план содержания, т.е. словарные толкования?

или:

В какой степени учитываются при выделении компонентов синтагматические связи анализируемых единиц?

По характеру используемого метаязыка различаются такие параметры, как:

Какова логическая форма метаязыка (предикативный, графов, в виде дерева, матрицы и т.п.)?

Существует ли синтаксис компонентного метаязыка?

Как много компонентов используется в описании?

Группа параметров связана с тем, какие процедуры формализованы в данной методике. Чемаловажно также, какое же количество исходных единиц описано автором той или иной методики.

Имея типологии применений и типологии методик КА мы могли бы заполнить своего рода анкету на любой конкретный подход к данной проблеме и оценить его исследовательские

возможности. Возьмем, к примеру, вариант компонентного анализа, представленный в интерпретирующей семантике (в рамках порождающей грамматики). Ведущий автор в этой области Катц стремится применить рассматриваемый метод для описания семантики сочетания слов и для рчения взаимосвязи языка и мышления. Характеристика предлагаемой Катцем методики по нашим параметрам сводится к следующему: метод КА применяется здесь в сочетании с трансформационным методом генеративной лингвистики; описанию подлежат слова, словосочетания и предложения, причем значение целого (так называемая "амальгама") строится из значений составляющих его слов; декларируется применимость методики ко всей лексической системе; моделируется исключительно логическое содержание слов; компоненты объявляются первичными конструктами всей семантической теории; процедура основана на анализе словарных толкований; компонентное представление отдельного значения имеет форму дерева; синтаксис метаязыка включает специальные указатели связи между значениями слов (так называемые "ограничители"); процедура выделения семантических компонентов не формализована; формализованной является процедура получения амальгамы с помощью так называемых "проекционных правил"; декларируется универсальная применимость методики ко всем языкам; реализация ее осуществлена лишь на нескольких изолированных примерах. Из сказанного видна зависимость основных параметров данной методики от цели ее авторов. Предложенные ими инструменты оказываются излишними при решении других исследовательских задач, например, при сопоставлении родственных языков. В этом случае КА служит повышению семантической обоснованности лексических сопоставлений. При этом выделяется, с одной стороны, достаточно общие компоненты, не претерпевшие изменения на протяжении длительной истории какой-либо группы слов, а с другой стороны, компоненты, возникшие в отдельных языках в более поздний период.

Специфическими свойствами характеризуется КА при решении прикладных информационных задач. Здесь он осуществ-

ляется с заведомо ограниченной степенью глубины, цель разложить значения слов на предельные компоненты не ставится. Именно в этой области естественно стремление к формализации по возможности всего комплекса процедур. Так при определении семантической близости слов может быть применена статистическая обработка дистрибуции с помощью ЭВМ. Методика выделения компонентов в искусственных языках может носить более простой характер по сравнению с аналогичной методикой в естественных языках, поскольку во многих случаях мы имеем дело с языками науки, техники, делопроизводства, содержащими большое количество терминологической лексики, которая легче поддается адекватному описанию через компоненты.

Подобную зависимость методик КА от целей лингвистического исследования мы наблюдаем во многих других случаях. Отсюда следует, на наш взгляд, и более общий вывод о том, что оставаясь удобным инструментом обобщения семантических фактов, КА на сегодня вряд ли может служить адекватной теорией плана содержания языка.

2. Перспективы компонентного анализа.

Отталкиваясь от сказанного, можно выдвинуть следующие основные перспективы компонентного анализа: во-первых, более интенсивная разработка конкретных целенаправленных методик; во-вторых, соединение компонентного анализа с другими методами лингвистического исследования.

На указанные выводы мы опираемся при решении ряда практических задач. Наиболее плодотворным нам представляется сочетание метода КА в первую очередь с такими методами, как дистрибутивный и статистический.

Так, при описании полисемии малоизученных языков в полевых условиях компонентный метод сочетается с дистрибутивным. Это позволяет вести целенаправленный поиск значений прилагательных и глаголов через изучение их сочетаемости с существительными, которые задаются с помощью компонентов.

В работе по выявлению универсалий в области полисемии компонентный метод используется в сочетании с типологическим, что позволяет давать обобщенное описание универсальных переносов значений.

Наконец, при автоматизации аннотирования деловых документов компонентный метод сочетается со статистическим. Это дает возможность автоматически выявлять характерные аспекты содержания тех или иных массивов текстов.

Л.С.Ковтун
ЛО ИЯ АН СССР (Ленинград)

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Язык и речь едины, так как речь — это реальность языка. Но они вместе с тем и противостоят друг другу, ибо в языке все категории выступают в качестве типов, по которым происходит говорение и писание, а в речи эти языковые типы получают конкретное преломление: общее становится отдельным и даже частным. Вслед за этим отдельное опять-таки может перейти в общее образуя узус (тип), языковое правило, обогащенное речью, т.е. языковой практикой.

Признаки речевого значения особенно интенсивны в устных диалогах ввиду спонтанности речевого акта. Но их можно выявить и в письменной речи, хотя в отличие от спонтанной она и отработана и более автономна, т.е. в меньшей степени зависима от внеязыковых факторов. Контексты реализации значения отличаются разной степенью соответствия литературным нормам. Наличие типичных и периферийных для сложившегося узуса фактов словоупотребления ограничивает безусловность выводов о лексических нормах, требует от нормализаторов указаний на разного типа варианты и переходные явления. Творческая природа речи сказывается и здесь, причем в каждом из функциональных стилей литературного языка своеобразно. Наиболее широко и отчетливо факты образцового применения слова представлены в беллетристическом

стиле, в нем же всего активнее разрабатываются заложенные в языке потенции.

Отразить не только самые типичные явления, но и текучесть и гибкость языковых материалов способны лишь словари большого объема. Они включают и пограничные факты и потому нередко подвергаются критике за недостаточную четкость решений. В кратких словарях усматривают больше последовательности и отчетливости. Однако отбор фактов, существенных для характеристики лексической системы, оказывается довольно условным, вызывая споры и в среде тех, кто создает словари, и в среде тех, кто ими пользуется.

Несколько примеров из опыта русской современной академической лексикографии.

Глагол выдѣлывать. В более кратком словаре (МАС)¹ на значение 'совершать, проделывать что-л. необычное' дана единственная цитата: Да, Зинаида очень потешалась надо мною. В течение трех недель я ее видел каждый день - и чего-чего она со мной не выдѣлывала (Тургенев). Она раскрывает значение, но дает слишком общее представление о характере употребления слова. Не показаны типичные связи, в которые этот глагол вступает: выдѣлывать фокусы, штуки, фортели и т.п. Документирующая цитата из многотомного словаря (БАС)²: Федюшка обыкновенно играл с нею (Каштанкой)... Он вытаскивал ее за задние лапы из-под верстака и выдѣлывал с нею такие фокусы, что у нее зеленело в глазах (Чехов)³.

В глаголах выдуть - выдуть при значении 'дуть, удалять откуда что-л., очищать от чего-л.' источники позволяют учесть не только описанную в МАС словесную связь:

1. Словарь русского языка, т. I-IV. - М., 1957-1961.
2. Словарь современного русского литературного языка, т. I-IV. - Изд-во АН СССР, М.-Л. 1948-1965.
3. Те же сочетания весьма характерны и для смыслового оттенка 'производить сложные движения телом, руками и т.п.', но и они в МАС не учтены.

выдуть из трубки табак, но и выдуть трубку. Ср. пример, данный на это сочетание в БАС с выделением семантического оттенка: (Капитан Годнев) старательно выдувал свою трубку, аккуратно набивал табак (Писемский). Первая связь более типична, но и вторая вполне нормативна.

В глаголах выдавливать - выдавить более краткий словарь опускает оттенок: 'говорить принужденно, с трудом'. Ср. его документацию в БАС: Старался выдавить каждое слово (С.Аксаков) - Проклятая осень! У меня опять все разболелось..., с трудом выдавливая слова, прохрипел старик (Н.Островский). Выдавленные ответы (Фурманов). На типичность связи "выдавливать слова" указывает и превращение на его основе (в некоторых контекстах) глагола выдавливать в глагол речи. Ср.: Но вот он подумал немного и выдавил из себя: - А я полагал, что у вас тут все изменилось (Грин). Характерна и представленная в этой цитате связь анализируемого глагола с возвратным местоимением "себя" - "выдавливать (выдавить) из себя", также не описанная в МАС.

Примеры нетрудно умножить: больший объем словаря позволяет дать более детальный анализ фактов применения слова, шире и объективнее описать словоупотребление. Однако словари современных языков, даже и самые обширные, неизменно критикуют за пропуски, упрекают в том, что они не успевают за жизнью. Чем обильнее и разностороннее словарная картотека и систематичней ее обогащение, тем достовернее лексикографическое описание. Создатели словарей стремятся к полноте, но описание лексики языка ведется через речь (иной реальности у языка и нет), а речь всегда подвижна, изменчива, поэтому для дополнений в сущности нет предела. Не всегда бесспорны и заключения о литературности описанных фактов.

Расхождение мнений особенно заметно в тех случаях, когда дело касается освоения литературным языком областных или просторечных слов или значений, т.е. там, где особенно тесны контакты между живой и письменной речью. Характерен упрек А.М.Бабкина по поводу пропуска словарями слова галка в значении 'говорящая головня, уносимая

ветром с места пожара' ⁴. Считая его неоспоримым фактом современного литературного языка, автор осылается на фиксацию этого значения еще в Словаре Академии Российской 1806 г. ⁵ и цитаты из авторов конца 19 века и наших дней. Претензии к словарям не покажутся столь безусловными, если подойти к примерам с позиций критики источника. Первая цитата (Волжин, Картинки из судебной жизни) ориентирована на крестьянский быт, во второй писатель считает нужным пояснить употребленное им слово: "Это были галки, т.е. пшляющие головешки" (Мельшин, На утренней зорьке), в третьей слово взято в кавччки: В освещенном пламенем ночном воздухе летали, кружась "галки" (М.Алексеев, Вишневыи омут). Наконец, в последней, в мемуарах Шулейкина (Из пережитого), оборот "галки копоти", видимо, объясним особенностями его личного речевого запаса. Именно таковы причины использования слова и М.Горьким. Поэтому в "Словаре автобиографической трилогии М.Горького" представлены омонимы: галка - птица и галка - горячая головня ⁶. Они, как и многие другие слова, свидетельствуют о синтезе в языке Горького литературной и народной языковых традиций. Второй омоним - из нижегородского просторечия, теснейшим образом связанного с местными говорами.

4. Бабкин А.М. Слово в контексте и в словаре. - В кн.: Современная русская лексикография 1976. Л., 1977, с. 26, 27.
5. Нельзя однако упускать из виду временную дистанцию и различия в принципах стилистической характеристики слов в САР и современных словарях.
6. Словарь автобиографической трилогии М.Горького. Л., вып. I, 1973. Оспаривая верность такого решения и его обоснования в моей статье (Словарь М.Горького. - Вестник ЛГУ, Сер. истории языка и литературы, 1966, № 2, вып. I, с. 121), А.М.Бабкин неточно дает текст. В статье сказано: "В толковых словарях литературного языка приводится только первое из этих слов, второе описано в Словаре Даля". Слово "второе" заменено на "которое", что изменяет смысл.

Характерная для речи конкретизация значения в письменном тексте дается в виде разного рода пояснений. Бывают однако случаи, когда и здесь значения слов оказываются в прямой зависимости от внеязыковых обстоятельств, наподобие слов в живой речи. Один из примеров — употребление лексем буфетчик — буфетчица в Автобиографической трилогии Горького. Буфетчица в повести "В людях" — жена буфетчика, возглавлявшего буфетную прислугу на пароходе "Пермь". Он в этом смысле "хозяин", а жена его — "хозяйка" (в тексте повести встречается и такое наименование). Посудник Алепа выполняет при хозяйке-буфетчице обязанности горничной⁷.

В заключение можно сделать вывод о том, что не только словари, основанные на записях живой речи (разговорники, диалектные и т.д.), но и те из них, которые разрабатывают письменные источники, всегда имеют дело с речью, т.к. изучают значения слов по фактам употребления в разнообразных контекстах. Направленность же описания семантики слов бывает неодинаковой, в зависимости от чего одни из словарей оказываются языковыми, а другие речевыми. Обычные толковые словари — языковые, т.к. обобщают при анализе значений многие употребления, отвлекаясь от всего частного, нарушающего типовое. Словари, дающие описание словоупотребления в каждом данном речевом отрезке⁸, мы вправе назвать речевыми, хотя бы выводимые таким путем значения во многих случаях и совпадали с общеязыковыми, что и естественно, ведь речь — реальность языка.

7. Здесь видим известный отход значений от общепринятых (буфетчик — 'служащий в буфете', буфетчица — 'женск. к буфетчик'), фиксируемый в "Словаре автобиографической трилогии М. Горького": 'служащий буфета, старший над буфетной прислужкой' и 'жена буфетчика, помогающая мужу в буфете'.

8. О различии общих и писательских словарей см. Б.А. Ларин. Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького. — В кн.: Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974, с. 214.

II. ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАТИКА
LEKSISKĀ SEMANTIKA

О.В.Буш

Ин-т яз. и лит. АН ЛССР (Рига)

ДЕНОТАТИВНЫЕ И КОННОТАТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СЕМАТИКЕ
СЛЭНГИЗМОВ ЛАТВИЙСКОГО ЯЗЫКА

Чтобы судить о семантических явлениях, связанных с употреблением слэнгизмов в устной речи (предметом данной статьи является семантика коммуникатора при устной форме общения), необходимо иметь представление о контексте и ситуации речевого акта. Объем имеющегося в распоряжение автора соответствующего материала не позволяет считать все выводы истиной в последней инстанции, однако главные закономерности вырисовываются довольно отчетливо.

К таким закономерностям относятся пропорции денотативных и коннотативных элементов значения в лексике слэнга (под этим термином понимается вся одноязычная недиалектная нелитературная лексика), т.е., соотношение между смысловым содержанием слэнгизма и дополнительными компонентами его значения. Эти дополнительные компоненты или коннотативные семы являются обязательной принадлежностью слэнгизмов, большую часть которых можно было бы назвать коннотативно полисемическими словами. Как и в случае смысловой полисемии, коннотативные семы слэнгизма реализуются не все одновременно. В зависимости от функции слэнгизма, а также от среды общения, в каждом частном употреблении на передний план выдвигается один-два дополнительных компонента значения, иногда три, но возможно и такое употребление, при котором все коннотативные семы остаются за экраном и функционирует только денотативное значение слэнгизма.

Этот последний случай не соответствует распространенному мнению об эмоциональной экспрессивности как необходимым признаке слэнгизмов. Чтобы из семантического содержания слэнгизма реализовалось только смысловое ядро, не-

обходимой предпосылкой является игнорирование требований кодификации, использование слэнгизма, без осознания несоответствия данного слова кодифицированной норме (в дальнейшем такое употребление названо неосознанным, а использование слэнгизма с осознанием его несоответствия норме — осознанным употреблением).

Неосознанное употребление слэнгизмов возможно в двух основных ситуациях. Во-первых, такое стилистически и эмоционально нейтральное (в восприятии говорящего) использование слов слэнга характерно для среды, в которой слабо известны требования кодификации. Во-вторых, употребление слэнгизма может быть неосознанным непосредственно в момент речевого акта, хотя в принципе несоответствие данного слова норме говорящему известно.

Ближе рассмотрим второй случай. Нелитературные слова, которые используются в этой ситуации, можно разделить на три основные группы. Первую группу составляют слэнгизмы — "модные словечки". Это широко распространенные в языке, употребляемые часто и многими нелитературные слова, экспансия которых не связана с семантическими факторами или, во всяком случае, семантические факторы не являются главной причиной упомянутой экспансии. В латышском языке самым распространенным слэнгизмом этой группы является *tot*, чуть менее популярен *šau!* и некоторые другие нелитературные формулы вежливости. "Модными словечками" можно считать также некоторые часто используемые прилагательные и наречия, например, *ritīgs*, *bišķi*. Если мужчина 25–30 лет, ведя за руку через улицу трехлетнего ребенка, говорит ему: *fiksī, fiksī!*, то ясно, что в данном употреблении реализуется только денотативная сема. Чем активнее слова этой группы используются, тем меньше становится ассортимент их коннотативных сем, и, например, у упомянутого *tot* в устной форме общения очень редко может реализоваться дополнительный стилистический компонент значения, а эмоциональным "обертоном" это слово, по-видимому, вообще не обладает.

Вторую группу слэнгизмов, которые часто используются неосознанно, составляют те нелитературные слова, литера-

турный эквивалент которых в устной коммуникации используется реже соответствующего слэнгизма или, по крайней мере, не намного чаще. Несколько примеров: *ouka, falte, kalte, ģprice, ātervelet, zortēt*. При осознанном употреблении у этих слэнгизмов могут реализоваться и эмоциональные коннотативные семы, однако экспрессивность этих слов невелика.

Третью группу слэнгизмов, часто используемых неосознанно, составляют слова, которые не имеют синонимов в литературной лексике (В.Хомяков предлагает их называть монослэнгизмами или моноэлементами слэнга). Для латышского языка наиболее характерны такие монослэнгизмы, денотативная часть семантики которых отличается от близкого по смысловому содержанию литературного слова относительно небольшим нюансом значения. Чаще всего это глаголы или прилагательные, например: "*tik bezgal vienķārš liet, nu buogā, buogā, buogā - neiebuogāsi!*"; "*es tač zin tuo cim-perliģu, untumainus sieviet!*" Конечно, каждый монослэнгизм можно употребить и осознанно, реализуя одновременно со смысловым содержанием и стилистическую коннотативную сему. Однако, как правило, главной для этих слов остается номинативная функция. Дополнительные эмоциональные компоненты значения, как и в предыдущем случае, обычно малоэкспрессивны.

Номинативная функция слэнгизмов значительно более характерна для т.н. малых языков. Это связано с тем, что большая часть используемых главным образом в этой функции слэнгизмов являются нелитературными заимствованиями, а этот слой лексики значительно больше по объему в малых языках. Поэтому неудивительно, что многие лингвисты, изучающие слэнг больших языков, не отмечают использование слэнгизмов без дополнительных эмоциональных компонентов значения (особенно, если рассматриваются слова общего слэнга).

Для экспрессивной реализации коннотативных сем чаще используются те слэнгизмы, у которых имеются литературные синонимы. При осознанном употреблении такого слэн-

гизма обычно реализуется как стилистическая, так и эмоциональные коннотативные семы, которые бывают связаны причинно-следственным отношением

У слэнгизмов, образованных на базе латышской лексики, первичной часто является эмоциональная сема, в то время как у нелитературных заимствований первична почти всегда стилистическая сема.

Употребление слэнгизмов, связанное с реализацией дополнительных эмоциональных компонентов значения, в лингвистике (особенно в англистике) достаточно известно и изучено. Отметим лишь одну характерную для данного случая семантическую особенность. Когда слэнгизм употребляется с целью реализации эмоциональной коннотативной семы, с увеличением экспрессивности возрастает удельный вес этой семы в семантической структуре слова. При этом упомянутое возрастание определяется не только экспансией эмоциональной семы, но и одновременной редукцией коммуникативной значимости смыслового ядра. На то, что эмоциональная окраска может стать определяющей, в слове, указывала, в частности, И. Арнольд. Наиболее ярко эта тенденция проявляется в вульгаризмах и ругательствах, где возможна реализация одних коннотативных сем при полной редукции денотативных.

В семантическом содержании слэнгизмов денотативные и коннотативные элементы как бы не терпят друг друга. Чем экспрессивнее коннотативная сема, тем менее значимо номинативное содержание слова. Похожая тенденция, хотя и не столь наглядно, наблюдается и в литературной лексике. Вторая же сторона этой взаимосвязи кажется более характерной и типичной именно для слэнга. Она заключается в том, что с увеличением значимости смыслового содержания слэнгизма (в процессе устной коммуникации) идет на убыль реализация дополнительных компонентов значения этого слова. Взаимную нетерпимость денотативных и коннотативных элементов семантики слова в литературной лексике можно наблюдать спорадически, в слэнге же она становится правилом и доходит до взаимного истребления.

В.Г. Вилломан
Гос. пед. ин-т (Ленинград)

О ДЕНОТАЦИИ, ЗНАЧЕНИИ И СИНОНИМИИ

Синонимия слов издавна связывается с такими их признаками как общность денотации, общность значения, соотношенность слов с одним понятием, причем эти признаки рассматриваются либо изолированно, либо в комбинациях по два и по три признака. Спрашивается, в каких же отношениях находятся эти три признака, — совместимости, детерминации или взаимозависимости, и как эти признаки связаны с синонимией слов.

Для удобства рассуждения введем ряд символов и будем считать, что большие буквы А, В, С обозначают соответственно принадлежность двух или более слов одному понятию, наличие двух или более слов одного денотата, совпадение двух или более слов по значению. Так, признаку А отвечают прилагательные 'красивый', 'прелестный', 'чарующий'; признаку В — существительные 'рыбак' и 'садовник', если в данном контексте они называют одно и то же лицо; признаку С — существительные 'собака' и 'кошка', поскольку каждое из них означает 'домашнее животное'; малые буквы а, в, с будут означать отсутствие указанных признаков, то есть принадлежность слов к разным понятиям /а/, например, таких как 'железо' и 'балет'; отсутствие у слов общего денотата /в/, скажем, таких как 'садовник' и 'рыбак', если в данном контексте эти слова не называют одно и то же лицо; несовпадение слов по лексическому значению /с/, ср. 'музыкант' и 'небоскреб'.

Рассмотрим все принципиально возможные комбинации выделенных трех признаков.

Начнем с признаков В и С, то есть с денотации и значения /по поводу признака В, в заметим, что мы различаем здесь денотацию, отраженную в значении слова, денотатив-

ное значение, и денотацию контекстуальную, то есть лицо или предмет, который является денотатом слова в данном речевом контексте /.

Еще иногда встречается мнение, — слова означают то, что они называют. Оценку этому мнению можно дать, рассмотрев комбинаторику двух признаков, — контекстуальной денотации и значения: ВС, вС, Вс и вс. Комбинаторика из двух признаков дает нам четыре варианта, — оба признака налицо /ВС/, один из них налицо /вС, Вс / и оба признака отсутствуют /вс/. Так, вариант ВС может быть представлен словами 'воин' и 'боец', если в данном контексте они называют одно и то же лицо; вариант вС также может быть представлен этими словами в том случае, когда в том или ином контексте эти слова называют разных лиц, то есть имеют разные контекстуальные денотаты; вариант Вс может быть представлен словами 'шофер', 'рыбак', 'садовник', когда эти слова называют в контексте одно и то же лицо; здесь можно привести аналогию с математическими выражениями $16 = 4 \div 2$, $2+2=4=6-2$, $8:2=4=2 \times 2$, у которых один денотат, — 4, но каждое из этих выражений имеет свое значение, противоположное одно другому, так, извлечение корня противоположно возведению в степень, сложение — вычитанию, умножение — делению; вариант вс может быть представлен словами 'шофер', 'рыбак', 'садовник', когда они соотношены в контексте с разными лицами, то есть когда каждое из этих слов имеет свой контекстуальный денотат.

Аналогичным образом можно построить исчисление для признаков А и С, В и А и, наконец, для всех трех признаков А, В, С совместно.

Для признаков А и С получим: АС, Ас, аС, ас; для признаков В и А, — ВА, вА, Ва, ва. Это исчисление даст нам варианты, в которых либо оба признака налицо, — АС, ВА, либо один из них, — Ас, аС, вА, Ва, либо ни одного из них нет, — ас, ва. Итак, два или более слов могут относиться к одному понятию и иметь общность в значении — АС, либо не иметь при этом общности значения — Ас; два или более слов могут соотноситься с разными понятиями и

при этом либо иметь /аС /, либо не иметь /ас / общности в значении.

Два или более слов могут иметь общий денотат и при этом принадлежать либо к одному /ВА./, либо к разным понятиям /Ва /; два или более слов могут иметь разные денотаты и при этом соотноситься либо с одним /ва/, либо с разными понятиями /ва/.

Вариант АС может быть представлен словами - 'труд', 'сочинение', 'opus', имеющими общность в значении и относящимися к одному понятию 'творчества'; вариант Ас - словами 'точка', 'паровоз', относящимися к одному понятию 'средства передвижения', но имеющими разные значения; вариант аС - словами 'аромат' и 'вонь', оба слова означают 'запах', но одно из них относится к понятию приятного, другое - к понятию неприятного; вариант ас - словами 'музыкант' и 'небоскреб'.

Вариант ВА покрывает такие слова как 'сокровище', 'шедевр'; вариант Ва - слова 'игрок', 'шофер'; вариант вА - слова 'красавец', 'красавица'; вариант ва, - слова 'красавец', 'урод'.

Таким образом, мы получили все принципиально возможные комбинации из двух признаков В, С, в, с; А, С, а, с; А, В, а, в и нашли этим комбинациям соответствия в сфере наблюдаемых фактов.

Теперь мы можем исчислить все те комбинации, которые дадут нам три признака - А, В, С, а, в, с. Если число вариантов из двух признаков - четыре, то число вариантов из трех признаков - восемь, по формуле 2^3 , где 2 - число признаков. Итак, мы получаем варианты - АВС: аВС, АВс, авС, АВс, аВс, Авс, авс и можем обратиться к фактическому материалу с тем, чтобы увидеть, какие из полученных комбинаций признаков покрывают реально наблюдаемые факты.

Так, вариант АВС представляют группы слов 'труд', 'сочинение', 'opus'; 'боец', 'воин', когда у каждой из этих групп слов свой контекстуальный денотат, у первой, например, - Война и мир, у второй - Кутузов; вариант аВС также может быть представлен этими двумя группами

слов, при условии, что в контексте у слов 'труд', 'сочинение', 'опус' по своему денотату, - диссертация, роман, симфония, у слов 'воин' и 'боец' - по своему, скажем, у воина - Суворов, у бойца - Василий Теркин. Вариант АВС открывает и слова 'красавец', 'красавица' / ясно, что денотация может быть языковой и речевой, первая - традиционна и равнозначна денотативному значению, вторая - окказиональная: в контексте 'красавцем' может быть назван и некрасивый человек, 'бойцом' и 'воином' - не боец и не воин /

Вариант аВС может определить группу слов 'аромат', 'вонь'. Вариант АВС - слова 'игрок', 'шофер', если они имеют общий контекстуальный денотат; их понятийная общность очевидна /человек, люди/; вариант АВС охватывает и выражение $6-2=4$, $4-2+2$, которые различаются по значению /вычитание, сложение/ и объединяются по денотату /число четыре/ и понятийной отнесенности /арифметические действия /.

Вариант аВС можно проиллюстрировать пушкинской цитатой - Что сделалось с тобой, Державин? И ты судьбой Невтону равен, Ты бог - ты червь, ты свет - ты ночь . Здесь у слов 'бог' и 'червь', 'свет' и 'ночь', противоположных по значению и понятийной отнесенности, один контекстуальный денотат - Державин.

Державинская цитата - я царь, я раб, я червь, я бог может служить примером на вариант аВС и на вариант АВС; первый возникает при противопоставлении 'царь' - 'раб', 'червь' - 'бог', второй - при сближении 'царь' - 'бог', 'раб' - 'червь', выступающим как контекстуальные синонимы. Вариант аВС можно усмотреть и в пушкинской цитате, акцентируя смысловые сближения в парах слов 'бог' - 'свет', 'червь' - 'ночь', где мы также имеем дело с контекстуальной синонимией.

Вариант АВС может покрыть такое сочетание слов как палитра и резец, имея в виду, что слова здесь расходятся по значению и денотации, но сближаются к одному понятию - 'искусство', ср. у Пушкина: ... увижу сей дворец, Где циркуль зодчего, палитра и резец Ученой прихоти твоей повиновались И, вдохновенные, в волшебстве состязались .

Вариант авс может быть представлен таким словосочетанием как меч и лира, ср. у Пушкина: Стократ священный союз меча и лиры.

Общепризнано, что без схождения слов в значениях и смыслах нет синонимии / признак С /, этот признак выступает в следующих комбинациях с остальными двумя - А, а и В, в : АВС, аВС, АвС, авС. Таким образом, именно эти четыре комбинации признаков оказываются релевантными для синонимии, остальные четыре комбинации признаков для синонимии не релевантны, - АВс, аВс, Авс, авс.

Спрашивается, в каких отношениях находятся признаки, релевантные для синонимии: детерминирует ли один из них остальные два или, напротив, два признака детерминируют третий, скажем, если А, то непременно ВС, или если АВ, то непременно С. Нет, этого утверждать нельзя: факты показывают, что признаки А, В, С, а, в, с всего лишь совместимы.

Как известно, то или иное значение или смысл слова определяется условиями дистрибуции /Е / и сочетаемости /F /, следовательно, дистрибуция и сочетаемость релевантны для синонимии слов.

Синонимы - категория стиля, они, частично совпадая по значению или смыслу, имея общую сочетаемость и дистрибуцию, способны к частичной взаимозамене, при этом синонимы могут оставаться в одной стилистической сфере или размещаться по разным стилистическим сферам; таким образом, в определение синонимии входят и такие признаки как взаимозаменяемость /G / и стилистическая принадлежность /D /. В определениях синонимии встречаются и такие признаки как морфологическая общность слов /M / и сходство в звучании слов /H /.

Итак, мы насчитали девять признаков синонимии слов, - А, В, С, F, E, G, M, H, что принципиально дает 512 ее определений, начиная с определения, когда все эти девять признаков налицо и кончая определением, не содержащим ни одного из этих девяти признаков; последнее определение, разумеется, не может нас удовлетворить, поэтому реально мы

располагаем 511 определениями синоними.

Разделяя признаки синоними на необходимые и достаточные, с одной стороны, и факультативные, с другой, мы приходим к выводу, что первыми являются семантические и функциональные сходжения слов, иначе, их частичная семантическая общность и частичная заменяемость, — признаки С, Е, Р, G, остальные пять признаков, — А, В, D, Н, М являются для синоними факультативными.

Н.П.Гусаров

ЛГУ им. П.Стучки /Рига/

КОЛОРАТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К. ПАУСТОВСКОГО

У каждого поэта, писателя есть своя цветовая гамма, своего рода спектр, изучение которого дает нам возможность глубоко проникнуть в его мироощущение.

Распространено мнение, что палитра К.Паустовского полутоновая, что по соотношению цветовых тонов в замкнутом отрезке текста цветопись К.Паустовского гармонична и распределена по тексту.

Не ставя под сомнение это положение, мы в данной работе преследуем цель: показать использование контрастных тонов в художественной прозе К. Паустовского, а именно — лексико-семантической группы /ЛСТ/ черного и желтого, — как нам кажется, излюбленных цветов писателя¹.

Как показал исследуемый материал, большинство случаев употребления прилагательного черный и его семантического поля реализует его прямое значение и в подавляющем большинстве выполняет прямую, номинативную функцию, т.е. относится к таким понятиям, которые воспринимаются зрением. Но очень часто ЛСТ, связанная с цветообозначением черного, несет дополнительную, эмоциональную нагрузку, яв-

1. Данная статья представляет лишь небольшую часть исследования о цветописи К.Г.Паустовского.

ляясь важным элементом художественно-композиционной структуры произведений писателя.

Так, в "Романтиках" сочетания "черная ночь" /1, 185/, "черные платяные полей" /187/, "черное распятие", "черные поля" /187/, "черные стекла" /189/, "черные следы" /190/² как бы подготавливают читателя к восприятию тяжелых событий всенного времени.

Интенсивное употребление Паустовским во многих контекстах семантически опорного слова "черный" делает его лейтмотивным, создает настроение трагичности, безысходности событий, например, в рассказе "Черные сети". Достаточно сказать, что в этом рассказе на 7 страниц текста приходится 11 слов этого цвета. Его использование определяется прежде всего общей эмоциональной напряженностью произведения. Подобных случаев немало как в ранних, так и в поздних произведениях писателя.

В произведениях К. Паустовского мы также наблюдаем использование им переносных значений слов, созданных на базе общенародных, с ЛСГ черного: "черный ужас" - о высшем проявлении испуга, страха; "черная измена" в значении 'злонамеренная, коварная, злобная' /Бросок на юг, У, 307/; "черная душа" - 'о человеке подлом, преступном, злом' /Бросок на юг, У, 307 /; "черные дни, черные времена" - 'горестные, трудные, связанные с какими-нибудь невзгодами' /Судьба Шарля Лонсевилля, IV, 38/, /Северная повесть, II, 218/.

Очевидно, по аналогии с общенародными выражениями "тяжелая доля", "горькая судьба" возникает у Паустовского просторечное сочетание "судьбина чугунная" /Судьба Шарля Лонсевилля, IV, 20/. Со значением 'трагический, тяжелый' употребляется сочетание "черная весть" /Подводные ветры, IV, 456 /. Значение 'крайне тяжелый случай, несчастье, горе' имеет черный в сочетании "черная беда" /ср. в общенародном языке "черная кручина", "черный день"

2. Паустовский К. Собр. соч. в 6-ти томах.-М., 1957-1958 гг. В дальнейшем все ссылки на это издание.

/ Ночь в октябре, У, 149 /.

Функциональная роль ЛСГ желтого в художественной прозе К. Паустовского неоднопланова, как многоаспектно психологическое воздействие желтого цвета на человека.

Особая функция этого прилагательного, с одной стороны, - в соединении с другими цветовыми прилагательными - создавать зримые пейзажные зарисовки, в которых желтый - цвет ярких, солнечных красок, радужного настроения. С другой стороны - желтый цвет нередко вызывает неприятные, тяжелые ассоциации, особенно с черным, серым, темным, либо употребляется для характеристики чего-то незвучного, увядшего, не радующего глаз.

Большинство прямых значений ЛСГ желтого в художественной прозе К. Паустовского наблюдается при описании картин природы, особенно осеннего пейзажа, всегда волновавшего писателя и вызывавшего в нем радостные чувства:

Никогда Берг не писал так легко, как в этой комнате, засыпанной желтой листвой и сеном, под лай мохнатого пса /Блестающие облака, I, 201/.

Здесь желтый - цвета солнца или золота, что-то яркое, праздничное, созвучное с настроением героя.

Нередко метафорические эпитеты, сочетающиеся с прилагательными ЛСГ желтого, несут оценочную функцию, подкрепляя созданный автором образ.

- Иволги летят над небесами, летят желтые веселые птицы и перевсitivityваются, зовут гостей /Желтый свет, У1, 521/.

Но желтый цвет у Паустовского чаще всего вызывает неприятные ассоциации.

В рассказе "Ценный груз" Паустовский рассказывает о чудаке, сопровождавшем груз игрушек на пароходе в Англию. Чудак никому не нравился, он всех раздражал, т.к. был одет так, что напоминал "голенастое тропическое животное пестрой раскраски". Преобладающим цветом в его одежде был желтый цвет:

/Чудак/ был в клетчатых чрезмерно широких брюках желтого цвета. Желтизна брюк явно раздражала Штер-

на, может быть потому, что все вокруг было серого и мягкого цвета /Ценный груз, IV, 392/.

Употребляя ЛСГ желтого для характеристики чего-то невзрачного, поблекшего, увядшего, скучного, не радующего глаз, К. Паустовский использует эпитеты угрюмый, дряхлый, мутный, слепой, холодный, грязный, худой и т.п. Мы сидели за столом, освещенным только уличными фонарями и слепой желтой луной /Итальянские записи, 8, 391/.

Дело было к вечеру. Небо уже померкло, но в окнах домов еще отражался желтоватый холодный закат /Беглые встречи, 7, 461 /.

Иногда рядом с такими метафорическими эпитетами Паустовский употребляет синоним желтого - рыжий, переводя тем самым описание в сниженный план:

Улицы упирались в рыжие и угрюмые скалы /Кара-Бугаз, I, 456 /.

Нередко желтый соседствует с ЛСГ черного, выполняя при этом единую стилистическую функцию:

Желтый свет смешивался с темнотой промозглою и покрывал грязными пятнами лица людей и начатые холсты /Исаак Левитан, 4, 183 /.

Чаще всего и остальная лексика, связанная с понятиями группами желтого и черного, способствует созданию картин, созвучной настроению героев:

Море швырялось желтой пеной, чернело от туч, а к полудню поднялось и пошло на город мутными ровными валами /Этикетки для колониальных товаров, 4, 368 /.

В повести "Кара-Бугаз" в связи с поставленной К. Паустовским задачей, автор использует два контрастных цвета: черный и желто-красный. Сочетание этих тонов создает мрачную картину, усиливает трагизм описываемых событий: черный остров, красный диван, желтый официант, черная тень, желтая труба, рыжий дым, черное имя, желтела ледяная заря, рыжая вода, черные волны, желтый огонь, красный от ветра капитан.

На контрасте ЛСГ желтого и черного построен рассказ "Кружевница Настя", в котором вся колоративная лексика употребляется для одной цели - усиления трагичности происходящего.

Грозовое желтое небо все еще дымилось за окном...

Мокрые цветы диких пионов горели на лодоконнике, как раскаленные угли / Кружевница Настя, У, 7/.

Черно-желтая гамма способствует также созданию эмоционального тона повествования в рассказе: река несла черную воду и даже желтая краска на рабочем костюме полотера создают унылое настроение и подчеркивают тяжелое душевное состояние кружевницы Насти.

Но черный в сочетании с золотым - цвет торжественный, создающий особое, приподнятое настроение:

Нескучный сад был весь точно выткан черным узором ветвей и позолотой листвы, пережившей зиму /Романтики, I, 80/.

Тропические определения "черная" и "золотая", передавая поэтическое восприятие света и тьмы приобретают в следующем контексте символическое значение: черная краска - ночь, золотая - огни.

Хотелось вечера, когда изгнанные краски - черная и золотая - ночь и огни - вернутся на землю /Блестящие облака, I, 238 /.

Часто номинативное значение слова утрачивается, цветовой признак в нем поэтому или слабо ощущается, или отсутствует совершенно, уступая развивающимся переносным или символическим значениям, например: желтая тоска, желтая злость и т.п. Привычно сочетание - "тоска /скука/ зеленая" /о томительной скуке, тоске/.

У Паустовского - желтая тоска:

У меня была отвратительная комната. Во время дождя потолок промокал и приобретал черный, угрожающий цвет.

... На желтой и липкой стене мой предшественник наклеил карту Босфора и вырезанный из "Нивы" портрет Венизелоса.

По вечерам, когда было холодно, я заводил керосишку. Тоска на душе была такая же желтая и липкая, как стены моей комнаты, и такая же ненужная, как портрет Венизелоса с орденами на просторном смуртке /Этикетки для колониальных товаров, 4, 354/.

Желтая тоска - неотступное тяжелое состояние угнетения, подавленности человека, вызванное обывательской, пошлой обстановкой.

Желтой может быть также злость:

/На старика/ было страшно смотреть. Лицо его почернело. В глазах было столько желтой злости, что я бы не хотел встретиться с этим стариком в пустом переулке /Беспокойная юность, 3, 337/.

Желтая злость - конечно, здесь что-то от желчи, которая "иногда почти черного цвета и горька" ¹ /ср. желчный человек - о крайней раздражительном человеке, имеющем злобный по природе нрав/.

Интересно употребление этой лексики в составе сравнительного контекста:

Бодлер знал только черный колпак над лампой. Он просвечивал коричневым светом, как желчь /Романтики, I, 51/.

В переносном значении 'прсдажный, предательский, изменнический' употребляется сочетание желтая пресса:

- Кто мы? Желтая пресса! Бульварные журналисты!
/Время больших ожиданий, У, 18 /.

В повести "Беспокойная юность" автор описывает грязный и "беспорядочный поселок, окруженный лачугами и землянками". Время войны. Все серо, уныло и даже свет какой-то нездоровый - тусклый, наводящий тоску, скуку. Родается выражение - "желтушный свет":

Гостиница "Великобритания" заслуживает того, чтобы ее описать, как давно вымершее ископаемое.

Стены ее были выкрашены в цвет грязного мяса. Но это владельцу гостиницы показалось скучным. Он приказал покрыть стены модной тогда декадентской рос-

¹ Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля М., 1955.

писью — белыми и лиловыми крисами и кокетливыми головками женщин, выглядывавшим из водяных лилий. Неистребимый запах дешевой пудры, кухонного чада и лекарства стоял повсюду. Электричество горело тускло, читать при его желтушном свете было нельзя. Все кровати были продавлены, как корыта /Беспокойная юность, Ш, 507./

Таким образом, проанализированный материал убеждает нас в том, что К. Паустовский, наряду с полутоновой цветописью, использует и колоративную лексику контрастных тонов, имеющую обязательный эмоциональный план и употребляющуюся с определенным стилистическим заданием автора.

Кроме контекстов, где цветопись используется в прямой, номинативной функции, исследуемая лексика употребляется также в переносных и символических значениях, которые строятся на базе народной цветовой символики, углубляясь и конкретизируясь согласно индивидуальному поэтическому видению мира.

Н.А.Козина

ЛГУ им. П.Стучки /Рига/

АНТОНИМИЯ В ОЧЕРКЕ М.ЦВЕТАЕВОЙ "МОЙ ПУШКИН"

"Мой Пушкин" — не литературоведческая работа. "Это скорее психологический этюд, попытка воскресить и воспроизвести детское восприятие пушкинского творчества, которое — при всей наивности этого восприятия — оказывалось первой, на всю жизнь неизгладимой школой не только поэтических впечатлений, но и нравственных понятий"¹.

Цветаева выбрала для их выражения черный и белый цвета в ее поэтическом восприятии. Эти цвета-образы вводят читателя в чистый, непосредственный мир ребенка, мир, со свойственными ему контрастами: для девочки четырех-

1. Вступительная заметка к публикации очерка М.Цветаевой "Мой Пушкин". — Наука и жизнь, 1967, № 2, с. 122.

пяти лет промежуточные качества между черным и белым, добром и злом, вероятно, не существенны.

Сюжета в строгом понимании этого слова в очерке нет. Изложение передает диалектику душевного состояния автора.

Первая встреча Цветаевой с Пушкиным - черно-белая в восприятии девочки картина художника Наумова "Дуэль": "Снег, черные прутья деревьев, двое черных людей проводят третьего, под мышки, к саням - а еще один, другой, спиной отходит" /33/I.

В этом предложении противопоставлены слово "снег" и словосочетания "четные прутья деревьев" и "двое черных людей". Черный - это цвет безлистных деревьев, черные люди - секунданты в черных одеждах, т.е. соотносятся черный и белый цвета реальных вещей. Но здесь уже намечается драматическая ситуация: одного ведут, другой идет сам. В следующей фразе: "Уводимый - Пушкин, отходящий - Дантес", - возникает противопоставление двух имен - Пушкина и Дантеса, - которые уже самой историей поставлены в антагонистические отношения. Теперь как антонимы воспринимаются и слова "уводимый" - "отходящий": первый ранен, не может идти сам, жертва чего-то только что случившегося, второй - виновник происшедшего, не пострадал, идет сам.

"Дантес вызвал Пушкина на дуэль, то есть заманил его на снег и там, между черных безлистных деревьев, убил" /33/. На первый взгляд, здесь все то же противопоставление снега и черных деревьев. Однако слово "заманил", означая "привлекая чем-нибудь, завлечь /обычно хитростью, уловками, обманом/ знаменует отход от нейтрально-цветового обозначения². Снег /белый/ - это уже не просто фон происходящих

1. Цветаева М. Мой Пушкин.-М., 1967. В дальнейшем цитирую по этому изданию. В скобках указана страница. Знаком -- обозначены кушоры в тексте. Разрядка автора.

2. Характерен повтор этой фразы в предложении: -Дантес возненавидел Пушкина, потому что сам не мог писать стихи, и вызвал его на дуэль, то есть заманил на снег и там убил его из пистолета в живот /33-34/.

событий, а место убийства. Белое приобретает предательский характер. Двое черных людей в союзе с черными деревцами воспринимаются как свидетели черного дела. Обычное соотношение белый /снег/ - черный /деревца, люди/ перемещается в необычную плоскость, из противопоставления приближаясь к тождеству, так как черное привычно соотносится с преступным, но и белое в данном случае - тоже.

Антония черн^{ый} - бел^{ый} вовлекает в противопоставление и другие пары слов: "Потом я узнала, что Пушкин - поэт, а Дантес - француз" /33/. Слова поэт - француз имеют прямое значение, вне контекста они не имеют общего основания для сравнения. Их противопоставленность возникает из представления четырехлетней девочки, которой об одном из них - Пушкине - известно только, что он поэт, а о другом - Дантесе, - что он француз, не поэт. Не поэт убил поэта. И для нее соотношение Пушкин - Дантес равнозначно соотношению поэт - француз, поэт - не поэт и, в итоге, представлению о добре и зле.

Дальше мысль Цветаевой-девочки о несовместимости добра и зла углубляется размышлениями взрослой Цветаевой: "Да, по существу, третьего в этой дуэли не было. Было двое: любой и один. То есть вечные действующие лица пушкинской лирики: поэт и черн^ь. Черн^ь, на этот раз в мундире кавалергарда, убила поэта" /34/. Возникает параллельное противопоставление поэт - черн^ь, подразумевающее под словом "черн^ь" светское общество, людей, олицетворяющих зло.

В описании спальни матери присутствуют все те же два цвета: "Черная с белым, без единого цветного пятна, материнская спальня, черное с белым окно: снег и прутья тех деревьев, черная и белая картина - "Дуэль", где на близине снега совершается черное дело: вечное черное дело убийства поэта - черн^ь" /35/.

Здесь внешне повторяются, а по сути усиливаются противопоставленные уже акценты. На картине не просто снег, а близина снега - как бы удвоенное белое, на фоне которого совершается зло - черное дело, и белое выступает в союзе с черн^ь/по сути блестящей, белой/ и черным делом. По-

следнее же противопоставление поэт - чернь приобретает более глубокий смысл, благодаря следующей фразе между первым и вторым описанием: "Отпихнул пистолет, протянул руку, - этим, со всеми нами, явно возвращая Пушкина в его родную Африку мести и страсти—" /35/.

Упоминание о происхождении поэта меняет традиционное представление о символике черного и белого. Пушкин - поэт, человек, олицетворяющий светлое, благородное начало, - негр, черн^{ый}. Но у читателя уже сложилось противопоставление ассоциативных цепей: Пушкин - поэт - добро и Дантес - чернь - зло. Получается, что добро связано с черным цветом, а зло, в понимании Цветаевой, с чистотой, блеском светского общества - чернью и белизной снега - соучастников убийства. Именно это соотношение является исходным пунктом в восприятии Цветаевой анализируемых цветов.

Черный цвет - это и цвет материала, из которого отлит монумент поэту. Здесь в противопоставлении белого и черного возникает устойчивая ассоциация черное - полное, белое - пустое. Хотя последний признак и не назван, он логически выводится из противопоставления: "Пам.тник-Пушкина я любила за черноту - обратную белизны наших домашних богов. У тех глаза были совсем белые, а у Пам.тник-Пушкина совсем черные, совсем полные" /42/¹.

В описании памятника черное связывается у Цветаевой с представлением о надежности, постоянности, вечности: "Пушкин не воспоминание, а состояние, Пушкин - всегда и

I. Ср. в новелле Цветаевой "Мать и музика" детское восприятие гаммы: "— до - явно белое, пустое, до всего, ре - голубое, ми - желтое—" /Литературная Россия, 1960, № 46/. Нота "до" окрашена в этом нотно-цветовом ряду в белый цвет. До-белое, пустое, до всего, где "до" уже не столько нота, сколько предлог и "до всего" обозначает в таком случае своеобразную точку отсчета, до - начало гаммы, очевидно поэтому "окрашено" в ахроматический цвет, очевидно поэтому пустое.

отвсегда, — до "Дузели" Наумова была заря, и из нее вырастая, в нее уходя, ее плечами рассекая, как пловец — реку, — черный человек выше всех и чернее всех — с наклоненной головой и шляпой в руке" /37/. Изменилось и качество черного: это не просто черный, а чернее всех. "Чернее всех" становится в словесный ряд, обозначающий нравственное превосходство, "выше всех" не только в буквальном, но и в переносном смысле.

Представление о значительной величине подкрепляется воспоминанием о детской игре: "приставлять к его /памятника/ подножью мизинную, с детской мизинцею, белую фарфоровую куколку, приставлять к гигантову подножью такую фигурку и, постепенно проходя взглядом снизу вверх гранитный отвес пока голова не отваливалась, рост — сравнивать" /39-40/. Так белое связывается с чем-то очень маленьким, мизерным, а черное с очень большим, даже гигантским.

"Памятник Пушкина был и моей первой встречей с черным и белым: такой черный, такая белая! — и так как ч е р н ы й был явлен гигантом, а б е л ы й — комической фигуркой, и так как непременно нужно было выбирать, я тогда же и навсегда выбрала черного, а не белого, черное, а не белое: черную думу, черную долю, черную жизнь" /40/. Взрослый человек одобряет ребенка: выбрала черного, а не белого. Что обозначает это отступление от ожидаемой грамматической формы? Ведь сравниваются памятник и куколка, следовательно, по контексту должно было быть "черного, а не белую"? Вероятно, это обозначает возвращение к прежним устойчивым Цветаевским ассоциациям: черный — поэт, Пушкин; белый — не поэт, все, кто ему противопоставлен. И наконец, "выбрала черное, а не белое: черную думу, черную долю, черную жизнь". Черный здесь — 'мрачный, безотрадный, тяжелый'. Но этим не исчерпывается смысл, вложенный Цветаевой в эти слова. Здесь черная судьба — это и судьба поэта. Но Цветаева — наследница Пушкина не только в поэтическом, но и в духовном, нравственном плане. Унаследовать пушкинскую судьбу — это значит, унаследовать судьбу трагическую,

полную страданий.

Вспоминая сцену объяснения Татьяны с Онегиным, которую девочка-Цветаева видела в театре, поэтесса пишет:

"Эта первая моя любовная сцена предопределила все мои последующие, всю страсть во мне несчастной, невзаимной, невозможной любви. Я с той самой минуты не захотела быть счастливой и этим себя на н е л ю б о в ь - обрекла" /63/.

Цветаева признает только драматичность отношений и чувств, для себя она избирает "полноту страдания": "Между полнотой желаний и исполнением желаний, между полнотой страдания и пустотой счастья мой выбор был сделан отродясь -и дородясь" /65/¹. /Ср. цветовые ассоциации: полный - черный, пустой - белый/.

Восприятие Цветаевой поэтической личности Пушкина и творческие, духовные связи с ним заставляют воспринимать сочетания "черная дума, черная доля, черная жизнь" семантически и эмоционально обогащенными. Это, очевидно, жизнь, связанная с поэзией, с полнотой страдания, доля, разделенная с Пушкиным, его судьба, повторенная во многом Цветаевой, мысли, разделенные с ним.

Новые смысловые грани в противопоставлении слов "черный" и "белый" возникают в ассоциации Пушкин - книга, его творческое наследие. Пушкин ввел девочку в незнакомый мир чувств, мир тайный, скрываемый взрослыми: "Пушкин заразил меня любовью. С л о в о м - любовь" /56/. Пушкин дал имя чувствам, вызываемым хотя и повседневными, простыми событиями, но непременно связанным с чувством утраты, означающим расставание с чем-то или кем-то очень дорогим, чувствами, связанными со страданием: "Когда горничная

I. То же семантическое соотношение счастливый - пустой выявляется в передаче Цветаевой пушкинского восприятия моря: "Море Пушкина - море дуг, море зовущее и идущее - Море - взаимное, тот единственный случай взаимности - до краев и через морской край наполненный, а не пустой, как счастливая любовь" /103/.

походя сняла с чужой форточки рыжего кота, который сидел и зевал, и он потом три дня жил у нас в зале под пальмами, а потом ушел и никогда не вернулся — это любовь. Когда Августа Ивановна говорит, что она от нас уедет в Ригу и больше никогда не вернется — это любовь. Когда барабанщик уходил на войну и потом никогда не вернулся — это любовь. Когда розово-газовых нафталиновых парижских кукол весной после перетряски опять убирают в сундук, а я стою и смотрю и знаю, что я их больше никогда не увижу — это любовь. То есть э т о от рыжего кота, Августа Ивановны, барабанщика и кукол —" /56-57/.

Такому пониманию любви Цветаева-девочка противопоставляет другие отношения и вызываемые ими эмоции: "А вот волк и ягненок — не любовь, хотя мать меня и убеждает, что это очень грустно: — Подумай, такой белый, невинный ягненок, который никакой воды не мутит..." /57/. Но белое, невинное, не способное к сопротивлению не может пробудить в ней сильных чувств, потому что для Цветаевой оно белое, пустое. Белое в образе ягненка безлико, мизерно, как белая фарфоровая куколка, которая годится лишь для того, чтобы яснее представить грандиозность памятника.

Затем в памяти возникает образ Вожатого. Пушкинского Вожатого, которого она любила больше всего на свете, потому что он — "главная тайна". Противопоставление тайный — явный соотносится у Цветаевой с противопоставлением полный — /черный/ — пустой/ белый/. Антонимия тайное — явное развивается в следующем контексте: "После тайного сине-лилового Пушкина у меня появился другой Пушкин — уже не краденый, а дареный; не тайный, а явный, не толсто-синий, а тонко-синий, — обезвреженный, прирученный. — В нем и Цыганы были другие, без Алеко, без Земфиры, с одним только медведем. Это была тайная любовь, ставшая явной..." /67/.

В этом дозволенном Пушкине не осталось Татьяны с Онегиным, а только вырванная из плоти всего произведения "Зима, крестьянин торжествуя". "Явный", адаптированный Пушкин стал чужим со своей белой зимой, так как на языке взрослой Цветаевой "Зима, крестьянин торжествуя" — "идил-

лия, т.е. та самая счастливая любовь, ни смысла, ни цели, ни наполнения которой" она не сумела понять и никогда не приняла /69/.

Итак, своеобразие стиля М.Цветаевой связано с углублением и переосмыслением общеязыковой символики слов "черный" и "белый". Привычные ореолы их восприятия меняются на противоположные: у Цветаевой черное имеет позитивное содержание, а белое - пейоративное. Черный соотносится со смыслами - полный, значительный по величине, самый лучший, тайный, полный страдания; белый - пустой, незначительный по величине, неинтересный, явный, счастливый.

Основным в определении смысловой наполненности слов "черный" и "белый" является то, что черное связывается с Пушкиным, олицетворяющим светлое, благородное начало, а белое - с блеском светской черни в лице Дантеса.

Е.С.Копорская

Ин-т русского яз. АН СССР

ПРОЦЕССЫ СЕМАТИЧЕСКОЙ АНАЛОГИИ И ИХ РОЛЬ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

Процесс семантической аналогии, или по терминологии других лингвистов - "синонимической аналогии" (Ю.С.Сорокин)¹, "синонимической деривации" (М.Швоб и Г.Гнейсс)², "ассоциация слов" (М.М.Покровский)³, как один из самых интересных семантических процессов отмечался многими отечественными и зарубежными учеными.

1. Сорокин Ю.С. О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. - В кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка. М.-Л., 1966, с. 33.

2. Доза А. История французского языка. - М., 1956, с. 196.

3. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. - М., 1959, с. 89 - 92.

Этот процесс заключается в выравнивании смысловых структур у слов, имеющих какие-либо общие значения или оттенки в значении, но обладающих разным количеством значений, или другими словами, разным набором семантических множителей, или лексико-семантических вариантов.

Большинство зарубежных ученых считали этот процесс типичным лишь для определенных сфер языка, таких, например, как арго. В отечественной лингвистике семантическая аналогия рассматривается как процесс, характерный и для литературных языков. Так, акад. В.В.Виноградов в ряде работ указывал на большую роль процесса семантической аналогии в истории русского литературного языка в разные периоды его развития. Ю.С.Сорокин отмечал, что "действие закона синонимической аналогии" представляет большой интерес для изучения лексики русского литературного языка⁴.

Однако, как представляется, этот процесс еще недостаточно привлекает внимание исследователей. При активизации его в отдельные исторические эпохи он может играть большую роль в развитии литературной лексики. Такая активизация процесса семантической аналогии наблюдается в XVIII - нач. XIX вв. - в период активного формирования национального русского литературного языка. Центральным для этого времени процессом - окончательное слияние двух генетических стихий - народно-русской и книжно-славянской - в единый органический сплав. Это слияние привело к тому, что, как отмечал Г.О.Винокур, "в составе современного русского литературного языка вошедшие в него книжные и живые элементы русской речи слились в одно неразличимое целое"⁵. Слияние славянизмов и русизмов представляло собой сложный процесс внутреннего семантического взаимопроникновения и перераспределения значений. Смысловое объединение лексики двух генетических стихий проходило в значительной степени посредством процесса семантической аналогии.

4. См. Сорокин Ю.С. Указ. работа, с. 33.

5. Винокур Г.О. О славянизмах в современном русском литературном языке. - В кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 409.

Этот процесс в кругу славянизмов и русской лексики имел две стороны: с одной стороны - влияние семантики книжно-славянских слов на русские, с другой - семантическое воздействие русских слов на славянизмы. Такое воздействие во многом определялось различиями в свойствах, особенностях лексико-семантических систем двух типов древнерусского языка - книжно-славянского и народно-литературного (или, по терминологии других лингвистов, - двух языков: церковнославянского и древнерусского).

Влияние славянизмов на значения русизмов определялось особенностями семантики книжно-славянской лексики. Книжно-славянский тип древнерусского языка (или церковнославянский язык) обладал более развитой системой выражения отвлеченных понятий. Для славянизмов была характерна та сфера книжной отвлеченности, без овладения которой русская лексика не могла стать основой русского литературного языка нового времени. "Живая народная речь - писал акад. В.В.Виноградов, - была ... не приспособлена к выражению отвлеченных понятий и в необработанном виде не могла стать семантическим центром сложной системы разнообразных стилей национально-литературного языка"⁶.

Процесс семантической аналогии был одним из процессов, которые способствовали широкому проникновению русизмов в сферу отвлеченной книжной лексики и закреплению ее в этой сфере. Посредством этого процесса многие русские слова XIII в. начинают употребляться в тех отвлеченных значениях, в которых до сих пор употреблялись только славянизмы. Для них становится характерны те же словосочетания и контексты, что и для книжно-славянских слов.

Так, например, русское слово ход начинает употребляться почти во всех значениях, в которых в литературном языке XIII в. функционировал славянизм течение. У этих слов было общее значение - 'действие идущего, бегущего, плывущего'. Кроме того, у славянизма течение был еще че-

6. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XIII - XIX вв. - М., 1938, с. 143.

ный ряд значений, обозначающих отвлеченное действие. Эти значения развиваются и у слова ход. Например:

1. В конце XVIII - нач. XIX в. активным у слова течение было значение 'развитие, изменение чего-л. во времени (об общественной жизни, просвещении, искусствах, литературе, идеях, промышленности)'... / народ / благородными искусствами, литературой и науками способствует успехам человечества в его славном течении к цели умственного и морального совершенства (журнал "Вестник Европы", 1802 г.). В этом же значении начинает употребляться и слово ход: ... состояние и ход нынешнего просвещения (Устав Союза Благочестивых).

2. Слово ход начинает функционировать и в другом значении, свойственном слову течение, - 'процесс прохождения, протекания чего-л., установленный, заведенный порядок действия'. Например: ... способ ускорить течение дел (Вестник Европы, 1802); надзор губернского начальства за течением дел (И.Дмитриев, Взгляд на мою жизнь) и - узнать ход следственного моего дела (И.Дмитриев, Там же).

3. Слово ход вступает и в устойчивые сочетания, свойственные славянизму течение, например, такие как течение вещей, обстоятельств. Например у К.Батюшкова в письме к Дашкову: ... следуя обыкновенному течению вещей; у Пушкина: Следуя обыкновенному ходу вещей, Радищев должен был достигнуть одной из первых степеней государственных ("Александр Радищев").

Диалектное слово быт, имевшее первоначально значение 'имущество, пожитки', вступает в лексико-семантические связи, свойственные славянизму бытие. Оно начинает употребляться в сочетании со словами общественный, политический и другими и приобретает значение 'условия общественной жизни', характерное для слова бытие в XVIII в.

Слово выразить также начинает функционировать в значении, ранее свойственном славянизму изразить, - 'обнаружить, показать каким-л. внешним проявлением, знаками; высказать, передать'. На протяжении XVIII-нач. XIX в. слово выразить вытесняет славянизм из употребления в литературном языке.

Как вариант славянизма издать в значении 'опубликовать' на протяжении всего XVIII в. употреблялось русское слово *выдать*. Однако значение 'опубликовать' осталось за словом *издать*.

Наиболее сильное семантическое воздействие на русские слова оказывали славянизмы с различными переносными отвлеченными значениями. Русские слова, имевшие с такими славянизмами общие номинативные значения, легко "заимствуют" у них и переносные. Так, например, русские слова *пробудить* и *разбудить* развивают значение 'породить, вызвать, усилить', свойственное ранее славянизму *возбудить*. Слова *врезать*, *врезаться* начинают функционировать в значении, характерном для славянизмов *впечатлеть*, *впечатлеться* - 'утвердить или утвердиться чему-л. в душе, памяти'.

Возникновение вариантных отношений наблюдается и у многих других русских и книжно-славянских параллелей, например, таких, как *отверзти* - *открыть* - *отворить* и их производных, *объять* - *обнять* и их производных, *излить* - *вылить*, *изгнать* - *выгнать*, *предать* - *передать*, *прервать* - *перервать*, *пресечь* - *пересечь*, *сискать* - *сыскать*, *столп* - *столб*, *зерцало* - *зеркало* - *вывеска*, *лествица* - *лестница*, *стезя* - *цуть* - *дорога* - *тропа* и др.

Закрепление русского слова или только временное его употребление в новом значении (или значениях) зависело от ряда причин и, в первую очередь, от того, насколько интенсивно в данной паре проявлялась тенденция к семантической дифференциации славянизмов и их русских параллелей, какой из факторов, определяющих активность того и другого процесса, оказывался решающим. Так, например, в параллелях *прервать* - *перервать*, *пресечь* - *пересечь*, *изгнать* - *выгнать*, *столп* - *столб* и др. процесс семантической дифференциации оказался сильнее. Функционирование русских слов в значениях, свойственных славянизмам, носило здесь временный характер, в дальнейшем эти значения были утрачены русизмами. Другие же русские слова, такие, например, как *сыт*, *выразить*, *дорога*, *зеркало*, *лестница*, развивавшие значения, аналогичные значениям сво-

их славянских параллелей, сохранили их вплоть до настоящего времени.

Влияние семантики русских слов на славянизмы носило еще более сложный и многообразный характер. Это влияние способствовало в первую очередь семантико-стилистической ассимиляции славянизмов, усвоению их в русском литературном языке XVIII в. Процесс семантической аналогии тесно соприкасался здесь с более общим процессом секуляризации книжно-славянской лексики, освобождением ее от связей с узко культовыми контекстами церковной фразеологии и вел к сближению и слиянию ее с исконно-русской лексикой. Посредством этого процесса славянизмы вовлекались в лексико-семантическую систему русской народной речи и приспособлялись к "семантическим законам" (В.В.Виноградов) русского языка.

Однако значение процессов семантической аналогии в истории русской литературной лексики не ограничивается только проблемой, связанной с слиянием книжно-славянской и русской лексики.

Большую роль в языке XVIII в. играла семантическая аналогия и в процессе поисков наиболее рациональных способов номинации, также одной из актуальнейших проблем литературного языка того времени.

Представляется, что более внимательное изучение семантической аналогии вскроет новые интересные стороны этого процесса и его роль в развитии лексики в другие эпохи истории литературного языка.

Г.А. Пименова

Лесотехническая академия
(Ленинград)

ДОМИНАНТНОЕ ПОЛЕ ДУША В РОМАНЕ-СКАЗКЕ М. ПРИШВИНА
"ОСУДАРЕВА ДОРОГА"

Понятия "стилеобразующие доминанты" и "доминантные поля", которые используются в нашей работе, неразрывно связаны с признанием образа автора организующим центром художественного целого, с пониманием образа автора как "концентрированного воплощения сути произведения, объединяющего всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем-рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого" ¹.

В рабочем порядке понятие "стилеобразующие доминанты" можно определить следующим образом: это господствующие в процессе стилиобразования речевые факторы, подчиняющие себе действие других стилиобразующих элементов и находящиеся в тесном единстве со всей системой речевых средств; для них характерна постоянная двусторонняя связь с образом автора, в силу чего они являются важнейшим средством формирования и обнаружения последнего. Это лексико-семантические единицы, образующие семантическое ядро произведения, семантико-стилистические единицы, реализация значений которых обуславливает повышенную эстетическую значимость основных выразительных средств художественного целого. Это самый действенный уровень лексико-семантической системы произведения.

Реализация смысловых комплексов доминант приводит к трансформации лексико-семантических связей в тексте к образованию доминантных полей той или иной совокупности

¹ И. Виноградов В.В. О теории художественной речи. - М., Высшая школа, 1971, с. 118.

лексических средств, принимающих наиболее активное участие в создании стилистической значимости стилеобразующих доминант и актуализирующих собственную эстетическую действительность. Стилеобразующие доминанты и доминантные поля представляют собой образно-поэтический уровень, достояние индивидуально-авторской образно-поэтической системы.

Смысловые комплексы доминант раскрываются только в перспективе контекста всего произведения, и определение их состава требует анализа всей художественной структуры.

Три части романа-сказки М.М.Пришвина "Осударева дорога" ("Лес", "Скалы", "Вода") объединены многоплановой, развивающейся, но единой в своей основе мыслью автора: "каждый из нас где-то соединен с другим человеком, и все мы, люди, в суровой борьбе за единство своё, все, как капли воды, когда-нибудь придем в океан". Эта мысль соединяется с характерной для всего творчества Пришвина идеей развития, движения, пути. Слитые в едином комплексе, идеи единства и пути воплощаются в образе соединенного, идущего вперед и вперед Всего человека, то есть человечества. Многоплановое развитие художественной идеи выражается в целом комплексе проблем, составляющих предмет спора автора и персонажей: проблемы отношения человека и общества (желание и долг, надо и хочется), человека и природы, человека и бога. Объективируясь, получая словесное воплощение, авторская идея формирует состав стилеобразующих доминант. Для "Осударевой дороги" это слова ДУША, МЫСЛЬ, СИЛА, СЛАБОСТЬ; НАЧАЛЬНИК, ЧЕЛОВЕК. Иерархия внутри самих доминант такова, что на самом вершине пирамиды лексико-семантической структуры романа находится слово ЧЕЛОВЕК.

Слово ДУША активно участвует в становлении центрального в произведении символа ЧЕЛОВЕК и имеет постоянную образную перспективу. В его смысловом комплексе находит выражение пронизывающая все творчество Пришвина мысль о душе отдельного человека как части общей великой души Всего человека. Слово ДУША является одной из самых частотных лексических единиц романа (90 словоупотреблений). Оно встре-

чается в речи персонажей и автора, в несобственно-авторской речи и повествованиях различного типа. Развитие значения слова ДУША можно представить в виде спирали, начальный и завершающий витки которой - авторские. Авторское значение слова обволакивает также расходящиеся и переплетающиеся витки значений в речи героев, именно оно ставит нужный акцент в смысловом объеме слова ДУША.

Поэтические смыслы слова ДУША разворачиваются в нескольких направлениях: 1. Формирование философского значения "душа единая", "душа земная". 2. Морально-этические и общественно-политические коннотации в значении слова, возникающие в двух стилистически значимых для него диалогах. 3. Смысловой комплекс ВЕЛИКАЯ ДУША ЧЕЛОВЕКА, формирующийся главным образом в лирико-философских отступлениях автора. Становление индивидуально-авторского смыслового комплекса ДУША образует в романе своеобразное доминантное поле, в которое входят слова - названия чувств, переживаний, душевных качеств, свойств, а также лексика общественно-политическая, философская, природы, религии. Единство стилевой системы романа и возникает в результате сложного переплетения различных лексических пластов, характер переплетения зависит от роли, которую играет тот или иной лексический разряд в становлении различных смысловых доминант.

Художественное значение слова ДУША складывается на протяжении всего романа, но в "Осударевой дороге" возникают семантические узлы - контексты, в которых как бы происходит "сгущение" смысла, переходы, своеобразные "скачки" в процессе семантического обогащения доминант. Анализ таких семантических узлов дает возможность вскрыть сложный процесс формирования смыслового комплекса доминанты и доминантного поля.

Один из самых интересных семантических узлов слова ДУША - глава "Финский кофе", где складывается философская основа значения слова. На страницах главы персонажами и автором ведется философский спор - чему принадлежит человек, земле или богу, чем он должен жить - радостями и горестями земными, и это есть настоящая жизнь, или смысл жиз-

ни на земле в том, чтобы заслужить право на жизнь истинную, вечную на небе. В решении этого спора осмыслению слова ДУША принадлежит немаловажная роль.

Значение слова ДУША включается автором в контрастное окружение света и тени, во многом формирующее семантику главы. Свет и тень в романе - это прежде всего жизнь и религия. Развитие философского значения слова ДУША обусловлено существованием устойчивых понятийных отношений ДУША - НЕБО, НЕБО - ЗЕМЛЯ, типичных для религиозного мировоззрения, и образованием понятийной связи ДУША - ЗЕМЛЯ, характерной для авторского восприятия мира. Значение слова ЗЕМЛЯ в соответствии с религиозной символикой в речи староверки Мироновны определяется как "реальная действительность, в противоположность миру идеальному, небу" (СУ, т. I. стлб. 1094) с характерными семантическими признаками "греховность", "временность земного бытия". В значении слова НЕБО при этом актуализируются семантические признаки "святости", "света неземного". Слово ЗЕМЛЯ в указанном значении формирует образное поле, которое создается лексикой, связанной с религиозными воззрениями старообрядцев (огненная кончина, цепь АНТИХРИСТА и др.). Это образное поле скрещивается с полем света, возникающим в речи автора, для которого земля - мать всего сущего. В поле света, объединенные общим семантическим признаком "то, что создает жизнь, представляет собой жизнь и ее проявления", пересекаются ряды лексики бытовой, философской, эмоционально-оценочной. Смысловой комплекс ДУША ставит акценты на пересечении полей света и тени, напр.: "Дни и ночи сидела мирская няня (Мироновна) возле больного... понимая так, что удерживает душу больного на какой-то высоте между землей и небом. "Не упустить бы ангельскую душку", - думала ... няня. А душка мальчика в этот день как раз только и начала оживать ... тело. Где-то в поднебесье Звук услышал знакомые прекрасные клики пролетающих лебедей, и это решило все: он начал спускаться на эти звуки родной земли" (М. Пришвин. Собр. соч. в 6 тт., т. VI, с. 106). Словоупотребление УДЕРЖИВАТЬ ДУШУ и АНГЕЛЬ-

СКАЯ ДУШКА отражает мировосприятие Мироновны, слово ДУШКА в авторской речи переключает план повествования и одновременно — наполняется не "небесным", а "земным" содержанием.

Здесь начинают намечаться ассоциации ДУША — ЗЕМЛЯ, усиление и обобщение которых происходит в той же главе в сравнительно-сопоставительных конструкциях в авторской речи: "...душа его (мальчика) была как вся земля, как вся природа, и он в ней, как свой..." (Указ. соч., т.6, с. 110). Сравнение строится на основе субъективных ассоциаций автора и отражает его философские взгляды на природу и человека. Каждый из компонентов вызывает всю цепь ассоциаций, а слова-понятия ДУША — ЗЕМЛЯ в контексте главы противостоят словам-понятиям ДУША — НЕБО. Образ сравнения буквализируется в несобственно-авторской речи, отражающей мировосприятие маленького героя. Основная роль в буквализации принадлежит лексике природы, на которой лежит отпечаток восприятия мира ребенком, отблеск поэзии и сказки, усиленный автором (травки-листки, камешки, ручейки и др.). Основание сравнения вытекает из возможного комплекса ассоциаций, вызываемых сопоставленностью понятий "душа" и "земля" в творческой системе автора. Участие в сравнении слова ПРИРОДА подчеркивает в слове ЗЕМЛЯ обобщающее значение. Оттенок всеобщности поддерживается и употреблением местоимения "вся" — вся земля, вся природа. Этот оттенок всеобщности впитывает семантика слова ДУША, а так как речь идет о душе ребенка, "зародыша жизни", "солнечного семени природы", мотив единства звучит особенно сильно.

Сравнение души с землей указывает еще на одно направление в развитии ассоциаций: мотив нераздельности человеческого и природного, человека и земли, ибо человек — дитя земля, природы, в них — его корни, сила. Смысловые оттенки "единства", "общности", "души земной" проходят через все произведение, способствуя созданию символического образа Всего человека.

Так в самом начале романа закладывается семантическая многоплановость слова ДУША и начинает вырисовываться доминантное поле ДУША, отражающее образно-поэтический уровень художественной структуры.

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В ЕГО ОТНОШЕНИИ К ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ СЛОВА

Занимаясь изучением исторического развития семантики слова, исследователь сталкивается с постоянной трудностью: выявлением объективных и надежных критериев для опознавания смысловых элементов в семантической структуре слова¹. Эти вопросы, связанные с диахроническим изучением лексики, в общем совпадают с аналогичными вопросами при синхронном описании смыслового строения слова. Однако есть и определенные отличия. Исследователь современной лексики — носитель реально существующей языковой действительности — может с большей глубиной проникнуть в смысловую структуру слова. Сколько бы мы ни говорили о недостатках в описании лексического значения слова в словарях, а об этом пишется во многих работах, затрагивающих проблемы семантического анализа лексики (Д. Н. Шмелев, например, говорит о "линейности", "статичности" лексикографического описания, "что... не дает адекватного представления о семантической организации слова"², для семасиолога в его конкретных разысканиях данные современных толковых словарей, где лексикографическая обработка смыслового содержания слова основывается на

1. На то, что лексическое значение представляет собой совокупность смысловых единиц не раз указывали наши лингвисты. Так, Д. Н. Шмелев в своей работе "Проблемы семантического анализа лексики" (М., 1973 г.) пишет: "Исследование семантических изменений, происходящих в лексике, подтверждает, что в семантической структуре слова объективно могут быть выделены отдельные элементы, которые и составляют в совокупности лексическое значение слова" (с. 219)

2. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики, с. 230.

серьезном исследовании в области теории его лексического значения, представляется важным моментом³.

При изучении семантико-лексических закономерностей языка определенных эпох дело обстоит значительно сложнее. Во-первых, исследователь не является непосредственным носителем языка; во-вторых, лексико-семантическая система языка любого исторического периода имеет ряд специфических черт и особенностей. Так, например, для языка XVIII века было характерно сложное соотношение различных генетических пластов лексического запаса как внутри одного, так и различных стилей. Активно взаимодействовала собственно русская и церковнославянская лексика. Одна из примет этого времени — многочисленные заимствования. Все это порождало необычайную лексическую избыточность. Синкретичность, диффузность, неоформившийся полисемантизм, присущие определенным словам в начале века, сохранились в некоторых случаях и во второй его половине. В то же время для этого периода характерна семантическая дифференциация и специализация слов, сопровождавшаяся часто различиями в их стилистической тональности.

Бесспорно, важным подспорьем для анализа лексики этой эпохи служат материалы словарей XVIII века, но в связи со слабой разработанностью общей лексикографической теории того времени, они, пожалуй, не могут быть достаточно надежными при изучении семантической истории слов. (Большую ценность в этом плане представит Словарь русского языка XVIII века, составлением которого занимаются сотрудники группы языка XVIII в. в Словарном Секторе Института русского языка АН СССР в г. Ленинграде. Проект этого Словаря вышел в 1977 г.).

Что же поможет исследователю в выявлении смысловых элементов в значении слова? Этот вопрос становится особенно важным при историческом изучении семантики слова, когда необходимо выявить и установить этапы его смыслового развития.

3. См. об этом Бережан С.Г. Совпадение отдельных элементов смысловой структуры слов как основа многозначности. Изв. ОЛЯ, 1967, т.24, вып. 3, с. 256.

Анализ лексического значения слова обнаруживает различный характер его соотношения с денотативной, предметной сферой. У одних слов денотат связан с представлением о конкретных предметах, явлениях действительности. В таком случае смысловые элементы в семантической структуре слова выступают достаточно рельефно и отчетливо. Для других характерна объективизация более обобщенных понятий, в которых находят отражение более сложные явления реальной действительности. Именно в таких обобщенных понятиях заложены определенные потенциальные возможности для развития в сигнификативной сфере лексического значения⁴ не какого-то одного существенного, релевантного признака объекта, а целого ряда различительных, определяющих признаков. Это усложняет семантическое строение слова, выявляя в нем добавочные смысловые элементы, нередко являющиеся в смысловой структуре слова более "скрытыми" для исследователя.

Обратимся к конкретному материалу. Рассмотрим слово пожитки — одно из слов, относящихся к сфере имущественных отношений. Значение этого существительного, широко употребляющегося в разговорной речи современного языка, включает в себя элемент смысла, указывающий на определенный вид имущества, собственности: 'мелкие, домашние вещи'.

В более ранние периоды развития языка дело обстоит, однако, не так. Извлеченные примеры функционирования слова пожитки из самых разнообразных источников, фиксирующих его употребление в различных жанрах, показывают, что оно обладало значительно большей семантической нагруженностью и круг его применения был очень широк. Его значение соотносилось с обобщенным понятием: 'имущество, собственность':

Короли швецкие защищают честь, живот и пожитки подданных своих... (Зак. Петр. I, 1718 г. — ДРС); А ежели кто дерзнет оную печатю, какие подлоги чинить, таковсго... штрафовать... лишением чести и пожитка, а по состоянию важности

4. "Сигнификат и денотат, находящиеся друг с другом в отношениях как содержание понятия к объему понятия, составляют основу значения словесного знака" (Уфимцева А.А. Типы словесных знаков.—М.: Наука, 1974, с. 44).

дела и живота (Ген. регламент. 1720 г. - ДРС); Нередко бывает, что полагающие на учение лучшие свои лета не токмо не имеют времени приобрести себе достатков в имении, но и имевшие свои пожитки на оное употребляют... (Ломон., Служ. докум. № 410). Обобщенность в семантике слова пожитки подтверждается прилагательным пожиточной, несущим в себе значение производящей основы: 'имеющий, наделенный в значительной степени имуществом, достатком': ... а больше 4-х недель сроку не давать, имать по них в том поруки знатных и пожиточных людей или заклад, смотря по товару и по цене (Докл. в Сенате I, 1711 г. - ДРС).

Лексическое значение слова пожитки 'имущество, собственность'; соотносимое с денотатом обобщенного характера (как уже говорилось) в определенных условиях может быть конкретизировано. Обратимся к материалу.

I-ая группа примеров: Иноземца Ефима Фреза двор и пожитки, которые он по духовной своей отказал золотарю Отто Фиршту, отдать ему во владение (ПСЗ, 1709 г., § 2215, 22 февраля); А дворы и пожитки и вотчины взяты будут на великого государя бесповоротно (ПСЗ, 1709, § 2228, 16 марта); Что полезнее обществу, чтобы крестьянин имел собственным имением пожитки ли одни, или и земли... (Ходнев, Ист. Имп. Волн. Экон. об-ва); ... Продавая с публичного торгу их товары и пожитки и недвижимое имение (Нач. Основ. векс. права, 1768 г.).

2-ая группа примеров: Буде он на тот срок тех денег из губернии не заплатит, и те деньги заплатить ему из соих пожитков (Докл. в Сенате, II, 1712 г. - ДРС); Но, как им, новокрещеным требуемого числа денег взять негде, то брали скотом, холстом, живностью и прочим из пожитков их. (Пугач., П.).

Семантическая интерпретация слова пожитки в данных контекстах обуславливаются местом слова, его позицией в тексте, указывающей в I-ой группе примеров на определенную смысловую его противопоставленность словам двор, вотчины, земли и сич. недвижимое имение при перечислении, двор и по-

житки и вотчины, пожитки и недвижимое имение; при противопоставлении пожитки или земли; во 2-ой группе - на определенное смысловое соотношение слова пожитки со словами деньги, скот, холст, живность, выявляющее включение этих слов как более частных элементов в более общую понятийную сферу слова пожитки.

Следовательно, лексическая позиция слова - это такая коррелирующая позиция его в тексте, при которой создаются условия для реализации заложенных в его лексическом значении "скрытых" смысловых элементов. Приведенные примеры выявляют в значении слова пожитки при его противопоставлении и сопоставлении с указанными словами смысловой элемент 'движимое имущество'⁵.

Изучая лексические позиции слова пожитки в текстах XVIII века, мы обнаруживаем в его значении и тот конкретизирующий смысловой элемент, который впоследствии стал основным и единственным: 'мелкое имущество, домашние вещи':

... Но товары и прочия движимые вещи и пожитки могут проданы быть с вольного торгу (Торг Амстердамский, 1763 г., т. 2); а о продаже де оставшегося от сжегшихся раскольников и скота и пожитков... (ПСЗ, т. XIII, 1749 § 9579); У тамошнего арендаря... разграбили пожитки и деньги (там же §9586).

Итак, анализ этих конкретных материалов приводит нас к общему выводу о том, что изучение лексических позиций, т.е. коррелирующих смысловых противопоставлений слова в тексте, служит одним из объективных и надежных инструментов в выявлении семантических элементов в его значении. Именно такой подход, на наш взгляд, может дать возможность с уверен-

5. По данным Энциклопедического словаря Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона (СПб.1893). Русское право причисляло к движимости "речные суда, книги, рукописи, картины и все предметы, относящиеся к наукам и искусствам, домовые уборы, экипажи, земледельческие орудия, всякого рода инструменты и материалы, лошади, скот, хлеб сжатый и молоченный... наличные и капиталы", т.е. все кроме земель и домов, которые составляют недвижимое имущество.

ностью констатировать и восстанавливать семантические звенья лексических значений многих слов в истории литературного языка.

Изложенные соображения приводят нас и к еще одному выводу. Контекстное окружение слова требует самого серьезного и глубокого изучения его природы. Оно не сводится только к дистрибутивным, чисто формальным линейным синтагматическим показателям, а, наоборот, заставляет лингвиста обращаться к фактам внелингвистического порядка, выявляющим специфику сигнификативной сферы лексического значения слова на том или ином историческом этапе его развития.

Источники и их сокращения

- ДРС - Материалы картотеки Словаря русского языка XI-XVII вв. Сокращение картотеки не раскрывается.
- ПСЗ - Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830.
- Пугач. - Материалы Пугачевщины, т. I-III. М.-Л., 1926-1931.
- Ходнев, Ист. Имп. Вольн. Экон. об-ва - Ходнев А.И. История Имп. вольного экономического общества. СПб., 1865.
- Ломон., Служ. докум. - Ломоносов М.В. Служебные документы. Полн. собр. соч., т. X, М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950-1959.

Н.К. Соколова
Воронежский гос. ун-т

СЕМАНТИКА ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВА В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К НОРМЕ ТЕКСТА

Интерес к семантике художественного слова традиционен для русской филологии. Однако есть определенная противоречивость мнений и некоторая недоговоренность в описании параметральных признаков семантики слова в лирике.

На пути к выявлению специфики лирического слова должны быть учтены те факторы, которые определяют, формируют эту специфику:

содержательная сторона лирического стихотворения как форма отражения реальной действительности (десигнат);

идейно-эстетическая система, воплощающая указанное содержание в своеобразных лексико-грамматических средствах.

Своеобразие сюжета, звуковая, графическая, метрическая организация стиха обуславливают "жесткость формы", которая является основой знаковой стороны лирики.

Геометризм стиха обусловил и такие специфические черты лексико-грамматического плана, как теснота стихового ряда, симметричность синтаксической структуры, соположенность слов с близким или противоположным значением и, наконец, многорядные (кратные) смысловые эффекты, которые столь убедительно изучены Б.А. Лариним.

Рассмотрим интересующую нас проблему лишь в одном аспекте - как соотносится семантика поэтического слова с различными нормами художественного текста.

В конкретном художественном тексте обнаруживается иерархическая система взаимосвязанных норм. Целесообразно, на наш взгляд, различать общелитературную норму, имеющую для данного периода канонический, константный характер. В лучшем случае совокупностью общепринятых традиционных реализаций структуры языка, общелитературная норма имеет, в какой-то мере, внешний характер по отношению к внутренним нормам поэтичес-

кого текста. Последние, в свою очередь, представляют систему: художественную норму (совокупность конкретных манифестаций эстетической функции языка), жанровую и стилевую нормы (многообразие всех приемов, типичных для данного стиля, направления, жанра) и, наконец, идиолектную норму, отражающую закономерности индивидуального стиля.

Динамический характер всех внутренних норм проявляется в том, что характер маркированности тех или иных единиц меняется на каждом уровне анализа: в оппозиции общелитературный язык-художественная речь стилистически маркированным представляется второй член, т.к. именно в нем выявляются типизированные черты художественной речи - "сгущение" (по М.Р.Гальперину) непредсказуемых элементов. Такие же соотношения находим в оппозициях: художественная норма - жанровая норма; жанровая норма - стилевая норма; стилевая норма - идиолектная норма, где правые члены стилистически маркированы.

В статье преобладает подход с позиций стилистики декодирования. Он позволяет указать на то, что в тексте лирического стихотворения актуализируются смыслы, типичные для разных норм, о которых речь шла ранее.

Утверждение о том, что в художественном тексте, в частности в лирическом стихотворении, одновременно актуализируется несколько смыслов, стало постулатом современной лингвистической поэтики, однако недостаточно определенно показана система актуализации этих разных смыслов и их закреплённость за разными нормами поэтического текста.

Функция поэтического языка состоит в максимальной актуализации языкового высказывания, что невозможно для всех компонентов. Часть их отодвигается на задний план, является фоном, с помощью которого воспринимаются актуализированные элементы текста. Динамическая структура лирического произведения, отражающего взаимодействие актуализированных и неактуализированных компонентов текста, может быть рассмотрена в семантическом аспекте не в плане привычной дихотомии литературная норма и ее деформация, а в све-

те взаимодействия тех норм, о которых было сказано ранее.

Обратимся к конкретным примерам. Для ранней лирики А. Блока характерно развертывание многократных смысловых сем в слове лазурь. Оно идет от традиционно-поэтического значения цвет ясного неба, моря, к перифрастическому обозначению неба и далее осложняется семами "светлое, радостное, безмятежное", а потом - "небесное", "неземное" и потому "таинственное и непознаваемое".

Мы видим, как возникают новые семы, отражающие стилевую и идиолектные нормы.

И, наконец, слово лазурь обогащается семами, которые создают один из символов, типичных для ранней лирики Блока. Оно - знак высшего смысла, отражение абсолютного, гармонического идеала, "иного мира", типичного для Прекрасной Дамы:

И этот лес, сомкнутый тесно,
И эти горные пути
Мешали слиться с неизвестным,
Твоей лазурью процвести.

Установление разнообразных внутренних норм поэтического текста предполагает выявление разнообразных значений и элементарных смыслов.

Трудно представить, чтобы все смыслы актуализировались с равной силой. При восприятии того или иного слова - образа происходит погашение одних смыслов и реализации других.

Нельзя сказать, что смыслы, отражающие художественную норму, стилевую - погашены совершенно.

Они остаются на периферии сознания при восприятии поэтического текста, мерцают в нем. Вспомним в связи с этим известные слова Л. Я. Гинзбург о том, что для лирики типичны слова, устанавливающие молниеносный контакт с читателем, те, на которых лежит груз испытанных эмоций. Такими оказываются слова, содержащие наибольшую компрессию смыслов, отражающие конгломерат норм, о которых выше шла речь. Именно их имел в виду А. Блок, написавший, что сти-

хотворение - это покрывало, растянутое на остриях нескольких слов.

Стилистика декодирования дает значительную возможность описать различные аспекты восприятия поэтического слова, которые обуславливают изменчивое, относительное в его семантике.

В процессе декодирования поэтическое слово воспринимается во всем многообразии всех семем его составляющих и разнообразных дифференцирующих и потенциальных сем. Отметим, что сема не составляет самостоятельного значения. Многозначные приращения в лирике, во многом обусловленные контекстуально, часто воспринимаются как оттенок, как сема, а не как лексико-семантический вариант слова. Вопрос об изменении объема, глубины значения интересен.

Восприятие функциональной семантики слов в поэтической речи, как известно, во многом обусловлено контекстом. Возможно, видимо, при изучении лирики поставить вопрос так - каково влияние семантического контекста на конкретное слово, конкретную лексему.

Думается, что в этой области выяснено далеко не все, особенно в описании сем. Несомненно, в лирическом стихотворении, где так много необычных контекстных сочетаний, где синтагматическая обусловленность максимальна, семантический контекст дает разнообразные приращения смысла отдельным словам.

Итак, в словесной цепи лирического стихотворения при его восприятии, декодировании осуществляются сложные семантические процессы перегруппировки семем и сем, одни затухают и вспыхивают, другие лишь мерцают, но их свечение более длительно.

С позиций стилистики порождения художественного текста можно указать ряд приемов, которые создают указанные эффекты: смысловые контрасты, много-инейное сочетание словесных цепей, символические звучания слов-сигналов, семантические пробелы, усиливающие суггестивность слов-образов. Сложное взаимодействие семантики слов, составля-

ющих поэтический текст, порождает тот своеобразный концерт для смысла с оркестром, о котором пишет Т.И.Сильман.

Эти свойства семантики лирики подтверждают возможность многоярусной интерпретации текста. С понятием интерпретации связываются и проблемы анализа и синтеза.

Изучение оппозиций указанных норм есть первоначальный этап интерпретации, осуществляемый на аналитическом уровне. В этом случае уместны семантический анализ, анализ по тематической сетке и т.д.

На синтетическом уровне рассматривается вся динамическая структура внутренних норм текста. Исследователь проходит этапы семического анализа, оперирует более общими семантическими категориями, рассматривая целые словесные ряды.

Г.А.Черёмухина
Ин-т языкознания АН СССР

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ОВЛАДЕНИЯ СЕМАНТИКОЙ СЛОВА

Психолингвистика, одно из современных интердисциплинарных направлений, основываясь на достижениях советской психологии речи /Л.С.Выготский, А.Н.Леонтьев, Д.Б.Эльконин и др./, рассматривает проблемы овладения ребенком родным языком в неразрывной связи с процессом познания окружающего мира, овладения предметными отношениями и связями. Подчеркивается также важность активной деятельности ребенка в сфере языка, языковой действительности.

Представляется возможным проанализировать развитие познавательных и языковых аспектов на примере овладения категорией значения слова. Являясь процессуальной формой отражения объективного мира в сознании носители языка /А.А.Леонтьев/, данная категория может быть рассмотрена как формирующаяся на разных возрастных этапах овладения языком.

Можно предположить, что "субъективное содержание значения слова" характеризуется определенными параметрами на каждом из них. В частности, исходной может быть предикативная связь сл в как свидетельство ведущего значения познавательных аспектов в процессе овладения языковыми средствами на данном возрастном этапе. Последующим - семантическое отношение как результат овладения языковыми и составляющими их основу предметными связями. Иными словами, процесс овладения значением слова можно рассматривать как развитие его от предикации к семантизации.

Данное предположение проверялось в ассоциативном эксперименте, проведенном в трех возрастных /младший - 8 исп., средней - 10 исп. и подготовительной - 10 исп./ группах д/с № 30 г. Риги. В качестве стимулов были выбраны 3 глагола: "ломать", "сорить", "тушить". Детей-билингвов в этих группах не было.

В результате анализа реакций были выявлены такие типы связей слов, как:

- предикативная. Например: "ломать-тарелку", "сорить-зайчик", "тушить-цветок" и т.д.

- грамматическая /"действие-действие"/. Например: "сорить-кувыркаться", "сорить-спать", "тушить-петь", "тушить-купаться" и т.п.

- семантическая. Например: "ломать-строить", "сорить-чистить", "тушить-заливать" и др.

На разных возрастных этапах овладения языком показательными являются: младшая группа /возраст 3-4 года/ - предикативная, в единичных случаях, грамматическая связь слов; средняя группа /возраст 4-5 лет/ - грамматическая и семантическая связь; подготовительная /возраст 6-7 лет/ - семантическая связь слов.

Эксперимент показал, что к моменту начала школьного обучения осознается многозначность слова. Например, "тушить" - это "тушить пожар" /реакции: "зажигать", "заливать", "жечь"/ и "тушить" в смысле "готовить" /реакции: "варить", "печь"/.

Полученные предварительные результаты могут быть использованы в методических целях в практике преподавания иностранного языка и занятий по развитию речи детей.

Ю.С.Языкова

Горьковский гос.пед.ин-т

СОСТАВЛЯЮЩИЕ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА В ЯЗЫКЕ ПИСАТЕЛЯ

Вопрос о том, как формируется язык индивидуума, какие факторы влияют на него, интересовал науку давно, как и проблема соотношения языка народа и языка личности. Многочисленные наблюдения свидетельствуют о том, что язык личности не совпадает с общенародным полностью: с одной стороны, язык личности не включает и не может включать всего богатства языка народа, а с другой, — язык личности включает элементы, отсутствующие в общенародном. Кроме того, в языке писателя вступают в силу дополнительные факторы. Языковые особенности, в первую очередь семантические, индивидуального языка существуют несомненно. Еще более отчетливо они будут проявляться в смысловых структурах слов, поскольку уже возникновение нового значения или отсутствие хотя бы одного из общезыковых не может не отразиться на смысловой структуре как особом соотношении семантических единиц.

Каковы же факторы, влияющие на формирование, а следовательно — и специфику смысловой структуры слова в языке личности, каковы составляющие смысловой структуры в индивидуальном языке?

Материалом наблюдений в данной статье послужило слово зверь в языке М.Горького.

Поскольку человек обучается языку в коллективе, естественно, что в основе индивидуального языка лежит языковая система соответствующего коллектива. Для ребенка это язык семьи. В дальнейшем, в процесс социализации личнос-

ти, это будут языки иных коллективов, членом которых становится личность. Поэтому очень важна реконструкция "языковой биографии", т.е. той стороны биографии, которая отражается на языке личности: языковая биография позволяет воссоздать и охарактеризовать языковую среду, под непосредственным влиянием которой формировались как начальные, так и последующие речевые навыки, а в ряде случаев и мотивировать вытеснение одних другими при переходе на новую систему, например - при обращении к литературному языку как вторичному, когда "родным" языком для человека были внелитературные системы (диалект, просторечие, полудиалект). Именно так и было с М. Горьким, воспитатели которого, как и ближайшее окружение в детские годы, говорили на нижегородском полудиалекте, элементы которого сохраняются в его языке в качестве субстрата. И в дальнейшем писатель не порывает связей с народно-разговорной речью, хотя и усваивает все богатство литературного языка. Априорно мы можем предположить, что в основе его языка лежат различные подсистемы общенационального языка, в том числе и внелитературные, хотя ведущей из них становится, по-видимому, литературный язык.

Обратившись к контекстам, содержащим слово зверь в прямом номинативном употреблении, мы увидим, что они содержат слово зверь в более широком сравнительно с литературным ('дикое, обычно хищное животное') значении:

- Я те говорю: во зверях - собака, в людях - татары - самые надежные. (Пушкаръ. "Жизнь Матвея Кожемякина")

- Люблю собаку: такой умный, ласковый зверь, а - не оценен. (Робинсон. "Жизнь Клима Самгина")

Кормить свиней считалось обидным и тяжелым наказанием(...) Войдя в хлев, нужно было(...) тотчас разогнать зверей пинками и, быстро вылив пойло в корыто, скорее уходить(...) ("Хозяин")

Обязательные или типичные для литературного языка признаки, дикость и хищность, отсутствуют в приведенных примерах. Социально-культурный уровень говорящих различен, и

не он определяет выбор слов. Судя по словарям Даля и Шахматова, а косвенно и словаря Ушакова¹, подобное, более широкое значение было свойственно народно-разговорной речи.

В художественном языке М. Горького именно это значение наиболее активно семантически, порождая целый ряд производных значений и употреблений как в слове зверь, так и в производных от него звериный, зверство, озвереть и др. и выдвигая соответственно данное значение на положение ведущего в семантической иерархии.

Многokrратно отмечалось, особенно в работах составителей Словаря М. Горького, что народно-разговорная стихия является, наряду с литературным языком, равноправным компонентом индивидуальной речевой системы. Подобное "двуязычие" М. Горького порождено как обстоятельствами его языковой биографии, имея в виду и зрелые годы, так и его психолого-стилистическими установками: высокой оценкой народной речи и ее роли в формировании языка литературы и литературного языка, прямой ориентацией на народно-разговорную речь в ряде произведений, наконец — ее отражением в репликах персонажей.

В основе смысловой структуры слова в индивидуальном языке лежит система общенационального языка, различные подсистемы которой в силу ряда обстоятельств формирования языка личности, а также психолого-стилистических установок писателя могут в той или иной мере оказывать влияние. Но усвоение фактов общенационального языка не идет по пути отражения, усвоения наличного богатства, попавшего в поле зрения. Механизм усвоения языка пока еще не описан полностью, психологи даже прибегают к термину "черный ящик", чтобы показать, что этот механизм не поддается непосредственному наблюдению. В таком случае нам остается путь анализа "на выходе", позволяющий реконструировать отдельные черты процесса выработки индивидуального языка, увидеть, как осу-

1. Последний при значении 'дикое, хищное животное' дает помету "книжное".

цествляется переработка полученного "на выходе".

Снова обратимся к слову зверь в художественном языке М. Горького. Это слово часто используется в портрете при обрисовке особого типа внешности, в результате чего мы можем выделить употребление 'о массивном, часто неуклюжем человеке, густо обросшем волосами'. Такое употребление обусловлено тем, что зверь чаще всего представляется М. Горькому в виде медведя¹. Так проявляется вещьность стиля писателя, характерная черта горьковского стиля. Отмеченные в портретных описаниях признаки ассоциативно связаны с силой, здоровьем, что способствует проявлению ряда оттенков значения и употреблений - 'могучее существо', 'чудовище', 'о чрезвычайно сильном человеке', 'о ком-либо выдающемся по своим качествам'.

Со зверем как сильным животным, живущим по законам природы, ассоциативно связываются такие важные для горьковского творчества употребления, как 'о человеке непосредственном, чувствующем и поступающем в соответствии с естественными инстинктами' и 'о существе, способном к активному протесту, борьбе'. Оба они теснейшим образом связаны с важными темами горьковского творчества и ярко идеологичны.

Итак, мы видели, что смысловая структура слова зверь в языке М. Горького по сравнению с общенародным литературным языком подвергается следующим изменениям: появляется значение, восходящее к внелитературному народно-разговорному языку, на основе которого формируются употребления и оттенки значения, носящие отпечаток индивидуальности. Вновь формируемые смыслы сближают более узкое литературное и более широкое внелитературное прямые значения, а связанные с ними ассоциации (силы, здоровья, естественности, вольнолюбия) влекут за собой появление индивидуально-ав-

1. Можно считать, что в основе подобного смыслового сдвига лежит диалектное значение 'медведь'.

торских смысловых сдвигов, которые обусловлены своеобразием горьковского видения мира и системой его мировоззрения, проблематикой творчества.

Под влиянием системы художественного мышления и мировоззрения смысловая структура слова не только осложняется собственно авторскими употреблениями и оттенками значения, отсутствующими в системе языка нации, но и видоизменяется благодаря установившимся новым связям в самой структуре. Иначе говоря, смысловая структура слова опирается на общенациональный язык, но преобразуется под влиянием индивидуальной системы мировоззрения, понимаемой в широком смысле, т.е. системы взглядов, отношения субъекта к окружающей действительности и его непосредственного восприятия мира.

III. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ В
СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
VALODU SALĪDZINOŠĀ PĒTĪŠANA
SEMANTISKĀ ASPEKTA

Э.Ю. Даугатс
Лиепайский ГПИ /Лиепая/

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ НАУКИ И ТЕХНИКИ - ВАЖНЫЙ ФАКТОР
РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКА

Современному этапу развития латышского литературного языка, в основном, свойственны два момента: массированное проникновение в литературный язык научной терминологии, т.е. возрастает влияние функционального стиля научно-технической литературы, доминирует научно-логическое мышление, с другой стороны, всемирно развивающийся процесс глобальной языковой интеграции, выражающийся, в частности, в нашей республике статусом двуязычия. Эти два момента ставят перед латышскими лингвистами чрезвычайно интересную и актуальнейшую задачу широкого исследования в теоретическом плане закономерностей развития латышского литературного языка на современном этапе.

Научно-техническая революция (НТР) сопряжена не только с естественными, но и с гуманитарными науками, которые все активнее вовлекаются в народнохозяйственную сферу страны, ориентируются на участие в материальном производстве, способствуют ускорению научно-технического прогресса. Сами достижения науки и техники имеют не только узкопроизводственное, экономическое значение. Они также влияют на общую культуру современного общества, его общую и техническую грамотность, его мышление и язык. Для Латвии характерным является то, что все названные импульсы приходят из русского языка и реализуются в теснейшей взаимосвязи с носителями обоих языков, активнейшим образом переплетаясь и взаимно обогащая друг друга. Необходимо отметить и то, что сфера применения функционального стиля научной и технической литературы расширяется прямо пропорционально ускорению темпа научно-технического прогресса, причем

этот процесс происходит на наших глазах, мы все, вольно или невольно, являемся его участниками и более или менее ясно осознаем его социальную и народнохозяйственную значимость. В настоящее время уже не мыслится описание языковой системы современных языков без учета функционального стиля научной и технической литературы и его роли в культурной жизни современного общества. Без преувеличения можно сказать, что он является наиболее характерным лингвистическим индикатором современной эпохи развития человечества /II, 180/.

НТР, бурное развитие экономики, лавинообразный приток научной информации, привели к гигантскому и все более убыстряющемуся росту новых наименований. "По словам знаменитого русского писателя К. Чуковского, в последние годы нахлынуло больше новых понятий и слов, чем за последние два столетия" /4, /0/. Еще более грандиозным это явление выступает в латышском языке. Видимо, дело здесь не только в техническом прогрессе и расширении научной информации. Во второй половине 20-го века необыкновенно возрос авторитет науки, завоевавшей теперь монопольное право на познание мира. Углубление и утверждение научного мировоззрения, естественно, не могло не привести к существенным изменениям в языковой практике, к сближению общелитературного языка с языком науки и техники. Научная терминология начинает все более широко вливаться как в обычную разговорную речь, так и в язык художественной литературы. Причем происходит интересное с лингвистической точки зрения явление. Это явление было рассмотрено в статье А. Блинкены /3, 103-108/.

Явление это заключается в следующем: термины науки и техники образуются, с одной стороны, из слов общеупотребительной лексики, с другой стороны, специфические термины науки и техники вливаются в общеупотребительную лексику, теряя при этом свой специфически терминологический характер. Причем это явление получило настолько широкое распространение, что некоторые авторы, например, М. П. Сенкевич,

считают, что "В настоящее время в развитых языках около 90% лексики представлены научными и техническими терминами" /II, 188/. А.Блинкена называет это явление "детерминологизацией" /3, 104/. М.Сенкевич, А.Пумпяцкий и другие, констатируя этот факт, не дают ему особого названия. Дело здесь, видимо, в несколько неудачной дефиниции понятия "термин": обычно термин дефинируется в пределах определения данного О.Ахмановой /I, /, иначе говоря, термин - это особая, специальная лексическая единица. На самом же деле, "термины - это не особые слова, а только слова в особой функции", - писал Г.Винокур в 1939 году /5, 54/. Рассматривая "детерминологизацию" с позиции концепции семантических полей, можно установить, что одно и то же слово может выступить в качестве члена различных полей или областей. При помощи компонентного анализа можно установить, что большинство слов представляет собой определенный набор смысловых компонентов значения, сем. А это позволяет отнести данное слово к тому или иному семантическому полю в зависимости от актуального акцентирования той или иной семы /I4, I-2/. В основе образования терминов лежит то же явление: слово, обычная лексическая единица, по той или иной причине может быть включена в "терминологическое поле" определенной области науки и техники. В таком случае оно функционирует в нем (и только в нем!) как термин. Видимо, справедливо и обратное: семантические поля обычного языка, расширяясь, "впитывают" в себя слова-термины из какого-нибудь "терминологического поля" и, сохраняя в себе какие-то черты "термина", функционируют уже как "обычные" слова.

Под "терминологическим полем" следует понимать определенную систему взаимосвязанных значений, из организации которой только и можно понять, "вычитать" семантическое "место" того или иного слова этого поля. Если, говоря о семантических полях, смысловым ядром или организующим центром поля является архилексема (центральное слово, доминанта и т.п.), то в "терминологическом поле" эту функцию

выполняет так наз. "терминологический ключ", то есть название данной области науки или техники /12,176; 5,138,247/.

Процесс "детерминологизации" (А.Блинкена) или "очеловечивания терминологии" (К.Горбачевич /4/), видимо, следует отнести к постепенному укреплению связей между обыденным и научным сознанием. Понятия науки как бы накладываются на общечеловеческие взаимоотношения и приобретают двуплановость, стирая в то же время грани между термином и обыденным словом.

В Латвии этот процесс приобретает еще одну специфическую черту, теснейшим образом связанную с проявлением глобальной интеграции языков, столь характерной для современного мира, что вряд ли какой-нибудь язык не испытывает влияния, связанных с этим процессом. В этом плане русский язык в Латвии является не только межнациональным средством общения, но и в не меньшей мере одним из главных каналов получения научной и технической информации. В этой связи следует отметить, что в зависимости от разнообразных задач коммуникации несколько функций языка можно с известным приближением свести к двум основным — к логико-понятийной и, зависимой от нее (т.е. закрепленной в ней), эмоционально-эстетической. Можно сказать, что язык выполняет одну задачу, когда он выступает как орган научного познания, как продукт и орудие словесно-понятийного мышления; и совершенно другую, когда он выступает как орган художественного познания, как продукт и орган художественного мышления. В первом случае речь идет о языковом воплощении семантической информации, во втором — эмоционально-эстетической. Семантическая информация не зависит от канала передачи, а, стало быть, и от смены каналов связи языков, и, напротив, эмоционально-эстетическая информация связана с каналом, по которому она передается, она существенно изменяется при переходе от одного канала связи (языка) к другому. Логико-понятийная функция вырабатывается в течение долгого времени по мере того, как язык в ходе общественной практики человека становится все больше и больше

продуктом и орудием словесно-понятийного мышления, единого для всех народов и наций, стало быть интернационального. "Все, что есть универсального в языковых функциях, с большей силой и более фундаментальным образом воздействует на формирование человеческих мыслей, нежели то, что в них различается" /6, 231/. Логическая структура мышления, единая для всех народов, материализуется в конкретных системах языков, являющихся лишь разными формами строения лексико-грамматической и интонационной системой языка вообще, поэтому в них наличествуют и все больше развиваются общие части языков — логико-понятийные составы языков.

Логико-понятийная функция, обслуживая одноязычную и межъязыковую коммуникацию (как это имеет место в Латвии), все больше делает нерелевантным многообразие семантико-речевых средств языка, постоянно нейтрализуя в нем некоторые лексико-грамматические значения и созвучия многих форм и конструкций, представляющихся нашему сознанию алогичными, пережиточными, ненужными. Конечно, еще слишком рано говорить об элиминировании этих форм вообще из практики языка, какое-то время они будут сосуществовать, хотя логико-понятийная функция языка продолжает их нейтрализовать в ходе одноязыковой и межъязыковой коммуникации, приближая языки к однозначности некой семиотической системы, но не превращая их в последнюю. В этой функции языки сближают народы, вносят значительный вклад в создание всеземной цивилизации, тем самым сближаются они сами, все больше накапливая и развивая свои общие части /7, 47-50/. Можно утверждать, что благодаря накопленным и все усиливающимся общим частям в языках создаются предпосылки для слияния национальных языков в зональные и для образования из зональных единого языка будущего человечества /7, 50; 13, 12/.

В языке науки и техники особенно ясно и ощутимо устраняется индивидуальная и, в особенности, национальная "народная физиономия" (Белинский), развивается сильнейшая интернационализация как характернейшая черта современного этапа процесса глобальной интеграции языков и народов.

Смешанное двуязычие в условиях нашей республики именно и предполагает параллельную связь эквивалентных средств двух языков с существующей в сознании говорящих единой в своей основе системой понятий. Эта единая система служит общим мыслительным фундаментом для обоих сосуществующих языков, которые в силу этого не только сосуществуют, но и взаимодействуют. Получается, что каждому понятию (каждому элементу плана содержания) соответствуют два способа выражения: один из первого, другой из второго языка. Перевод, мысленная перекодировка речевого произведения с одного языка на другой, при этом не встречают никакого затруднения - совершается автоматически, без переключения на иную, самостоятельную систему понятий. Большую роль при этом играют интернационализмы, которые за последнее время, в связи с НТР, все больше и больше вливаются в литературные языки и как бы перекидывают мосты от одного языка к другому, все больше сближая их и сглаживая характерные национальные различия, иными словами, стирая в сознании говорящих "внутреннюю языковую форму" родного языка.

Х. Бендикс справедливо отмечает, что явлению усиленной интернационализации на современном этапе развития языков все еще уделяется мало внимания в работах наших лингвистов /2, 84/.

Думается, что на теоретическое осмысление явлений, вытекающих из статуса двуязычия в Латвии в условиях НТР, и связанное с ней превалирование логико-понятийного мышления следовало бы обратить самое пристальное внимание языковедов - теоретиков нашей республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажманова О. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Бендикс Х. Теория и методика культуры речи. Вильнюс, 1976.
3. Blinkena A. Terminologizācijas un determinologizācijas procesi mūdienu latviešu valodā. - LPSR ZA Vestis, 1973, № 2, 103. - 108. lpp.

4. Горбачевич К. Русский язык и НТР. *Musu kalba* 5/1977.
5. Ischreit H. Studien zum Verhältnis von Sprache und Technik. Düsseldorf 1965.
6. Casagrande J. - In: *Universals of Language*. Cambridge; Mass., 1963, p. 231 ff.
7. Копанев П.И. Вопросы истории и теории художественного перевода. - Минск 1972.
8. *Latviešu valodas kultūras jautājumi*. - R., 1975.
9. *Latviešu valodas kultūras jautājumi*. - R., 1976.
10. *Latviešu valodas kultūras jautājumi*. - R., 1977.
- II. Пумпянский А.Л. Функциональный стиль научной и технической литературы как средство массовой информации современного общества. - В кн.: *Предмет семиотики* М., 1975, с. 179-195.
12. Реформатский А. Что такое термин и терминология? - В кн.: *Вопросы терминологии*. М., 1961.
13. Степанов Ю. Европейский языковый союз и европейская грамматика наших дней. - В кн.: *Иностранные языки в школе*, 1969, № 3.
14. Даугатс Э. Исследование семантической области слов, выражающих понятие прекращение жизни человека в современном немецком языке. - Минск, 1974.

Н.Л.Раздорова
ЛГУ им.П.Стучки
/Рига/

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ЦВЕТА В РУССКОМ И ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКАХ

Сопоставительный анализ семантики прилагательных русского и латышского языков до последнего времени не привлекал внимания лингвистов. Исключением является статья В.А. Юрика^I, в которой рассматриваются прямые номинативные значения прилагательных цвета в обоих языках. Самим авто-

I. Юрик В.А. Опыт структурного анализа семантического поля цвета в русском и латышском языках. - Учен. зап. ЛГУ им. П. Стучки, 1958, т. 25.

ром статьи в заключение высказывается мысль об исследовании объема значений прилагательных данной лексико-семантической группы во всей полноте, с учетом переносных, специфических для данного языка значений, позволяющих полнее раскрыть национальное своеобразие каждого из рассматриваемых языков.

В предлагаемой статье приводятся некоторые замечания, связанные именно с рассмотрением семантической структуры прилагательных цвета в возможно полном объеме.

Прилагательные, обозначающие цвет, входят в состав лексико-семантической группы цвета. В структуре ЛСГ цвета рядом лингвистов выделяется ядро и периферийная часть. Ужя в самом строении этих частей данной ЛСГ начинает проявляться специфика каждого из сопоставляемых языков. В состав ядра входит, как правило, небольшая группа прилагательных, относящихся к исконным словам данного языка, обозначающих названия основных хроматических и ахроматических цветов. В русском и латышском языках составы ядра группы несколько различны.

Более специфической по составу является периферийная часть ЛСГ цвета, в которую входят как простые прилагательные /в русском языке/, так и другие средства выражения цветового значения, свойственные и русскому и латышскому языку /сложные прилагательные, словосочетания, синтаксические конструкции/. Особенности структуры этой части объясняются различиями в строе того и другого языка. Так, например, И. П. Распопов писал о детерминировании семантики отдельных лексических единиц всей системой лексики данного языка. Опираясь на эту мысль, можно сказать, что определяющим для прилагательных цвета является вся система прилагательных того или другого языка. Система латышских имен прилагательных качественно отлична от той же системы в русском языке, и в этом кроется главное различие и между отдельными членами этих систем.

В русском языке система прилагательных является более разветвленной за счет больших разрядов относительных и

притяжательных прилагательных. Отсутствие притяжательных и меньшая распространенность относительных прилагательных в латышском языке диктует и особенности состава ЛСГ цвета. Относительные прилагательные, обозначающие цвет, полностью отсутствуют в латышском языке и являются основной составляющей периферии ЛСГ цвета в русском языке. Они не только способны выражать значения цвета, но и часто приобретают осязаемо выраженную тенденцию к окачеству, настолько сильным оказывается это вторичное, производное цветовое значение. Некоторые из таких прилагательных даже приобретают дополнительные переносные значения /розовые мечты; малиновый звон, голосок/. Пополнение этой части ЛСГ цвета вызывается конкретными причинами - реальным разнообразием красок и их оттенков в окружающем мире. И язык /в данном случае русский/ откликается на необходимость выразить существующие понятия, предоставляя свои ресурсы - существительные, обозначающие предметы с характерной окраской, от которых в русском языке легко образуются относительные прилагательные.

В латышском языке тоже имеются свои средства для выражения цветовых значений, но отличные от ресурсов в русском языке. Та же объективная необходимость передачи языковыми средствами многообразия цветовых оттенков реализуется другими способами. Во-первых, это сочетание родительного определительного существительных, обозначающих характерно окрашенные предметы, со словом krāsa /цвет/: ķirāu krāsa - вишневый цвет; во-вторых, уточнение цветового оттенка через использование сложных прилагательных, первым компонентом которых является основа того же существительного со значением характерно окрашенного предмета, а вторым - одно из основных цветовых прилагательных /dzintardzeltens - янтарно-желтый/. Но эти прилагательные имеют узко цветовое значение и никогда не образуют дополнительных, переносных значений.

Если по составу специфическими оказываются периферийные части ЛСГ цвета, то в семантическом отношении более своеобразными являются прилагательные, входящие в состав

ядра группы. Их семантическая структура наиболее богата и разветвлена. При сопоставлении значения этих прилагательных обнаруживаются разные случаи соотношения семантических структур:

1/ семантические структуры определенных прилагательных русского и латышского языка совпадают полностью. Это наиболее редкий случай. В основном такое полное сходство в семантике наблюдается у однозначных периферийных прилагательных, выражающих прямое, цветовое значение /оранжевый, фиолетовый и *orange, violets* /. Среди многозначных прилагательных такие случаи единичны /например, по нашим наблюдениям, прилагательные желтый и dzeltens /;

2/ частичное совпадение семантических структур - наиболее распространенный вариант. В нашем случае это относится ко всем остальным рассмотренным прилагательным. Полное же несовпадение семантических структур невозможно, т.к. в подобном случае пришлось бы отказаться от учета прямых значений слова, которые на данном уровне абстракции совпадают практически всегда.

Сопоставительный анализ семантической структуры прилагательных цвета позволил выявить факты заимствования из русского языка некоторых значений словами латышского языка. Это, например, значения, реализующиеся в следующих словосочетаниях: sarkanā gvarde - красная гвардия, balta armija - белая армия, "zaļā iela" - "зеленая улица". Подобные явления объясняются уже экстралингвистическими факторами: более тесными контактами русского и латышского народов со времени установления Советской власти в Латвии, вошедшей общностью политической, экономической, социальной и культурной жизни, влекущей за собой и усиление языковых контактов.

Прилагательные цвета также могут вступать друг с другом в отношения синонимии - антонимии. При этом реализуются производные значения или отдельные оттенки основного, т.к. понятие определенного цвета характеризуется, прежде всего, своей непротивопоставленностью остальным членам группы. В прямом значении исключение составляет антоними-

ческая пара белый - черный, противоположная по семантике / самый светлый - самый темный/, по символике /древнейший архетип добро - зло, хороший - плохой/ и противостоящая вместе с прилагательным серый всем хроматическим цветам. Следовательно, противопоставленность надо искать не в прямых значениях, а в контекстуально реализованных. Такая противопоставленность существует, на наш взгляд, в таких случаях, как красные ягоды - зеленые ягоды, где прилагательные красный и зеленый противопоставляются по значению "спелый - неспелый".

Прилагательное красный может употребляться антонимично прилагательному белый в значениях "революционный - контр-революционный" /красная армия - белая армия/. Иногда могут противопоставляться значения прилагательных зеленый и желтый, например, : зеленая трава, листва /свежая, сочная/ - желтая трава, листва /увядшая, сухая/¹.

Все прилагательные, обозначающие цвет, входят в состав синонимических рядов или являются их опорными словами. Состав синонимического ряда отдельного прилагательного в каждом из двух языков отличен как по количеству членов синонимического ряда, так и по выражаемым ими оттенками цвета. В своих отдельных /не цветовых/ значениях прилагательные данной группы способны входить в состав разных синонимических рядов, например, красный - революционный, коммунистический, советский. Синонимично могут употребляться и отдельные цветные значения прилагательных /в определенных оттенках основного значения/: желтое лицо - зеленое лицо - серое лицо, т.е. болезненного, нездорового цвета; красный нос - синий нос - сизый нос, т.е. ставший таким от холода, водки и др.

Подобные отношения синонимии-антонимии возможны и

1. Ср. замечание Калинина А.В.: прилагательное зеленый как цветообозначение не имеет антонима, но в значении "молодой, неопытный, незрелый" приобретает антонимы опытный, зрелый. - Лексикология. М., 1971, с. 59.

Между частными значениями прилагательных русского и латышского языков. Так, синонимично употребляются balts и красный в значении "красивый": baltas meitas - красны девицы; zaļš и красный в значении "счастливый, беззаботный, благополучный": zaļa dzīve - красное житье.

С точки зрения сходств и отличий между частными значениями прилагательных в русском и латышском языках эти отношения можно классифицировать следующим образом:

1/ разные прилагательные выражают одно значение: bal-tas meitas - красны девицы, zaļa dzīve - красное житье;

2/ разные значения выражаются одним и тем же прилагательным в русском и латышском языках: zaļš - "веселый, беззаботный" и зеленый - "нездоровый, болезненный /о цвете лица/";

3/ значение вообще отсутствует в одном из языков. Это указанное значение прилагательного zaļš, отсутствующее в семантической структуре прилагательного зеленый; в латышском в структуре значения слова varkans - в значении "высшая", красное крыльцо - в значении "парадное"; в структуре значения melns нет значения, аналогичного русскому "курной" - черная изба и др. Последние значения одновременно являются и наиболее древними и наиболее специфическими для данного языка, употребляясь уже исключительно традиционно.

И.Ю. Эделмане

Ин-т яз. и лит. АН ЛССР
(Рига)

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ В ЛАТЫШСКИХ НАЗВАНИЯХ РАСТЕНИЙ

Латышская ботаническая номенклатура очень богата - богата по своему объему и семантике. Народные названия растений представляют обширный материал для исследований в разных аспектах. Народная ботаническая номенклатура тесно связана с бытом и культурой каждого народа. Как это уже известно, народная терминология отличается от научной. Одно из характерных отличий - отсутствие однозначности, что всегда необходимо в научной терминологии. В народной тер-

минологии одним словом. Иногда обозначаются разные растения, например: словосочетание *asinszāle, asināruka* "трава, цветок крови" в латышских говорах обозначает разные растения: *Hypericum perforatum, Sanguisorba officinalis, Helianthemum nummularium, Dianthus deltoides, Chelidonium majus, Viscaria vulgaris, Geum rivale* и др. Неоднозначны названия растений и в плане лингвогеографическом. Одним и тем же словом в разных местностях называются разные растения, например: словом *jāpuzāles* "Иванова трава" в республике называют пять разных растений (см. карту I); и наоборот — одно и то же растение имеет неодинаковые по своей мотивирующей семантике, различные названия в разных местностях (см. карту II).

Изучение человеком разных свойств и качеств растений, получило свое отражение в их названиях. Такими свойствами и качествами являются, например: цвет, вкус, запах растений, форма растения или его части, употребление растений в народной медицине и т.д.

Около 40% латышских названий растений имеет ассоциативную связь с домашними и дикими животными или частями тела этих животных. Ассоциативную связь с частями тела животных имеют, например, названия *kaķastes, rupčastes* "кошкин хвост" *Amaranthus* в Кримулде и в окрестностях; *sāla galvas, sālgalviņas* "головка цыпленка" *Trollius europaeus* в говорах Видземе, *anagalvas, aungalviņas* "голова барана" в северной Видземе (то же растение), *bullā, bullu pieres, bullpierites* "бычий лоб" в говорах Курземе (то же растение). Ассоциативную связь с местом обитания животных, имеет, например, название *čūskruķes, čūsku ruķes* "змеиный цветок" *Chamaenerion angustifolium* в Лубезере и *Orschis* в северной Видземе, в котором подчеркивается, что эти растения часто растут в таких местах, где обычно живут змеи. На ассоциативную связь с использованием растений в пищу животных, указывает, например, название *titarenēs, titarzāles, titardilliņi* "трава, укроп индюка" *Achillea millefolium* в говорах Курземе.

Для создания названий дикорастущих полевых растений использованы названия домашних животных и птиц: свинья, корова, овца, кошка, собака, петух, курица, а также: воро-

на, кукушка, воробей, аист. Для обозначения дикорастущих лесных растений - заяц, медведь, змея и т.д. Так, в лесу растут *lāscenes* "медвежья ягода" *Rubus chamaemorus* и *zakāposti* "заячья капуста" *Oxalis acetosella*, а на поле цветут *bezdelīgastīvas* "ласточкины глазки" *Primula farinosa*, *sūkāboliņš* "свиной клевер" *Trifolium repens*.

Растения, которые не используются в пище человека, часто связаны со словом собака, например, собачий гриб "несъедобный гриб" (в научной терминологии нет этого названия). Для обозначения ядовитых растений в некоторых случаях используются слова змея, волк, собака, например: *vilku oga* "ягода волка" *Atropa belladonna* в Дундаге и *Solanum dulcamara* в Эзерниекс, *sūzuburkākšis* "собачий стебель" *Conium maculatum* в Кримулде.

Высокие растения часто связаны со словом конь, лошадь, например, *zirgākāvels* "конский щавель" *Rumex confertus* (такая же мотивирующая семантика в русском языке), *zirgkūvels*, *zirgkūmelītes* "конская ромашка" *Anthemīs* в говорах Курземе, *zirga*, *zirgu kūmelītes* в говорах Видземе и Аугшземе, *zirdzenājs*, *zirdzene* *Angelica* в Акнисте.

Кажется, что все эти модели народной ботанической терминологии, как семантические, так и морфологические (суффиксация, словообразование) вполне достойны места и в научной ботанической терминологии. Создавая новые терминологические названия новых видов и сортов, полезно учитывать эти классические образцы.

Э.И.Якайтене

Вильнюсский гос. ун-т

К ПРОБЛЕМЕ МНОГОЗНАЧНОСТИ И ОМОНИМИИ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ

Литовское языковедение пока не может гордиться солидными достижениями в области исследования лексической семантики. Такие исследования проводятся в Вильнюсском университете уже третий год. Цель работы - выяснить, существуют ли в современном литовском языке какие-то объективные критерии для разграничения омонимов и семантически-

ких вариантов одной лексемы. Объектом исследования мы выбрали несколько пар омонимичных глаголов современного литовского языка. Омонимичность этих пар уже давно доказана исследователями исторической лексикологии. Так, еще в 1955 году в кандидатской диссертации В. Урбютиса¹ были убедительно аргументированы причины и способы возникновения омонимов литовского языка и доказано, что такие глаголы как *vuti* "гнать" и *vuti* "крутить, вить", *virti* "колдовать, предсказать" и *virti* "соединять в отряд, в кучу", *sekti* "следить" и *sekti* "рассказывать", *dereti* "торговать" и *dereti* "хорошо расти", *moketi* "платить" и *moketi* "уметь, быть способным к чему-то", *tekėti* "течь", *tekėti* "восходить" (о солнце) и *tekėti* "выходить замуж" являются омонимами, т. е. такими словами, в семантике которых нет ничего общего.

Нам бы хотелось как бы доказать доказанное. Но доказать иными методами, а именно - методами современного синхронного анализа лексики. И поскольку диахронически омонимичность слов уже доказана, проверить, насколько эти методы целесообразны при решении поставленной проблемы. К таким исследованиям нас побудили и некоторые практические цели: в лексикографической практике литовского языка до сих пор не решена проблема разграничения омонимов и многозначных лексем, и поэтому в словарях много неточностей и даже ошибок. Так, например, в словаре современного литовского языка ("*Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*") два омонима *vuti* фиксируются как одна лексема с пятью значениями, указываются лишь два глагола *dereti* вместо трех и т.д. Не совсем удачно указаны и некоторые отдельные значения каждого из омонимов. Так что помочь решить эти практические вопросы лексикографии тоже входило в планы наших исследований.

В работе в основном использовались методы дистрибуционного и деривационного анализа, а как вспомогательные средства были использованы исследования парадигматических связей соответствующих слов, т.е. выяснение семантического поля данных глаголов и их окружающих слов.

¹ V. Urbutis V. lietuvių kalbos leksikos homonimų susidarymo būdai. Filologijos kandidato disertacija (rankraštis). V., 1955.

Первый этап исследования - дистрибутивный анализ. На этом этапе минимальные контексты, характерные для каждой семемы, типизировались на основе валентных характеристик соответствующих глаголов и графически выражались структурной формулой, которая отражала число и форму обязательных детерминантов, напр., контекст глагола *vyti* "гнать" (*Gy-ventojai vijo kružiuošius.*) выражался формулой S-V-O, где S - субъект действия, V - исследуемый глагол, O - объект действия. Если же оказывалось, что грамматические и лексические свойства обязательных детерминантов не могут достаточно ясно дифференцировать данное значение, в формулу вводились и некоторые факультативные детерминанты. Такими, напр., оказались слова, обозначающие обстоятельство в контексте выше упомянутого слова *vyti* "гнать": *Gy-ventojai vijo kružiuošius šalin.*

Этот этап исследования показал, что синтаксическая валентность слова далеко не точно дифференцирует значение. Довольно часто дистрибутивная формула омонимов оказывалась та же самая, и, наоборот, семемы одной лексемы по своей формуле отличались. Напр., совершенно совпадают формулы всех семем глагола *vyti* "гнать" и *vyti* "вить", она такова S-V-O (где S - субъект, O - объект действия, V - исследуемый глагол), а напр., слово *moketi* "платить" (так как оно может быть использовано во многих контекстах), имеет несколько дистрибутивных формул. Это слово в основном бивалентное, и его формула S-V-O (*Tevaa moka pinigūs*), но довольно часто это слово встречается и в таких текстах: *Tevaa moka pinigūs už mokslā*, где глагол можно считать трехвалентным; третий член дистрибуции выражается предложной конструкцией, которая объясняет причину, или точнее, цель действия. В контекстах такого типа слово, означавшее объект, может быть пропущено: *Tevaa moka už mokslā*. Тогда глагол можно считать бивалентным. Можно этот глагол считать и четырехвалентным, напр., *Tevaa Jolui moka pinigūs už šienā*. Возможна и еще одна комбинация дистрибуции этого глагола: (*Už mokslā tevaa mokoje pinigūs*) здесь вместо слова, обозначающего объект действия, может быть употреблен падеж, обозначающий средство или инструмент действия (*mokejo pinigais*). И тем не менее, несмотря на разные вариации грамматической дистрибуции, это один и тот же глагол.

гол с одним и тем же значением. Синтаксическая валентность в процессе различения омонимов и многозначных слов и в дифференциации отдельных значений является только как бы пер-вичным критерием.

Интересные результаты дало исследование лексической валентности глаголов и сопоставление отношений между значениями окружающих слов. Например, глаголы *vyti* "гнать" (I), *vyti* "крутить" (II) имеет совершенно иную лексическую валентность. Глагол *vyti* (I) имеет два значения: 1. "гнать прочь" и 2. "стараться поймать" (ср. *Jie veja mus iš namu, Vijo mane venelis-neravijo*). Объект и субъект действия, обозначаемого данными значениями глагола, соединены пространственными связями, движением в то или другое направление. Объектом и субъектом служат слова, обозначающие живые существа. Глагол *vyti* "вить, крутить (нити, веревку, гнездо)" имеет строго очерченную лексическую сеть. Слова, означающие объект действия, составляют семантическое поле, в которое входят слова, обозначающие вещи, произведенные каким-то действием. Значит, действие U_{II} направлено на объект, с целью его изменить или произвести. Разные объекты и разные отношения между действием и объектом U_I и U_{II} позволяют эти глаголы считать совершенно отдельными словами, т.е. омонимами. Этот вывод подтверждает и анализ синонимических отношений глаголов. U_I имеет синонимы *ginti, varyti*, а второй - *sukti, krauti*. Значит первый глагол можно рассматривать как член семантического поля с общим значением действия, которое заставляет объект двигаться. U_{II} и его синонимы не имеют ничего общего с глаголами движения и входит в состав другого семантического поля с общим значением "производить".

Примером неодинаковой лексической валентности могут быть и проанализированные нами окружения глаголов *moketi, dereti, sekti* и др. Напр., слово *moketi* означает "платить" лишь тогда, когда объектом или орудием действия служат слова, называющие материальные ценности (*moketi pinigų, moketi grūdais*), *sekti* имеет значение "рассказывать" лишь тогда, когда его окружают слова, обозначающие то, что можно рассказать (*sekti pasaka, sakme, rašavima*).

После тщательного исследования дистрибуции глаголов можно сделать вывод, что дистрибуция, если ее понимать как единство лексической и синтаксической валентности, может служить важным критерием отграничения омонимов и многозначных слов. Но, конечно, не единственным. Как показывает приведенный пример с глаголами *vuti*, этот критерий дополняется очень важным для данной проблемы анализом парадигматических отношений.

Следующий этап исследования — деривационный анализ глаголов, т.е. возможность глаголов, рассматриваемых как омонимы, быть основой суффиксальных производных, способ и цель присоединения к ним возвратного аффикса и т.д. Здесь уместно рассмотреть один пример, дающий возможность деривативные связи глаголов тоже принимать за критерий определения омонимов. Глаголы *burti* "колдовать, предсказывать" и *iburti* "соединять в кучу" имеют и качественно, и количественно разную деривационную сеть. От *burti* образованы суффиксальные производные *būrejas* "который колдует, предсказывает", *būrike* и *būrikle* "колдунья", *burtai* "колдовство", *burtas* "знак для разрешения чего-то" и т.д. Очень часто *burti* (I) употребляется с префиксами, придающими глаголу значение результата (*iāburti*, *ažburti*, *puburti*) или указывающими на меньшую или большую интенсивность действия (*raburti*, *priburti*). *Burti* II очень редко служит мотивирующим словом суффиксальных дериватов. От этого слова образованы лишь *būrys* "отряд" и диалектизм *būra* "небольшое облако". Лишь префикс "с" придает этому глаголу значение направления, напр. *suburti* (направление в одно место). Значит, эти глаголы могут считаться омонимами еще и потому, что служат мотивирующими словами совершенно иных дериватов. И даже если производные слова образуются с помощью таких же суффиксов или префиксов, они отличаются по своим лексическим и даже по словообразовательным значениям (за исключением одного словообразовательного типа — отглагольных абстрактов (напр., *būrimas* может быть образовано и от *burti* I и от *burti* II).

В заключение можно сделать вывод: в современном языке существуют объективные критерии различных омонимов и многозначных лексем. При решении этой проблемы лексической семантики слова надо исследовать в комплексе, т.е. четко проанализировать дистрибуцию слова, его парадигматические отношения и деривационные связи.

IV. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И СЕМАНТИКА
VÄRDDARINÄŠANA UN SEMANTIKA

Е.Д.Бесценная
Ин-т русского яз.АН СССР
(Москва)

О СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТИПОВ (НА
МАТЕРИАЛЕ СУФФИКСОВ -ЩИК И -НИК)

Одна из важных задач словообразовательной семантики состоит в выяснении соотношения и взаимодействия словообразовательных типов в системе языка. В данном сообщении ставится цель выявить: (1) особенности семантики синонимических или частично синонимических формантов (=семантические связи формируемых ими словообразовательных типов и подтипов); (2) тождество и специфику формантов в сочетании с разными частями речи (=связи и соотношения имен с одним и тем же формантом, но мотивированных словами разных частей речи). Оба форманта -- щик и -ник -- относятся, как известно, к числу присустановительного-приадактивного-привербальных¹. Для изучения их семантики необходим анализ всех словообразовательных типов, в которых они выступают -- отсустановительных, отадактивных и отглагольных.

Способом описания словообразовательной семантики в данной работе является разграничение разных уровней обобщения семантики форманта и сопоставление словообразовательно-семантических классификаций мотивированных слов, относящихся к разным словообразовательным типам. В основу словообразовательно-семантической классификации положен анализ компонентов формантной части лексического значения мотивированного слова². В формантной части значений

1. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке.-М., 1977, с. 109.

2. Выделение семантических компонентов мотивированных слов производилось на основе принципов, изложенных в работе: Улуханов И.С. Указ. соч., с. 83 - 85.

имён с суффиксами -щик и -ник на любом уровне семантики формантов выделяется два семантических компонента:

1) субстанциальный - указывает означаемую мотивированным словом субстанцию или ее разновидность ("лицо", "животное", "конкретный неодушевленный предмет", "собирательное множество", "вещество" ¹;

2) предикативный - определяет отношение субстанции к тому, что названо мотивирующим словом. Мы исходим из того, что смысловое отношение мотивированного к мотивирующему понимается как действие (состояние) не только в отглагольных, но и в отыменных существительных (ср.: перевозчик - "лицо, которое перевозит кого-что-л. на чем-л.", лодочник - "лицо, которое перевозит на лодке", пневматчик - "лицо, которое использует пневматические инструменты") и представляет собой основу, на которой строится единая унифицированная классификация словообразовательных значений отглагольных, отсубстантивных и отаъектных имён.

Выделенные компоненты формантных частей значений мотивированных слов последовательно сводятся к семантическому инварианту. Для инвариантных присубстантивно-приаъективно-привербальных суффиксов могут быть выделены следующие уровни словообразовательной семантики: ²

1. Выделенные значения имеют специальные словообразовательные средства выражения: существуют словообразовательные типы, в которых они составляют субстанциальную часть общего словообразовательного значения типов. См.: Грамматика современного русского литературного языка.-М., 1970, с. 103, 107, 81, 49 и др. (лицо), 49, 59 (предмет), 90 (животное), 88, 116 и след. (собирательное), 62 и след. (вещественное).
2. Подробнее о последовательности обобщения и соотношении уровней семантики рассматриваемых суффиксов см. Бесценная Е.Д. О разных уровнях абстракции в словообразовательной семантике (на материале суффиксов -щик и -ник) (в печати).

1. Уровень контекстных значений.

Под контекстным значением форманта будем понимать элементы реальных лексических значений мотивированных слов, приходящиеся на долю форманта¹. Напр., на долю форманта -ник в слове печник приходится значение "лицо, которое создает (=делает так, чтобы существовало) чт.-л.", в слове станочник - "лицо, которое обслуживает то, что названо мотивирующим".

2. Уровень частных словообразовательных значений (подтипов).

2.1. Частные словообразовательные значения I степени типа "лицо-субъект", "предмет-орудие" и т.п.

2.2. Частные словообразовательные значения II степени: субъект, орудие, объект, результат, место.

3. Уровень общих словообразовательных значений (типов); напр., для отсубстантивного словообразовательного типа с суффиксом -ник общим является значение "субстанция, имеющая отношение к субстанции, названной мотивирующим существительным". В некоторых словообразовательных типах промежуточный уровень обобщения семантики форманта - уровень частных словообразовательных значений - отсутствует. Напр., в отсубстантивном и отадективном типах с суффиксом -щик все имена означают "лицо-субъект". Это значение и представляет собой общее словообразовательное значение данных типов.

4. Уровень системного инвариантного значения форманта (межтиповой). Суффиксы -щик и -ник, присоединяющиеся к основам мотивирующих слов разных частей речи, выражают одно и то же системное инвариантное значение "субстанция, имеющая отношение к тому (качеству, действию или к иной субстанции), что названо мотивирующим словом"².

(I) Особенности семантики синонимичных суффиксов -щик и -ник в каждой из рассматриваемых подсистем - отсубстантивной, отадективной и отглагольной - проявляются на разных уровнях словообразовательной семантики:

1. Улукханов И.С. Указ. соч., с. 91-96.

2. Там же, с. 120.

1. Сравнение контекстных словообразовательных значений в типах с суффиксами -щик и -ник (в пределах общих для обоих суффиксов значений определенного уровня обобщения) показывает, что данные суффиксы различаются наборами контекстных значений. Часть контекстных значений выражена только в именах с суффиксом -ник. Напр., в отсубстантивном типе: "Лицо, которое учится где-л.": школьник; "Лицо, которое болеет какой-л. болезнью": туберкулезник; "Лицо, которое пьется чем-л.": кумысник; "Лицо, которое носит что-л. (=одето во что-л.)": блузник; "Лицо, которое получает что-л.": барышник; в отадективном типе: "Лицо, которое участвует в каком-л. действии, характеризующемся признаком, названным мотивирующим прилагательным": общественник (в общественной работе), "Лицо, которое учится в каком-л. учебном заведении, характеризующемся признаком, названным мотивирующим прилагательным": заочник (в заочном институте) и др.

2. Различия в словообразовательной семантике синонимичных суффиксов -щик и -ник проявляются на уровне типов и подтипов. Во всех словообразовательных типах формант -щик частично синонимичен форманту -ник.

а) В отсубстантивном словообразовательном типе с формантом -ник с общим словообразовательным значением "субстанция, имеющая отношение к субстанции, названной мотивирующим существительным" выражены частные значения "субъект", "орудие", "объект", "результат", "место". Общее словообразовательное значение отсубстантивного типа с суффиксом -щик - "лицо-субъект действия, имеющего отношение к субстанции, названной мотивирующим существительным". Общее словообразовательное значение типа с суффиксом -щик совпадает с одним из частных значений I степени типа с суффиксом -ник - значением "лицо-субъект".

б) В отадективных типах - аналогичное соотношение.

в) Отглагольные типы с рассматриваемыми формантами имеют одно и то же общее словообразовательное значение: "субстанция, имеющая отношение к действию, названному мо-

тивирующим глаголом". Различие в семантике формантов обнаруживается на уровне подтипов: тип с суффиксом -ник выражает частные значения "субъект", "орудие", "объект", "результат", "место"; тип с суффиксом -щик выражает частные значения "субъект" и "орудие".

Таким образом, можно говорить о более широкой реализации общего для обоих суффиксов системного инвариантного значения суффиксом —ник и о более узком, специализированном значении суффикса -щик во всех словообразовательных типах.

(2) Разграничение разных уровней выражаемой формантом семантики позволяет выявить семантические сходства и различия рассматриваемых суффиксов в отсубстантивной, отадективной и отглагольной подсистемах:

I. Аналогичные контекстные значения выражены отглагольными и отыменными существительными. Различие между ними состоит в следующем: в структуре deverbative эксплицитно выражено действие без указания на объект, орудие, место, к которому оно относится; в отсубстантивах, напротив, указывается объект, орудие, место действия (в отадективах — признак, характеризующий предмет (явление), к которому относится действие), само же действие не всегда может быть определено однозначно и не выражено в структуре мотивированного. Ср., напр., отглагольные ловец ("лицо, которое ловит кого-что-л."), отсубстантивные рыбак ("лицо, которое ловит рыбу"), дощечник, острожник, неводник ("лицо, которое ловит рыбу с помощью донки, остроги, невода), рыбник ("лицо, которое продает рыбу"; "пирог с рыбой") и отадективное подледник ("снасть для подледного лова"). В структуре отглагольного имени выражено действие (ловить) без указания на его орудие или объект; в структуре отсубстантивного имени выражен объект действия (рыб) или его орудие (донка, острога, невод), в структуре отадективного — признак, характеризующий предмет, явление, к которому относится действие (подледный лов) ¹. Ср. I. Аналогичное явление отмечено для отыменных глаголов типа гладить и утюжить, в значениях которых тождественные семантические элементы играют разную роль. См. Улукханов И.С. Указ. соч., с. 181, 190.

также сходные контекстные значения, выраженные отсубстан-
тивными и отадективными именами, напр. "Лицо, которое со-
здает (=делает так, чтобы существовало) что-л. /по проф./":
печник, корзинщик - "Лицо, которое создает что-л. (пред-
мет, явление), характеризующееся признаком, названным мо-
тивизирующим прилагательным /по проф./": высотник (строит вы-
сотные здания), массовик (организует массовые игры); "Ли-
цо, которое обслуживает что-л. (=работает у/на/при аппара-
те, станке и т.п., названном мотивизирующим существительным)
/по проф./": станочник, конвейерщик, аппаратчик - "Лицо, ко-
торое обслуживает аппарат, устройство и т.п., характери-
зующееся признаком, названным мотивизирующим прилагательным":
высоковольтник (высоковольтное оборудование), вакуумщик (ва-
куумный аппарат); "Лицо, которое действует с помощью че-
го-л. /по проф./": лопатник, гусельник, гарпунщик, - "Ли-
цо, которое действует с помощью какого-л. предмета, харак-
теризующегося признаком, названным мотивизирующим прилага-
тельным /по проф./": духовник, ударник (играет на духовых,
ударных музыкальных инструментах), пневматчик (использует
пневматические инструменты). Таким образом, основой для
называния лиц, предметов мотивированными именами с рас-
сматриваемыми суффиксами могут быть производимые или дейст-
вия, предметы, имеющие отношение к этим действиям, призна-
ки, характеризующие предметы (явления), к которым относят-
ся действия¹.

2. Указанная особенность проявляется также на уровне
частных словообразовательных значений; ср.:

а) отглагольный "субъект (орудие, объект, результат,
место) действия, названного мотивизирующим глаголом" (взрыв-
ник);

б) отсубстантивный "субъект (орудие ...) действия,
имеющего отношение к предмету или явлению, названному мо-
тивизирующим существительным" (динамитчик);

1. Ср.: Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977,
с. 244 (автор раздела Е.С.Кубрякова).

в) отадективный "субъект (орудие,...) действия, имеющего отношение к предмету или явлению, характеризующемуся признаком, названным мотивирующим прилагательным" (пневматчик).

При сохранении семантического тождества форманта в сочетании с основами мотивирующих слов разных частей речи словообразовательная структура мотивированных имен "организуется" по-разному: тождественные семантические элементы играют в ней разную роль.

На наш взгляд, представляет интерес сопоставление рассмотренных суффиксов с другими суффиксами, имеющими тождественные или близкие значения. Выявление семантических связей словообразовательных типов составляет одну из актуальных задач системного изучения словообразования.

С.М. Кузьмина

Ин-т русского яз. АН СССР
(Москва)

ОРФОГРАФИЯ И СЕМАНТИКА МОРФЕМ

Орфография и семантика... Казалось бы, такие далекие понятия. Однако русская орфография такова, что для правильной буквенной передачи звучащего текста необходимо понимание этого текста, необходимо умение отождествлять морфемы.

Отнесение звука к фонеме, как необходимый этап в процессе перехода от звука к букве, и в корнях, и в аффиксах основывается на одной и той же процедуре — на привлечении одноморфемных слов. Между тем, отождествление морфем зачастую представляет значительные трудности. Одна из главных причин трудностей заключается в том, что в языке, на всех его ярусах, существует много явлений переходных, промежуточных, имеющих двойной статус, колеблющихся между существует — не существует, тождество — не тождество, членился — не членился, проверяемо — не проверяемо.

Семантическая близость однокоренных слов и степень вычленимости морфем находятся во взаимной зависимости: слабой отождествляемости морфем отвечает малая степень членимости; чем яснее граница между морфемами, тем яснее и значение каждой из этих морфем. И подобно тому как можно говорить о степени вычленимости морфем, о степени их семантической близости, так можно говорить и о степени проверяемости звуков слабых позиций: с одной стороны, есть прозрачная, ясная проверяемость (соответственно: несомненная членимость, тождество значений морфем), с другой — полная непроверяемость. Между ними — множество переходных ступеней.

Интересно выяснить, как разная степень семантической близости однокоренных слов сказывается на орфографии. Раз-

умеется, орфография не может и не должна отражать все переходные оттенки, все колебания языковой материи. В нормированном письме всё должно быть точно, определено, однозначно. Следовательно, относительно промежуточных явлений орфография вынуждена принимать одно определенное, может быть, и условное решение, трактовать их как явления ясные, однозначные, не промежуточные, не переходные. Она по необходимости должна упрощать, огрублять языковую действительность.

В какую же сторону идет это огрубление? В сторону ли графической дифференциации морфем, семантическое тождество которых более или менее сомнительно, или же, наоборот, в сторону их отождествления, в сторону одинакового изображения? Бесспорно, в русском языке имеет место второе — одинаковое изображение морфем и сходных с ними субморф, псевдоморф. Так, слово председатель, собственно говоря, является нечленимым, однако его графический облик такой, как если бы оно включало морфемы пред-, -сед-, -а-, -тель.

Это и естественно. С точки зрения эффективности орфографических правил выгодно, чтобы было больше проверяемых слов, слов с мотивированным написанием. Если слова со слабой отождествляемостью морфем, то есть слова с малой степенью членимости, будут трактоваться орфографией как слова нечленимые, то тем самым должно возрасти число разных основ, поскольку все т.н. "потенциальные морфемы" сливаются с "радикаоидами"; при этом резко возрастает количество немотивированных, непроверяемых написаний, орфографические правила становятся менее эффективными, сфера их применения сужается.

Если же слова со слабой отождествляемостью морфем, то есть слова с малой степенью членимости, будут трактоваться орфографией как слова членимые, то тем самым число немотивированных, непроверяемых написаний резко сократится.

Для подтверждения того, что в русской орфографии действительно имеется стремление к одинаковому изображению морфем со сходными означаемыми, мы изучили орфографи-

ческие варианты, приводимые в "Обратном словаре русского языка" (М., 1974) и в словарном приложении к "Русскому правописанию" Я.К.Грота. Изучение этих вариантов, а также наблюдения над наиболее распространенными ошибками и опечатками подтверждает, что в орфографии не только нет стремления к дифференциации, разграничению морфем со сходными означающими, но, напротив, действует тенденция к единообразной передаче сходных по звучанию морф и субморф. Обнаруживается тенденция к отождествлению морфем, к орфографическому их сближению, а не разобщению. Приведем примеры.

1. В корнях слов костить, орава, звездануть, коряга, корячить до недавнего времени наблюдалось вариативное написание букв, передающих гласные фонемы: костить и кастить, орава и арава, звездануть и звиздануть, коряга и каряга, корячить и карячить. Любопытно, что единственный утвердившийся теперь орфографический вариант сближает эти слова с известными в языке словами: костить - с кость, коряга - с кора или корень, звездануть - со звезда и т.д.

Эту тенденцию к передаче псевдоморфем как подлинных морфем, к орфографическому сближению формально сходного можно использовать при выработке орфографических рекомендаций. Так, утвержденные сейчас орфографическим словарем написания выкамаривать, камаринская, на наш взгляд, нельзя признать устойчивыми, перспективными. Они неизбежно должны уступить место более перспективным, более отвечающим тенденциям написаниям с о, сближающим морфемы этих слов с морфемой комар.

2. В настоящее время утвердилось написание павилика, хотя еще не так давно писали павилика и павелика (именно эти - старые - варианты приводятся в этимологическом словаре Фасмера). Осознание первой гласной как гласной, входящей в состав продуктивной приставки по-, изменило принятое раньше написание этого слова. То же можно сказать о слове полундра, бытовавшем раньше в двух орфографических вариантах - палундра и полундра (и восходящем к голл. van onderen). Орфографическая приставка победила и в слове сбруя,

которое, по рекомендации Я.К.Грота, имело и второй вариант - збуря.

Пример "ложной этимологии" в литературном языке дает и слово изъян, в котором с помощью твердого знака обозначена приставка, отсутствующая в действительности ¹. Ср. также распространенную орфографическую ошибку * подчевать вместо потчевать, в котором первые три фонемы осмысляются как приставка.

3. Орфографический интерфикс находим в словах шаромыжник, шалопут, корноухий, еще недавно писавшихся через а: шарамыжник, шалапут, корнаухий. Распространенная ошибка *кожемит (вместо кожимит) также показывает осмысление второго гласного как интерфикса.

Таким образом, при графическом изображении русских словоформ происходит, так сказать, вторичная семантизация частей этих словоформ, семантическое сближение их с продуктивными морфемами и как результат этого - графическое сближение с этими морфемами.

П.А. Соболева

Ин-т русского языка АН СССР
(Москва)

М.Д. Барченкова

МПИ им. В.И. Ленина (Москва)

ОБ АСИММЕТРИИ ФОРМЫ И ЗНАЧЕНИЯ В ФОРМОБРАЗОВАНИИ

Грамматическая вариативность парадигмы предполагает семантическое тождество слова во всех его видоизменениях, так как основной признак формобразования - "принцип единства лексических значений всех форм слова и принцип их грамматической взаимосвязанности" ². Е.С.Кубрякова пола-

1. Ср. у Фасмера: "изъян, изъян - заимствование через тур., татарск. zujan из ново-перс. ziyān "вред".

2. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. - В кн.: Вопросы теории и истории языка. М., 1962, с. 108.

гает, что формой слова может считаться только такая единица, которая сохраняет все его лексические значения. Форма слова симметрична относительно основы в том смысле, что повторяет все ее значения. В противоположность формообразованию при словос образовании имеет место асимметрия в значениях производящего и производного ¹.

Семантическое тождество слова в пределах парадигмы в принципе не должны нарушать отдельные случаи дефектности парадигмы. Дефектность парадигмы может быть следствием одной из трех причин:

а) структурной, например по чисто формальным причинам невозможно образование множественного числа и падежных форм от слов типа такси, жюри, рагу ²;

б) узуальной, например мы говорим организовать/организовывать, но не говорим использовать/использовывать ³;

в) семантической: "...явление грамматической дефективности чаще всего встречается там, где значение данной грамматической категории вступает в противоречие с лексическим значением соответствующих слов" ⁴. Так у глагола в неопределенных значениях невозможно образовать форму СВ. Мы говорим, например, заняться/заниматься делом, математикой но только заниматься в школе; говорить/сказать правду, но только говорить по-французски / в потенциальном значении "уметь говорить"/. От глаголов в непроцессном значении невозможно образовать форму НСВ. Так мы говорим обвинить/обвинять в значении "считать виновным", но только обвинить в значении "осудить", доработать/дорабатывать статью, но доработать до трех часов/.

Имеются и семантические причины для числовой дефек-

1. Кубрякова Е.С. О формообразовании, словоизменении, словообразовании и их соотношении. Изв.АН СССР,ОЛЯ, том XXXV, №6, с. 523.

2. Маслов Ю.С. Заметки о видовой дефективности /преимущественно в русском и болгарском языках/. - В кн.:Славянская филология. Л., 1964, с. 88.

3. Маслов Ю.С. Там же, с. 92 - 93.

4. Маслов Ю.С. Указ. соч. с. 88.

тивности парадигмы существительных: от существительных в абстрактном и собирательном значении невозможно образовать форму множественного числа. А от существительных в значении сложносоставности и расчленённости /не до степени отдельного существования элементов ¹/ невозможно образовать единственное число, например, ножницы, барашки "волны".

В связи со сказанным выше, дефектность парадигмы представляется возможным разделить на случайную и закономерную. К случайной относится дефектность парадигмы, вызванная структурными и узуальными причинами. Дефектность парадигмы, вызванная семантическими причинами, как правило, носит закономерный характер и поддается систематизации. Регулярная дефективность парадигмы в области числа существительных и вида глагола приводит к регулярной асимметрии форм и значений в разных точках числовой и видовой парадигмы.

Назовем существительные и глаголы, все лексико-семантические варианты которых одинаково ведут себя по отношению к формам числа и вида - гомогенными, а существительные и глаголы, ЛСВ которых по-разному ведут себя по отношению к формам числа и вида - гетерогенными. У гомогенных слов все ЛСВ либо коррелируют по числу и виду, либо одинаково не коррелируют, либо не коррелируют по-разному /например, сбережение - только ед., а сбережения - только мн.; засесть в засаду - только СВ, а заседать на собрании - только НСВ /.

Типы дефектности парадигм числа и вида поддаются систематизации:

Первый тип дефектности по числу: одни ЛСВ коррелирующие, другие *pluralia tantum*, например, барашек/барашки "ягтенок", "шкура барашка" и барашки "кучевые облака", "пенистые волны".

Второй тип дефектности по числу: одни ЛСВ коррелирующие, другие - *sing. tant.*, например, стол/стола "вид мебели" и стол "лица".

1. Соболева П.А. Множественное словообразование и множественное словоизменение. Иерархия значений. - Переводная и учебная лексикография. М., 1978.

Третий тип: одни ЛСВ коррелирующие по числу, а другие *sing. tant.* и *plur. tant.*, например, слово/слова "единица речи", слово "дар речи", "выступление /прошу слова/" и слова "текст вокального произведения /романс Балакирева на слова Пушкина/".

Четвертый тип: существительные, все ЛСВ которых - *singularia tant.*, например, лай, мрак, кофе.

Пятый тип дефектности по числу - существительные, все значения которых *plur. tant.*, например, ножницы, шахматы, катакомбы.

Шестой тип: одни ЛСВ только *sing. tant.*, другие - только *plur. tant.*, например, сбережение/сбережения, гонка/гонки, выбор/выборы, бег/бега.

Первый, второй, третий и шестой тип дефектности парадигмы характерен для гетерогенных существительных. Отсутствие дефектности и дефектность четыре и пять - для гомогенных существительных.

Аналогично можно установить шесть типов дефектности глагольной парадигмы ¹.

Первый тип видовой дефектности: одни ЛСВ коррелируют по виду, другие - *imperfectiva tant.*: заняться/заниматься делом, но заниматься в школе, разодрать/раздирать бельё, но душу раздирают сомнения ².

Второй тип: одни ЛСВ коррелируют по виду, другие - *perfectiva tant.* Например, угодить/угождать кому-л., но угодить в яму, доработать/дорабатывать статью, но доработать до шести часов.

Третий тип: одни ЛСВ коррелируют, другие *imperfectiva* и *perf. tant.* Например, изображать/изобразить в виде бегемота, изображать "являть собою /Площадь изображена

1. Ср. Маслов Ю.С. Указ. соч., с. 89.

2. Здесь и ниже примеры, в основном, заимствованы из монографии Авилевой Н.С. "Вид глагола и семантика глагольного слова". М., 1976 и статьи Гловинской М.Я. К вопросу о значении видового противопоставления в русском языке. - В кн.: Лингвистические вопросы преподавания русского языка на преподавательском ф-те. УДН, 1977.

как правильный треугольник"/, но изобразить /прост./"сделать, устроить /Он нам такую музыку изобразит!/"

Четвертый тип: все ЛСВ - perfect. tant. Например, рхнуть, хлынуть, отшуметь.

Пятый тип: все ЛСВ - imperfectiva tant. Например, существовать, любить, лежать.

Шестой тип: одни ЛСВ - imperfectiva, а другие - perfect. tant. Например, заблудиться в лесу и заблуждаться на чей-либо счет, уважать человека и уважить просьбу.

Первый, второй, третий и шестой типы видовой дефектности парадигмы относятся к гетерогенным глаголам. Полная парадигма и дефектность четыре и пять относятся к гомогенным глаголам.

Как следует из изложенного, типы дефектности парадигм у глаголов в области видовых форм и у существительных в области числа имеют идентичную структуру.

Типы числовой и видовой дефектности I, II и III можно называть относительной дефективностью. Типы IV, V и VI можно назвать абсолютной числовой и видовой дефективностью.

Картина дефектности числовых и видовых парадигм является одновременно картиной регулярной асимметрии формы и значения в области числа и вида. Последнее может давать основания для отнесения форм имперфективации вида и числа к словообразованию, а не к формообразованию /такая точка зрения имела распространение в русской грамматической традиции/.

Если же считать, что число существительных и вид /имперфективация глаголов представляет собой словоизменятельные категории, то следует ослабить требования к критериям семантического тождества слова¹.

1. Значительно ослабляет требования к семантическому тождеству слова Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. - Л., 1976, с. 76.

Очевидно, слово следует считать тождественным самому себе, несмотря на дефектность парадигмы при условии ожидаемо-предсказуемых сдвигов значения — метафорических, метонимических и т.д., свойственных данному синхронному состоянию языка. Так, например, слова "текст вокального произведения" являются синекдохой по отношению к слову/слова "единица языка". Сбережение зерна и трудовые сбережения связываются как наименование действия и результат действия, т.е. метонимически. В паре заблудиться/заблуждаться имеет место метафоризация конкретного значения "потерять дорогу", которое переосмысливается в абстрактное значение "ошибаться". То же относительно разодрать/раздирать /о сомнениях, противоречиях/.

Для признания слова тождественным самому себе несущественно совпадение форм словоизменения для всех его ЛСВ. Разные ЛСВ одного и того же слова могут принимать как одинаковое, так и разные формы словоизменения. Существенна лишь семантическая связь между ЛСВ, допустимая синхронной полисемией ¹.

Структура асимметрии форм и значений в области вида глагола и числа существительного — свидетельство глубокого внутреннего родства между этими категориями. Об этом писали, в частности Маслов Ю.С. и Авилова Н.С. ² И та и другая категория дает количественную характеристику явлениям — действиям либо предметам.

И, наконец, картина асимметрии форм и значений, рассмотренная выше, говорит о том, что такие морфологические категории как вид глагола и число существительного обсу-

1. Подробнее см. Соболева П.А. Лексикализация множественного числа и словообразование. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1978.

2: Маслов Ю.С. Указ. соч., с. 91. Авилова Н.С. Указ. соч., с. 57.

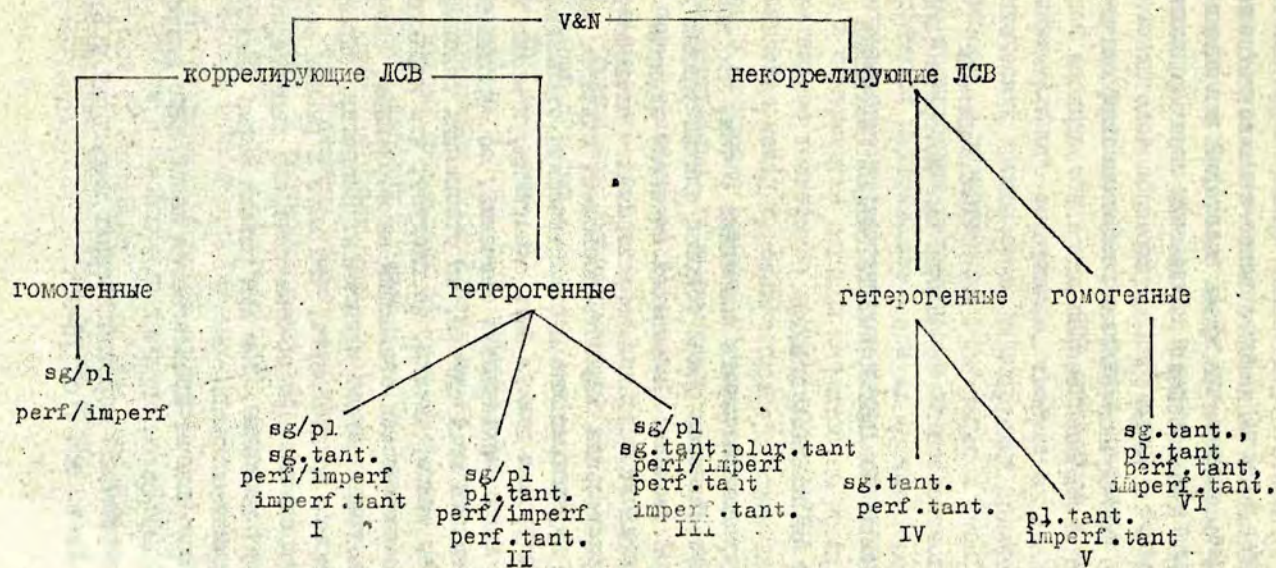

Схема дефектности числовых и видовых парадигм

живают не слово в целом, а его лексико-семантические варианты, в отличие, скажем, от таких категорий как падеж и род существительного, время и наклонение глагола, которые обслуживают слово в целом¹.

Возможно поставить вопрос о разбиении морфологии на морфологию слов и морфологию ЛСВ.

С.С.Хидекель

МГПИИЯ им. М.Тореза (Москва)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИНОНИМИИ

(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Не требует доказательств положение о том, что номинативное значение является общей основой единиц разных уровней лексической системы: наименьшей значимой единицы — морфемы, слова и сверхсловного образования — словосочетания. Это содержательная общность позволяет считать, что семантические характеристики и семантические отношения внутри каждого уровня должны быть однотипны, и можно говорить о разных типах лексических значений, об однозначности и многозначности этих единиц, об отношениях синонимии и антонимии. Из этого, однако, не следует, что характер семантики и семантических отношений на морфемном, словном и сверхсловном уровне будет идентичен. Напротив, справедливо, по-видимому, предположить, что даже в разных подсистемах единиц одного уровня семантические характеристики и связи будут различны, так как разная форма связана с разным содержанием.

В данном докладе не предлагается какой-либо класси-

1. Ср. с классификацией морфологических категорий у Бондарко А.В. Указ. соч., с. 76-99.

фикации аффиксальной синонимии, а ставится вопрос об особенностях семантических отношений, в частности, отношений синонимии и антонимии между аффиксальными морфемами, что, очевидно, тесно связано со своеобразием типа лексического значения словообразовательного аффикса. Синонимия, понимаемая как максимальная близость конкретных единиц, при которой наблюдается почти полное совпадение присущего им индивидуального содержания, требует определения круга семантических компонентов, формирующих сближаемые значения аффиксов, и установления количества и типа этих компонентов, достаточных для создания эквивалентности и условий устойчивой нейтрализации при их функционировании. Однако при рассмотрении словообразовательной синонимии до сих пор в большинстве случаев наблюдается неоправданно расширительное толкование этого явления и не проводится разграничения между синонимическими отношениями на уровне слов и на уровне морфем. На том основании, что между словами-дериватами, типа *unaware* и *non-expectant, unimportant* и *non-essential, unlimited* и *boundless, unfortunate* и *luckless, unbelief* и *distrust* и т.п. наблюдаются отношения, традиционно рассматриваемые как синонимические, к синонимам относят и сами словообразовательные морфемы, такие, как *un-, non-, a-; un-, -less; un-, dis-; или -ish, -ly, -like* и т.п., т.е. аффиксальные морфемы относятся к синонимичным по признаку не их индивидуальной, присущей каждому отдельному аффиксу семантики, а по признаку их принадлежности к одной и той же лексико-семантической категории (привативности, сродства, отвлеченности и т.п.).

Семантические отношения близости между лексическими единицами, в частности между аффиксальными морфемами, обнаруживают себя непосредственно в употреблении, создавая в речевой цепи функционально-эквивалентные единицы. Сущность, степень и характер семантической близости аффиксальных морфем в наиболее явном виде можно наблюдать в однокоренных образованиях, т.е. там, где они не затенены семантическими отношениями самих основ.

Анализ словарных толкований и реального функционирования таких однокоренных аффиксальных дериватов, как *airless* и *airfree*; *uncritical* и *noncritical*; *unbeliever*, *nonbeliever* и *disbeliever*; *womanish*, *womanly* и *womanlike* говорит о их бесспорной равнозначности и решительно противоречит трактовке таких аффиксальных морфем, как *un-*, *non-*, *dis-*, *-less* или *-ness*, *-ity*, *-ism* как синонимичных. Аффиксальные морфемы во всех этих случаях, хотя и объединены общим компонентом значения, позволяющем отнести их к одной лексико-семантической категории, по своим индивидуальным лексическим значениям вступают фактически в антонимические отношения противопоставления и могут интерпретироваться как дифференциальные компоненты, устанавливающие различия, а не сходство этих слов. Это подтверждается и тем, что в речевом употреблении, в отличие от лексических синонимов, сочетаемость таких дериватов не дает нейтрализации этого дифференциального компонента, приносимого в слово аффиксом. Достаточно сравнить употребление *uncritical* и *non-critical* в *He is non-critical but not stupid*, т.е. не склонный к критике и *He is lazy, idle and uncritical*, т.е. не умеющий критически мыслить. Аналогично в *un-professional conduct* и *non-professional opinion (visit)*, *oddity* и *oddness*, *difference* и *differentness* и т.п. Таким образом, представляется неправомерным отнесение, например, аффиксов привативности (*un-*, *non-*, *-less*) или отвлеченности (*-ness*, *-ity*, *-ism*), сходства (*-ish*, *-like*, *-ly*, *-ine*) и т.п. на основании общности только их лексико-категориального значения, не затрагивающего их индивидуальной семантики, к синонимичным. На подобную неоправданно расширительную трактовку аффиксальной синонимии в русском языке указывал еще В.В. Виноградов¹, подчеркивая отсутствие синонимии у суффиксов в случаях *прямота-прямызна*; *глухость-глухота*, *глушина*; *глубина-глубокость* и т.д.

¹ Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. - В кн.: Вопросы теории и истории языка. М., 1958, с. 131.

Установлению отношений синонимии аффиксальных морфем, принадлежащих одной лексико-семантической категории, но не обличенных по их индивидуальной семантике, препятствует также нетождественность, а часто и несовместимость условий реализации их словообразовательной сочетаемости. Аффиксальные морфемы в их разных индивидуально-номинативных значениях в пределах одной категории ограничены как структурными, так и семантическими характеристиками основ, что делает невозможным создание эквивалентных единиц и, наоборот, регулярно их противопоставляет. Например, привативный префикс *un-* регулярно и свободно взаимодействует как с причастиями, так и с примарными качественными прилагательными (*untrue, unknown, unsmiling*), противостоит привативным же аффиксам *non-*, *a-*, *-less*, которые не взаимодействуют с такого рода основами.

В отличие от лексических синонимов, образующих ограниченные и нерегулярные цепочки, в которых совпадают как общий для приведенного ряда компонент значения, так и ряд компонентов, присущих индивидуальной семантике слов, аффиксальные образования представляют как правило открытые, регулярные классы лексических единиц, объединенных абстрактным семантическим компонентом, общим для разных аффиксальных типов в пределах одного поля, например, значение сходства для рядов с суффиксами *-ish, -like, -ly, -oid*. Регулярность семантических отношений этого рода не затрагивает индивидуальной лексической семантики отдельных аффиксов и выступает как фактор, ограничивающий установление синонимии аффиксов в деривационном поле.

В современном английском языке при ограниченности синонимии отдельных аффиксов заслуживает внимания особый тип аффиксальной синонимии, регулярно реализующийся между суффиксальными и префиксально-суффиксальными моделями в случаях типа *uneventful* и *eventless, unbounded* и *boundless* и т.п. Синонимия этого типа основана на регулярной и четкой комбинаторике префиксальных и суффиксальных морфем, принадлежащих к разным деривационным семантическим категори-

ям, в данном случае, категориям наличия и отсутствия. Интересен этот тип синонимии, в частности и тем, что в его рамках происходит как бы совмещение антонимико-синонимических отношений, и как бы вторичное образование привативной единицы, снятие общекатегориального значения наличия. Префиксально-суффиксальные дериваты *unthoughtful, unclouded* и т.п. выступают одновременно как антонимы к параллельно самостоятельно функционирующим суффиксальным дериватам *thoughtful, clouded* и как синонимы к суффиксальным привативам *thoughtless, cloudless*.

Из сказанного выше напрашивается вывод о том, что явление аффиксальной синонимии, во всяком случае для современного английского языка, весьма ограничено и что установление условий, границ и своеобразия словообразовательной синонимичности связано с исследованием компонентной структуры всех типов лексического значения аффикса. В заключение хотелось бы подчеркнуть, что хотя по проблемам синонимии существует немало как лексикологических, так и лексикографических исследований, вопросы аффиксальной синонимии не только не нашли должного отражения, но еще даже полностью не поставлены.

E.Soida

ЛГУ им. П.Стучки /Рига/

PAR DAŽĀM VĀRDDARINĀŠANAS NOZĪMES PAZĪMĒM LATVIEŠU VALODĀ

20. gs. otrajā pusē vārdu darināšana kļūst par patstāvīgu valodniecības nozari. Tās uzdevums ir aprakstīt vārdu darināšanas apakšsistēmu, šās apakšsistēmas vietu un lomu valodas sistēmā, kā arī tās sakaru ar citām apakšsistēmām. Uz dažādu valodu materiāla pamata tiek veidota vārdarināšanas teorija, izstrādāti vārdarināšanas analīzes principi, precizēti jēdzieni, kā arī nepieciešamā terminoloģija motivētās nozīmes vārdu morfoloģiskās un se-

mantiskās struktūras izpētei. Motivēta vārda semantikā kā īpašs nozīmes komponents tiek nošķirta vārddarināšanas jeb derivatīvā nozīme.

1970. g. iznākušajā Mūsdienu krievu literārās valodas gramatikā vārddarināšanas jautājumi aplūkoti īpašā nodaļā. Līdzās citiem vārddarināšanas pamatjēdzieniem te raksturota arī vārddarināšanas nozīme, akcentējot vairākas pazīmes un salīdzinot to ar gramatisko nozīmi. Te uzsvērts: 1) ka vārddarināšanas nozīme piemīt visam vārdam kopumā, nevis atsevišķai vārdbūšanai vai tikai dažām vārdbūšanām, 2) ka tā formāli izteikta ar vārdu iekšējiem līdzekļiem noteiktai darinājumu grupai, kas pieder pie vienas un tās pašas vārdšķiras, 3) ka vārddarināšanas nozīme atrodas starp leksisko nozīmi, kas raksturīga vienam atsevišķam vārdam vai vārdu grupai (bet kas šai vārdu grupā nav izteikta ar kopīgu iekšēju formalizētu līdzekli) un starp gramatisko nozīmi, kas visiem vienas vārdšķiras vārdiem izteikta ar kādu formalizētu rādītāju¹.

No tālākā skaidrojuma izriet, ka vārddarināšanas nozīme nosakāma pēc semantiskā sakara, kas darināto vārdu saista ar tā motivētāju, ņemot vērā motivācijas virzienu un vairākus citus faktoros. Nav šaubu, ka vārddarināšanas nozīme te raksturota tikai vispārīgos vilcienos, bet arī pēc minētajām pazīmēm jau veidojas noteikts priekšstats par šo nozīmi, lai tās konkrēto realizāciju varētu vērot latviešu valodas piemēros.

Vārddarināšanas apakšsistēma nodrošina patstāvīgas nozīmes vārdu krājuma nepārtrauktu atjaunošanos un papildināšanos, izmantojot pašas valodas sistēmas iespējas. Tā ir savdabīga valodas nominatīvo vienību generēšanas laboratorija, kur jaunais top ciešā atbilstībā ar tradicionālo, jau normēto, tiesa, pa reizei pieļaujot arī atkāpes no normas.

Katra patstāvīgas nozīmes vārda semantisko pamatu vei-

1. Грамматика современного русского литературного языка.
- М., 1970, с. 37.

do tā leksiskā nozīme saistījumā ar gramatisko nozīmi. Leksiskās nozīmes ir spilgti individuālas. Turpretī gramatiskās nozīmes ir tipizētas (tāpat arī to izteikšanas līdzekļi) un ar augstu vispārinājuma pakāpi. Kaut arī gramatiskā nozīme visā tās daudzveidībā realizējas vārda formu veidotajos sintaktiskos savienojumos (vārda distributīvās attieksmes), tā tiek fiksēta un minimāli izmantota jau vārdā kā nominatīvā vienībā. Valodā nav gramatiski noformētu patstāvīgas nozīmes vārdu. Tādēļ ikvienu darinājuma leksiskā nozīme tās tapšanas gaitā iegūst arī noteiktu gramatisko raksturojumu. Darinājums vārdu krājumā ienāk kā gramatiski noformēta noteiktas vārdšķiras vienība - kā leksiski gramatiska vienība. Tas pievienojas citiem tāpat noformētiem motivētiem un nemotivētiem nozīmes vārdiem. Tādējādi ikvienu darinājuma semantikā kā obligāts komponents iekļaujas vārdšķiras vispārinātā jeb kategorijālā priekšmetiskuma, pazīmes vai procesa nozīme. Šis patstāvīgo vārdšķiru nozīmes kā motivētu, tā nemotivētu vārdu morfoloģiskajā uzbūvē parasti izteiktas ar galotni.

Latviešu valodas vārd darināšanas sistēmā ir modeļi, kurus izmanto motivētāja vārda vispārinātās leksiski gramatiskās vārdšķiras nozīmes pārvairošanai, saglabājot pamatos nepārveidotu motivētāja vārda leksisko (denotatīvo) nozīmi. Šādu darinājumus sauc par transpozīcijām². Kā spilgts transpozīcijas piemērs latviešu valodā minami produktīvie, formā un nozīmē regulārie deverbālie substantīvi,

2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка.-М., 1955, с. 130; Кубрякова Е.С. Дери́вация, транспози́ция, конверсия. - Вопросы языкознания, 1974, № 5, с. 64 - 76; Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке.-М., 1977, с. 121.

kas darināti ar sufiksu -šan- izskaņā -šan-s, piem., ie-šan-a:ie-t, domā-šan-a:dom-ā-t, lasī-šan-a:las-I-t, sapno-šan-a:sapn-o-t. Motivētājs un motivētais vārds minētajos un tiem analogajos darinājumos ir procesa vai stāvokļa nosaukums. Tā ir visiem ar izskaņu -šan-a darinātajiem substantīviem un to motivētājiem vārdiem kopīgā denotatīvā nozīme. Atšķirība vienīgi tā, ka motivētāja verba vispārinātā procesa nozīme darinājumā aizstāta ar vispārinātu substantīva priekšmetiskuma nozīmi. Un šim nolūkam izmantots vārdu darinātājs sufikss -šan- vai, precizāk, visa izskaņa -šan-a. Vārddarinātāja sufiksa derivatīvā nozīme šais darinājumos ir sinonīma ar substantīvu galotnes izsakāmo vispārināto (kategorijālo) vārdšķiras priekšmetiskuma nozīmi.

Līdzīgi, izmantojot vārddarināšanas sufiksu -um- vai izskaņu -um-s, adjektīvu vispārinātā pazīmes nozīme tiek transponēta par substantīvu priekšmetiskuma nozīmi, piem., gaiš-um-s:gaiš-s, klus-um-s:klus-s, tīrig-um-s:tir-ig-s.

No citstājiem piemēriem izriet, ka dažu vārddarināšanas sufiksu derivatīvā nozīme ir tuva un pat identa ar vārdšķiru vispārināto leksiski gramatisko nozīmi. Tāpat kā vārdšķiru nozīmē, arī darinājumos, kas realizējas kā vārdšķiru savstarpēja transpozīcija, derivatīvo nozīmi no gramatiskās nozīmes iespējams nošķirt tikai nosacīti.

Zināms pretstats transpozīcijai vārdu darināšanā ir modifikācija. Tā realizējas vienas vārdšķiras robežās un tādējādi motivētāja vārda vispārināto vārdšķiras nozīmi nemaz neskar. Modifikācijas gadījumos arī motivētāja vārda denotatīvā nozīme pārveidota netiek. Vārddarinātājs sufikss šādos gadījumos izmantots tikai motivētāja vārda nozīmes tipizētu precizējumu izteikšanai vai arī runātāja subjektīvā vērtējuma paušanai par motivētāja vārda nosaukto parādību.

Tipiski modifikācijas piemēri Latviešu valodā ir delminutīvi, piem., kaln-iz-š:kaln-s, brāl-it-is:brāl-is, māj-iz-a:māj-a, zem-it-e:zem-e. Arī pejoratīvā nozīme tiek izteikta ar vārddarināšanas sufiksu, t.i., kvalificējama

par vārddarināšanas nozīmi, piem., zirg-el-is:zirg-s, šun-el-is:sun-s, māj-el-e:māj-a.

Transpozīcija un modifikācija it kā veido vārddarināšanas nozīmes divas monolītas ārējās robežjoslas. Viena no tām - transpozīcija - cieši piekļaujas gramatiskajai nozīmei, otra - modifikācija - vārda leksiskajai nozīmei.

Visai komplicēta derivatīvās nozīmes struktūra veidojas mutācijas gadījumos. Derivatīvā nozīme te veidojas no vairākām hierarhiiski saistītām joslām, kas izkārtotas starp darinājuma vispārināto (kategoriālo) vārdšķiras nozīmi un individualizētajām vārdu leksiskajām nozīmēm. Šai derivatīvajai nozīmei piemīt iekšējs dinamiskums, kas realizējas divos pretējos virzienos. Vienā virzienā no derivatīvajām nozīmēm ar mazāku vispārinājuma pakāpi veidojas derivatīvās nozīmes ar aizvien augstāku vispārinājuma pakāpi. Pretējā virzienā skatot derivatīvo nozīmi, tā sadalās, sazarojas nozīmēs ar aizvien mazāku vispārinājuma pakāpi. Šie virzieni reljefi iezīmējas ar izskaņu -tājs darināto verbālas motivācijas substantīvu nozīmē.

Vārdšķiru līmenī darinājumi ar -tāj-s ir deverbāli substantīvi. (Tā ir vispārināta derivatīvā nozīme un tai pakārtojas arī ar citiem sufiksiem vai izskaņām darināti verbu motivētie substantīvi.) Plašajai vispārinātajai derivatīvajai nozīmei vārdšķiras līmenī pakārtojas vispāringā visiem verbu motivētajiem darinājumiem ar -tāj-s kopīgā nozīme 'motivētāja verba nosauktās darbības realizēšanas priekšmets', kurai savukārt pakārtojas divi nozarojumi (vai kura tajos sadalās): 'motivētāja verba nosauktās darbības veicējs' un 'motivētāja verba nosauktās darbības veikšanas līdzeklis'. Darinājumi ar darbības veicēja nozīmi var būt 'jebkura darbības veicēja persona' un 'darbības veicējs speciālists'. Līdzekļa nozīmē vispārināta 'motivētāja verba nosauktās darbības veikšanas rīka' nozīme un 'motivētāja verba nosauktās darbības veikšanas vielas' nozīme. Īpašu grupu šai dalījumā veido tie darinājumi ar -tāj-s, kuriem ir individualizētas terminoloģiskas nozīmes. Piemērus sk. tabulā.

Derivatīvā nozīme				Formants	
Deverbāls substantīva				-tāj-s	
Motivētāja verba nosauktās darbības realizēšanas priekšmets (plašā nozīmē)					
Darbības veicājs		Darbības veikšanas līdzeklis		Individuālizētās nozīmes	
Jebkura darbības veicēja persona	Speciālists	Instruments, ierīce	Viela		
1	2	3	4	5	6
			atšķaidītājs		
			attīstītājs		
			balinātājs		
dalītājs				dalītājs	
domātājs	docētājs domātājs drapētājs				
drošinātājs		drošinātājs			
	frēzētājs grimētājs izmeklētājs				
iznīcinātājs	iznīcinātājs	iznīcinātājs			
kairinātājs			kairinātājs		
				kāpinātājs	
klusinātājs		klusinātājs			
lodētājs	lodētājs metinātājs minētājs	lodētājs			
mācītājs				mācītājs mazinātājs	
modinātājs		modinātājs			
	modelētājs				

	nīkelē- tājs		
	nivelē- tājs	nivelē- tājs	
	paukotājs projektē- tājs		
reizinā- tājs		reizinā- tājs	reizinā- tājs
	slīpē- tājs		
spodri- nātājs	spodri- nātājs	spodri- nātājs	
		šķīdinā- tājs	

Tabulā kārtoto darinājumu vārddarināšanas nozīmes atsevišķu slāņu semantiskā struktūra un vispārinājuma pakāpe atklājas pretstatījumos un transformos.

Ar sufiksu -tāj-(s) izteiktā kopīgā derivatīvā nozīme 'motivētāja verba nosauktās darbības realizēšanas priekšmeta (plašā nozīmē)' apvieno visas minētā sufiksa darinājumu nozīmes pretstatā citas derivatīvās nozīmes (objekta, rezultāta, vietas) deverbālajiem substantīviem, kuru darināšanā izmantoti citi sufiksi.

Sufiksa -tāj- kopīgā derivatīvā nozīme nav monolīta. Tanī apvienotēs zemākas pakāpes derivatīvās nozīmes ir visai atšķirīgas. Atšķirība labi saskatāma šo derivatīvo nozīmju transformos, izmantojot tanīs priekšmetiskās nozīmes pronomenus. Nozīmei 'darbības veicējs' atbilst transformi 'tas, kas veic pamatverba nosaukto darbību', bet nozīmei 'darbības veikšanas līdzeklis' - 'tas, ar ko veic pamatverba nosaukto darbību'. Šīs nozīmes, kas saucas ar nominatīva un ar instrumentāla nozīmēm, vārddarināšanas līmenī kvalificējas par homonīmām (un sufiksu -tāj- - par homonīmu vārddarināšanas formantū).

Derivatīvā homonīmijs realizējas viena darinājuma nozīmē (kā tas ir leksiskās homonīmijas gadījumos) un vienlaikus aptver darinājumu sērijas, piem., 'darbības veicēja' un 'darbības veikšanas līdzekļa' nozīmi. Tā robežojas ar derivatīvo polisēmiju. Piemēram, atšķirība starp nozīmēm 'jebkura (pamatverba nosauktās) darbības veicēja persona' un 'speciālista (pamatverba nosauktās) darbības veikšanā' kvalificējama par derivatīvo polisēmiju.

Īpašu grupu aplūkojamo darinājumu vidū veido darinājumi ar individualizētajām nozīmēm. Tie parasti rodas kā potenciālisti vai okazionālisti, tekstu veidojot, kā arī papildinot terminu krājumus dažādām zinātnes nozarēm. Šiem darinājumiem var būt pilnīgi individualizēta nozīme (piem., mācītājs 'kulta darbinieks') un var veidoties tipizētas nozīmes vārdu grupas (piem., dālītājs, kāpinātājs, mazinātājs, reizinātājs - termini matemātikā 'skaitļi pamatverba nosauktās darbības realizēšanai'). Šie matemātikas termini iekļaujas vispārinātajā nozīmē 'darbības veikšanas līdzeklis', bet ir noslēgta terminu sērija, un tiem ir ierobežota funkcionēšanas sfēra.

Ar nozīmi 'darbības veicējs' tekstā sastopami arī regulāri darinājumi, kas neiekļaujas ne vienā, ne otrā veicēja nozīmei pakārtotajā grupā, piem.,

Osis ir čakls ziedētājs, bet lēns lapotājs.

No teiktā izriet vairāki secinājumi.

Kaut arī vārdu darināšana kā valodniecības nozare ieguvusi zināmu autonomiju, tajā aprakstāmā valodas apakšsistēma cieši saistīta ar citām apakšsistēmām un nav izolējama no tām.

Vārddarināšanas nozīmes izteikšanai gan pastāv noteikti "vārda iekšējie izteiksmes līdzekļi", bet atsevišķi šās nozīmes slāņiem ne katrreiz atbilst savs formants. Līdz ar to veidojas homonīmu un polisēmisku darinājumu grupas. Pati vārddarināšanas nozīme ir visai nevienveidīga. Tā var realizēties noteiktās korelācijās ar citām nozīmēm, dažādos valodas līmeņos un kvalitātēs.

У. ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА
GRAMATISKĀ SEMANTIKA

М.Я.Гловинская

Ин-т русского яз. АН СССР
(Москва)

О СЕМАНТИКЕ ВИДСВОГО ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ
РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о том, что представляет собой значение каждого из видов, является коренным для аспектологии. Существует два основных подхода к изучению значений совершенного и несовершенного видов.

Первый подход характеризуется двумя важными особенностями.

1. Значение видов описываются на основе таких понятий как законченность, предельность, результативность, точечность, целостность действия для совершенного вида и продолжительность, линейность, процессность, длительность для несовершенного вида.

2. Каждому из видов, для всех его значений, приписывается единой смысловой инвариант, который называется именем одного из этих признаков.

Однако, какой бы из названных признаков ни предлагался в качестве единого, характерного для каждого вида, во всех случаях находились опровергающие примеры. При этом можно показать, что не только в совокупности всех своих значений вид не имеет инвариантного содержания, но даже в своем главном значении каждый вид не однозначен (несов.в. - в длительном, а соверш. в. - в точечном).

Другое направление в изучении видов можно назвать смысловым. Первой работой такого рода можно считать статью Ю.С.Маслова "Вид и лексическое значение глагола" ^I, где впервые была показана семантическая неоднородность видов.

I. Известия АН СССР, ОЛЯ, 1948. т.7, вып. 4.

Автор выделяет среди соотносительных видовых пар три группы глаголов, которые различаются между собой значением совершенного и несовершенного видов. Второе важное положение этой статьи состоит в том, что "тип противоположения парных глаголов зависит от особенностей лексического значения глаголов" ¹.

Смысловый анализ видов с позиций современной семантики был впервые предпринят А. Вежицкой ². Ее статья содержит ряд новшеств и открытий. Бажной методологически является также работа А. Богуславского "К вопросу о семантической стороне глагольных видов" ³.

В современной семантике подход к проблеме значения видов характеризуется тремя методически важными принципами:

1. Вместо семантического инварианта для вида во всех его значениях указывается семантический коррелят для каждого так называемого частного значения вида.

2. Значения видов толкуются, а не характеризуются признаками типа "законченность", "предельность" и т.д.

3. Каждому члену видовой пары дается полное толкование, что создает основу для установления семантического коррелята каждого из видов: это - общая у всех глаголов данного вида часть толкования.

В своей работе мы исходили из этих принципов. Необходимо назвать еще два принципа. Конкретной целью нашей работы было найти смысловые компоненты, соответствующие процессному значению несов. в. и точечному значению соверш. в. Извлечь эти компоненты можно только из толкований глаголов несов. и сов. видов в соответствующих употреблениях.

4. Мы пользовались таким понятием толкования, в соответствии с которым оно является одной из перифраз толкуе-

1. Там же, с. 305.

2. A. Wierzbicka. On the Semantics of the Verbal Aspect in Polish. "To honor Roman Jakobson", 1967, Mouton, The Hague-Paris, с. 2231-2249.

3. "Z polskich studiów slawistycznych". Seria 2.-Warszawa, 1972.

мого выражения, удовлетворяющей определенным требованиям¹. Для нас на данном этапе работы важно было соблюсти следующие требования к толкованию: толкуемое значение должно определяться через более простые (так как выделить из сложного значения глагольной лексики ту частичку, которая относится именно к виду, можно только в том случае, если сложное значение представлено как совокупность более простых).

5. В качестве единицы описания избирался глагол в одном своем лексическом (словарном) значении. Это обусловлено тем, что в разных значениях глагола по-разному проявляется видовое противопоставление².

Аналізу подвергались пары глаголов, которые обычно признаются чисто видовыми, т.е. такие, в которых морфологически производным является глагол несовершенного вида (суффиксальная имперфективация), напр., ввинтить-ввинчивать, а также пары, образованные меной тематического глагола, напр. решать-решить.

Анализ нашего материала показал, что семантическое соотношение между совершенным и несовершенным видом может быть трояким:

1) Несовершенный вид сложнее совершенного. Этот тип составляют глаголы, толкование совершенного вида которых целиком входит в толкование глагола несовершенного вида. Именно это соотношение было отмечено А. Вежицкой. К этому типу относятся пары, в основе которых лежит смысловое противопоставление 'начинать(ся)' (несов.) - 'начать(ся)' (сов.).

1. Об определении понятия толкования см. Ю. Д. Апресян Лексическая семантика. М., 1974, с. 56-163; И. А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей "Смысл - текст", - М., 1974, с. 55, с. 110-133.

2: Подробнее об этом см. в статье автора "К вопросу о значении видового противопоставления в русском языке". - В кн.: Лингвометодические вопросы преподавания русского языка на подготовительном факультете. УДН им. П. Думубы, М., 1977, с. 16-17.

Дадим толкования обеим этим формам. X начался = 'X начал быть' = 'В какой-то момент времени явления X не существовало, в следующий момент явление X существовало' ¹. X начинается = 'X начинает быть' = 'В какой-то момент времени явления X не существовало, в последующий промежуточный момент существовала часть X-а либо нечто, обладающее основными признаками X-а, такое, что если после этого промежуточного момента процесс будет развиваться, то в какой-то из последующих моментов начнет существовать X'. Таким образом, 'начаться' входит в 'начинаться' в составе имплицитивного утверждения 'если после этого промежуточного момента процесс будет развиваться, то в какой-то из последующих моментов начнет существовать X'.

Подавляющее большинство видовых пар относится к этому типу. Например, глаголы, обозначающие изменение состояния (выздоровливать-выздороветь, заболеть-заболеть, заквашиваться-закваситься, отвердевать-отвердеть, согреться-согреться, угасать-угаснуть, улучшаться-улучшиться, ухудшаться-ухудшиться и т.д.), многие глаголы со значением изменения размера (повышаться-повыситься, расширяться-расшириться, сокращаться-сократиться, сужаться-сужиться, увеличиваться-увеличиться, уменьшаться-уменьшиться, утолщаться-утолщиться и т.д.), а также некоторые другие классы глаголов ², из которых отметим еще группу приставочных глаголов движения (входить-войти, подходить-подойти, выбегать-выбежать, отбегать-отбежать и т.д.). Несовершенный вид этих глаголов имеет значение 'начинать быть каким-то', 'начинать быть где-то' и т.д., а совершенный вид - 'начать быть каким-то', 'начать быть где-то' и т.д.

2) Несовершенный и совершенный вид семантически равносложны. К этому типу относятся видовые пары, в значения

1. Толкование 'начаться' в несколько упрощенном виде заимствовано из книги Апресяна Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974, с. 75.

2. Подробнее об этом см. в указ. статье автора, с. 18-20.

которых входят смыслы 'с целью' и 'в результате'. Формы несовершенного вида этого типа толкуются в обобщенной форме как 'действовать с целью добиться (получить нечто); а формы совершенного вида - как 'добиться (получить нечто) в результате действия'. При этом смысловой элемент 'с целью' выступает только в формах несовершенного вида, а смысловой элемент 'в результате' - только в формах совершенного вида; кроме того, толкования глаголов разных видов имеют обратный, перевернутый характер.

Рассмотрим, например, пару заставлять-заставить. Заставлять значит 'воздействовать на кого-то с целью добиться от него чего-то вопреки его воле', а заставить - 'добиться от кого-либо чего-то против его воли в результате воздействия на него'.

К этому типу относятся такие глаголы, как вникать-вникнуть, втолковывать-втолковать, выяснять-выяснить, добиваться-добиться, доказывать-доказать, настаивать (на своем)-настоять, обманывать-обмануть, осмыслять-осмыслить, принуждать-принудить, приспособлять-приспособить, решать-решить, убеждать-убедить, успокаивать-успокоить и др.

3) Совершенный вид сложнее семантически несовершенного.

В этом случае возможны следующие подтипы:

а) Формы несовершенного вида имеют значение 'быть в состоянии'... 'иметь свойства', 'действовать' - форма совершенного вида имеет значение 'начать быть в состоянии...'; 'начать иметь свойство', 'начать действовать'.

Например, возмущаться-возмутиться, обижаться-обидеться; возвышаться (над всеми)-возвыситься, возглавлять-возглавить; заниматься-заняться и т.д.

б) Формы несовершенного вида имеют значение 'действовать' либо 'быть в состоянии', а совершенного - 'начать действовать, действовать в течение какого-то времени и перестать действовать' либо 'начать быть в каком-то состоянии, быть в нем в течение какого-то времени и перестать быть'.

Например, глядеть-поглядеть, смотреть-посмотреть, шу-

пать-пощупать, благодарить-поблагодарить, возражать-возра-
зить, говорить-сказать; наслаждаться-насладиться, ссорить-
ся-поссориться и т.д. ¹

К третьему типу принадлежит сравнительно небольшое ко-
личество пар. Большинство глаголов, относящихся к нему,
имеет стательное значение.

Из-за недостатка места мы охарактеризовали семантичес-
кие типы видového противопоставления в сокращенном и упро-
щенном виде.

Л.К.Граудина

Ин-т русского яз.АН СССР
(Москва)

ФАЗЫ ВАРИАНТНОСТИ И ДЕСТРУКТИВНАЯ РОЛЬ СЕМАНТИЧЕСКОГО ФАКТОРА

В докладе изложены наблюдения, сделанные на основе ма-
териалов частотно-стилистического словаря вариантов, издан-
ного под названием "Грамматическая правильность русской ре-
чи" (М., 1976).

Литературная норма меняется без резких скачков, без
потрясений; едва заметными переходами прокладываются пути
к будущим грамматическим нововведениям. Причем закономерно
одно несоответствие: в своих колебаниях грамматические ва-
рианты инертны, сохраняется известное постоянство варьиро-
вания во времени, иногда в течение столетий, тогда как нор-
мативные оценки этих колебаний меняются быстрее, их обнов-
ление совершается в течение десятилетий, а не веков.

В своем функционировании в спонтанной речи все грам-
матические варианты по частоте употребления располагаются
в пределах четырех частотных зон. Характер конкурентных
отношений вариантов, отражающий синхронно-диахроническое

¹ И. Указ. соч., с. 22-23.

состояние изменчивости и неустойчивости системы, проявляется в тех количественных соотношениях, которые установлены в результате статистического исследования. В четырех основных видах количественных соотношений между членами вариантных пар отражаются разные фазы вариантности форм. Временное состояние вариантности, когда языковые единицы лишены значимых различий, характеризуется и разной длительностью в пределах хронологического периода полной фазы вариантности, и разной степенью интенсивности наблюдающейся борьбы вариантов на уровне каждой из фаз. Массовый характер определенным образом упорядоченных данных дал возможность оценить существующую в современном состоянии грамматической системы природу разнофазовости вариантов.

Разнофазовость вариантов и асинхронность в протекании фаз у разных групп вариантов — это естественные формы эволюционной смены нормы употребления. Одни группы вариантов находятся в начальной фазе вариантности: новые варианты форм малочастотны и могут в течение определенного времени не выходить за пределы узких сфер речи. У других групп вариантов конкуренция форм приняла нарастающий характер: преобладает один из вариантов, другой употребляется, хотя и не в единичных случаях, но сравнительно редко (не превышая 20 % в общем употреблении форм вариантов этого типа). При этом наблюдение за исторической тенденцией, определяющей в основных чертах общее направление эволюции, показывает возможное в будущем усиление процесса. Например, подобную фазу нарастающей вариантности проходят вариантные формы сложных существительных с числительными ПОЛ-. Несклоняемость числительного усиливается, особенно в устной речи, и захватывает слово за словом многие образования этой группы. Пожалуй, нет ни одного случая вариантности в грамматике, который характеризовался бы чистотой, "стерильностью" и строгой определенностью процесса, так же как и способностью к быстрому и полному затуханию вариантности. Даже четко обозначившиеся синхронные фазы вариантности характеризуются чертами разных диахронических состояний. Так, "острая" и "подострая" фазы

вариантности у отдельных групп форм, отличительная черта которых - равновероятное употребление форм или употребление, близкое к равновероятному (ср. склоняемость русских и освоенных топонимов в сочетании с географическим термином типа в городе Рига - в городе Риге), при более пристальном изучении в применении к разным типам слов обнаруживает переходные свойства в отдельных случаях уже сложившейся, а в других, весьма неопределенной новой нормы. Так, теперь только в несклоняемой форме в составе приложения употребляются топонимы на -И, -Ы (в городе Великие Луки, в г. Сумы); в девяносто случаях из ста не склоняются в той же позиции топонимы на -ИНО(-ЫНО), -ЕВО(-ЫВО), -ОВО (типа в городе Кемерово); традиционная норма склоняемости очень стойко держится у топонимов-прилагательных (в г. Горьком, на реке Неглинной); варианты равновероятны в названиях малонаселенных пунктов, редко употребляющихся географических названиях, соответствующих существительным мужского и женского рода (в городе Борисов - в городе Борисове, на реке Катунь - на реке Катунь).

Наиболее легкий для нормализатора материал представляют собой группы вариантов, находящиеся в затухающей (или ниспадающей) фазе вариантности, когда традиционный вариант исчезает и поэтому довольно редко употребляется (не чаще 10 %). Таковы в современном русском языке варианты типа рекою, возникши, самоё эту комнату (закрепились варианты типа рекой, возникнув, саму эту комнату).

Действие семантического фактора наиболее глубоко проявляется не в начальных, а в затухающих фазах вариантности. Семантическая дифференциация вариантов оказывается наиболее существенной приметой распада вариантности. Деструктивная роль семантического фактора наблюдается во многих группах форм всех знаменательных частей речи: в городе и некоторых варьирующихся формах склонения имен существительных, в формах вариантных степеней сравнения прилагательных, в отдельных формах числительных и местоимений. Нельзя не заметить вместе с тем, что универсальное и сильное влияние семантического фактора обнаруживается в наибольшей степени в

классе глагольных вариантных формах.

Один пример. Самый крупный массив вариантных форм, существующий на протяжении всей истории литературного языка, наблюдается в форме настоящего - будущего времени у непродуктивных групп глаголов типа движется-двигается, меряется-меряются, сыплет - сыпет. Этот тип вариантов, по данным нашей выборки, входит во вторую частотную зону (в пределах 100 - 999 форм). Причем, сопоставляя варианты этой группы, легко убедиться в том, что давний процесс вариантности оставил глубокие следы и в семантической, и в стилистической сфере функционирования вариантов. Соотношение и взаимодействие этих вариантов таково. Около 40 глаголов непродуктивной группы типа брызгать, двигать(ся), капать, мурлыкать, полоскать и др. находятся под влиянием глаголов продуктивного класса (типа бегать, обувать, играть, читать). В настоящем - будущем времени глаголам непродуктивной группы искони свойственны формы с чередованием согласного основы: брызгать - брызжет, двигать(ся) - движет(ся), капать - каплет, мурлыкать - мурлычет, полоскать - полощет и т.д. Под воздействием многочисленных форм глаголов продуктивного класса в литературном языке уже давно (XVIII-XIX вв.) появились формы настоящего-будущего времени на -ает, в которых чередования согласных не происходит: брызгает, двигает(ся), капает, мурлыкает, полоскает. По мере приближения к нашему времени рост таких форм привел к тому, что некоторые непродуктивные глаголы окончательно перешли в ряд продуктивных. Такие глаголы как глотать - глотают, икать - икают, лобзать - лобзают, рыкать - рыкают, черпать - черпают, утратили исконные формы глочут, пчут, (но в пословице: - с холоду ежится, с голоду ичется), лобжут, рычут, черплют.

В тех случаях, когда в современном литературном языке зарегистрированы параллельные формы, многие варианты различаются по значению. Так, размежевание по значениям, частичное или полное, происходит у глаголов брызжет - брызгает, блещет - блистает, гложет - глодает, движет(ся) - двигает-

(ся), каплет - капает, клецлет - клекает, крацлет - крапает, мечет - метает.

Например, в паре гложет - глодает оба варианта употребляются в прямом значении 'грызть, обрызгать', причем форма глодает, глодают свойственна просторечию; в переносных же употреблениях в значении 'мучить, терзать - о чувствах' используется только форма гложет (ревность, честолюбие, тоска, тревога и под.).

Разошлись в значениях формы от глагола крапать: крапает дождь, но крацлет карты. Глагол метать, мечешь, мечет, мечут употребляется только в значении 'бросать', формы метать - меташь, метает, метают употребляются лишь в значении 'прошивать или сшивать, крупными стежками, намечая линию шва (ср. метает петли)'. .

Следует отметить одну очевидную особенность вариантных соотношений форм. Несмотря на влияние аналогии, чередование согласных оказывается самым сильным барьером, препятствующим безоговорочной и легкой победе более новых форм. В случаях, когда возникает необходимость мены согласных (полощет - полоскает, движется - двигается), количественное соотношение вариантов показывает, что в целом, несмотря на давний процесс конкуренции, сейчас предпочтение остается на стороне традиционных форм (83, 65 % против 16, 35 %). Когда же мены согласных не происходит (ср. варианты мучит - мучает, мерит - меряет, лазит - лазают) переход к новой норме более легок и свободен. В употреблении этих вариантов их соотношения близки и равновероятным: 54,55% традиционных и 45,45 % более новых форм.

Таким образом, действие семантического фактора нельзя рассматривать вне материальной опоры. Чередование согласных служит сдерживающим тормозом; в этих случаях нередко чередуется форма - чередуется значение. Тогда как с чередованием гласных такой закономерности не наблюдается.

Э.М.Джемакулова

ЛГУ им. П.Стучки /Рига/

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ПРЕДЛОГОВ И ПРИСТАВОК

Исследование семантики приставок в современном языкознании ведется прежде всего в плане анализа их функционирования в производном слове с учетом возможного влияния семантики производящей основы /слова/ и значения контекста. Подобные вопросы встают перед исследователями как при синхронном рассмотрении семантики префиксов, так и при диахронном /работы Б.Н.Головина, А.Н.Тихонова, О.М.Соколова, Э.Секаниновой и других лингвистов/.

Возможен, однако, и иной подход /вторичный по отношению к первому/, основан он на генетической связи приставок и предлогов, на связи, которая дает возможность сопоставления их семантики. Такой сопоставительный анализ приставок и предлогов может дать дополнительные факты при изучении семантики префиксов как на материале современного языка, так и при рассмотрении эволюции значений приставок. Речь, разумеется, идет о соотносительных приставках и предлогах /т.н. первообразных, производных/, о таких, как В и В- /предлог и приставка/, ИЗ и ИЗ- и др. Трудность, однако, заключается в определении значений приставок и предлогов, в возможности сопоставления семантики единиц разных уровней: словообразовательных морфем и лексем, ибо предлоги, по мнению большинства исследователей, являются словами. Основная трудность такого сопоставительного анализа связана, пожалуй, с предлогами, с их неопределенным положением в ряду лексем русского языка. Статус же морфем и терминологическое определение их значений освещены в современном языкознании достаточно полно и ясно. Значением словообразовательных морфем можно считать значение деривационное, или словообразовательное.

Иначе - с семантикой предлогов В большинстве случа-

ев исследователи выделяют в предлогах значения лексические и значения грамматические. Закономерен в таком случае вопрос: с чем сопоставлять словообразовательное значение приставок? С лексическим ли значением предлогов или же с грамматическим? Сопоставительное исследование значений приставок и предлогов требует, как кажется, некоторого уточнения семантики последних.

Выделение некоторыми исследователями значений лексических и значений грамматических основано на том, что предлоги — при всей своей служебности и незнаменательности — остаются все же, по их мнению, словами, а следовательно, обладают и грамматическими, и лексическими значениями, т.е. категориальным значением отношения и конкретными проявлениями этого обобщенного значения отношения. Выражением грамматического значения, которое, как известно, должно отвечать двум требованиям: быть обязательным и иметь формальные показатели, является, по мнению некоторых исследователей, факт сочетаемости предлогов со знаменательными словами. Но едва ли этот факт может считаться показателем грамматического значения того или иного предлога, поскольку утверждение это может быть отнесено к любому разряду слов. Расплывчатой является и определение лексических значений предлогов, установление границы между значениями более обобщенными и менее обобщенными. Не является выходом из положения и выделение лишь грамматических значений, поскольку предлог не заменяет собой флексии имени, скорее — дублирует, внося при этом эвентуально и смысловой оттенок. Если бы предлоги выполняли только грамматическую функцию, то не было бы, вероятно, необходимости в столь богатой системе предлогов и можно было бы обходиться без них или пользоваться одной универсальной языковой единицей для обозначения отношения вообще. Ср.: частица *to* перед инфинитивом в английском языке.

Бесспорным является то, что предлоги "похожи" на слова /хотя бы по форме/ и несут к а к о е - т о значение, ибо, как бы мы ни отрицали лексические значения предлогов

мы без труда различаем предлоги, их специфическую наполненность, информативность и не смешиваем один предлог с другим. С другой стороны, как бы мы ни обосновывали наличие лексических значений у предлогов, значения эти все же не будут похожи на те значения, которые мы знаем и выделяем в словах знаменательных как действительно лексические значения, и предлоги в этом смысле останутся "дефектными" словами.

Более верным представляется включение предлогов в разряд морфем /Ж.Вандриес, Е.Курилович, И.И.Мещанинов и др./. Строго говоря, предлог дефектен и как лексема, и как морфема, общность его с лексемами заключается лишь в отдельности написания; всеми же остальными признаками предлог приближается к морфемам, в частности к приставкам¹. Определение предлогов как слов и выделение лексических и грамматических значений у них на том лишь основании, что они обладают значениями более обобщенными и менее обобщенными, представляется неубедительным, ибо подобные значения можно выделить, к примеру, и в приставках.

Приставка является словообразовательной морфемой: внося д е р и в а ц и о н н о е значение, она изменяет смысл производящего слова /основы/, образует новое слово /мы не касаемся здесь вопроса о т.н. пустых приставках/. По сути то же самое можно сказать и о предлоге: предлог, без сомнения, имеет значение, "свое лицо", чем отличается от других, например, предлоги В и НА /на столе, в столе/, У и ИЗ-ЗА /у дома, из-за дома/ и т.д. Но значение это не равно значению знаменательных слов. Предлог участвует в образовании словосочетания, иными словами - функционируя в словосочетании /в данном случае: глагол+предлог+имя/, подобно приставке в деривате. И приставка, и предлог являются значимыми служебными морфемами. В образовании производного слова с помощью приставки и в образовании

¹. В плане функциональном предлоги соотносятся в определенной степени и с флексиями имени, т.е. с морфемами словоизменительными.

предложного словосочетания с помощью предлога есть нечто общее, заключающееся в характере "поведения" приставки и предлога в с в о и х синтагмах /деривате и словосочетании/ и в степени участия их семантики.

Вопрос заключается в терминологическом определении семантики предлога. В качестве рабочего определения можно предложить комбинационное значение как значение "морфемы", участвующей в комбинировании слов в словосочетании и вносящей в него свое значение. Например, в х о д и т ь В д о м : комбинационное значение предлога В - "указание на направление движения внутрь чего-либо". Ср.: в х о д и т ь - словообразовательное значение приставки В- - "указание на направление движения внутрь чего-либо".

Функционирование предлога, семантика, вносимая им, сходны с "поведением" словообразовательной приставки и семантикой, вносимой ею в производящее слово; можно, вероятно, говорить о формально-семантическом и функциональном сходстве их. Различие наблюдается лишь в уровнях, на которых рассматривается та или иная единица: комбинационная семантика предлога - на уровне производного словосочетания, а деривационное значение приставки - на уровне производного слова. Лишь это отличие и делает предлоги дефектными морфемами и мешает выделению в них значений словообразовательных. Это отличие и в то же время сходство мы хотим подчеркнуть, вводя понятие комбинационного значения предлогов, поскольку у них нет ни лексического, ни словообразовательного, ни грамматического значения /но если бы пришлось выбирать из этих трех значений, то ближе к сути явления оказалось бы значение словообразовательное/.

Думается, что все те требования, которые мы предъявляем к анализу семантики приставок /внимание к значению производящего слова, к закономерностям сочетаемости значений приставки и значений основы, к возможному влиянию контекста и т.д./, - все эти требования должны предъявляться и к анализу семантики предлогов. В противном случае не исключены будут примеры "обогащения" значений предлогов, подобно некоторым случаям "обогащения" семантики приставок.

Таким образом, изучение семантики приставок может вестись в плане исследования "поведения" их в производном слове, а также в сопоставлении с семантикой предлогов. Возможность же такого анализа основана на генетической связи и сходстве их семантики: словообразовательной и комбинационной.

А.Г.Липатов

Марийский гос. университет
(Йошкар-Ола)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ОМОНИМИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И ГРАММАТИЧЕСКОЙ

Являясь распространенным языковым явлением, омонимия прослеживается с достаточной четкостью на всех уровнях, начиная с фонетики и кончая синтаксисом (если считать, что омонимия в фонетике - это совпадение в одной архифонеме двух разных фонем, представленных в позиции нейтрализации).

В свое время весьма острые споры вызвали взгляды на омонимию, высказанные в работах Ж. Жильерона¹, Э. Уильямса² и В.И. Абаева.³ Так, по мнению Жильерона, омонимия - это вообще "патология языка, требующая терапии". Столь резкую категоричность своего суждения об омонимах французский лингвист основывал на предположении, что однозвучные слова вступают в конфликт между собой, вследствие чего один из

1. Gillieron J. Patologie et therapeutique verbales. Neuchâtel, 1915.
2. Williams E.R. The Conflict of Homonyms in English. New Haven, 1944.
3. Абаев В.И. О подаче омонимов в словаре. - Вопросы языкознания, 1957, № 3.

омонимов, устаревая, обрекает себя на отмирание. Но теория "конфликта" омонимов продолжает расти во всех языках Европы и Азии. Так, если в древнеанглийском языке омонимы составляли 3% всего словаря, то в современном английском их уже 8-9% (а ведь речь идет только о лексических омонимах).

Ярким свидетельством мнимости "конфликта омонимов" в языке является и тот факт, что в последние десятилетия омонимия распространила свое влияние на пласт сложносокращенных слов: выкристаллизовался качественно новый способ аббревиации - акронимия, суть которой заключается в создании сокращенных единиц, фонетическая структура которых совпадает с фонетической структурой общеупотребительных слов¹. Ср. русск. ЛОТОС 'цветок' и ЛОТОС 'Латвийский отряд труда и отдыха старшекласников'; англ. win 'выигрив, победа' и WIN (из *weapon interception*) 'перехват ракеты'.

В XX веке, когда приобрело большую актуальность изучение языка в синхронном плане, стало общепринятым выделять не только гетерогенные, но и гомогенные омонимы: в 1908 г. Ш.Балли теоретически обосновал наличие в языке наряду с этимологическими омонимами омонимов семантических².

Но мысль о возможности возникновения омонимов на базе распада полисемантических слов намного раньше Ш.Балли еще, в 1879 г., высказал русский лексиколог А.Будилович, обративший внимание исследователей на необходимость "внимательного рассмотрения гомонимических параллелей, т.е. разных значений того же слова, развившихся конечно из одного общего центра или первоисточника (подч. нами.-А.Л.)"³.

1. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. М., 1972, с.75.
2. См. Balli Ch. *Traite stilistique francaise*. Paris-Geneve, 1951, § 50. Ср. определение термина "семантический омоним", данное С.Ульманом.
3. Будилович А. Первоистинные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Киев, 1879, ч. I, вып. 2, с.270.

Сам термин "омоним" чаще всего применяется до сих пор по отношению к лексическим единицам языка — словам, причем под лексическими омонимами традиционно понимаются слова, одинаковые по звучанию, но разные по значению.

Однако подобное толкование омонимии вызывает определенные возражения. "Если омоним — "то же слово", то как определить, что такое слово? — спрашивает А.А.Реформатский. — В этом и состоит главный вопрос и теоретически для лингвистики и практически для лексикографии: что считать тем же словом и что считать разными словами... отождествление различных слов только по звучанию совершенно расходится с объективной языковой онтологией"¹. Поэтому не случайно зарубежные лингвисты, стремясь к более точной дефиниции, при определении омонима пытаются вообще избежать упоминания термина "слово". Так, Ш.Балли называет омонимами "два знака, имеющие тождественные означающие и различные означаемые"², а Л.Блумфильд — "различные языковые формы, которые имеют одну и ту же фонетическую форму (и поэтому различаются только своим значением)"³.

Но такие определения, по существу, снимают различия между омонимией и полисемией и, более того, позволяют под определение омонимии, кроме лексических единиц, случаи омонимии морфем и омонимии сочетаний слов. Так понятие "слово" фактически растворяется в понятии "морфема"⁴.

1. Реформатский А.А. Выступление на дискуссии. — Лексикографический сборник. 1960, вып. 4, с. 90.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. 1955, с. 189.
3. Bloomfield L. Language. — New York, 1933, p. 145.
4. См. например: Гитлиц М. Проблемы омонимов. — Академия наук СССР академику Н.Я.Марру. М.—Л., 1935, с. 200.

Чтобы избежать столь широкого понимания лексической омонимии, было бы, видимо, целесообразным при ее определении указать на важность грамматических возможностей равноименных звуковых комплексов, например на их способность к созданию разных словообразовательных парадигм; ср.: коса₁ (косить, косарь, косьба, косовица, сенокосение) и коса₂ (косичка, косица, косоплетение). Лексическая омонимия — это тип равноименности, звуковой комплекс которой одинаков, но смысловая значимость отлична как в семантическом, так и грамматическом (словообразовательном) плане.

От лексической омонимии принципиально отличается другой вид омонимии, представленный равноименностью не целых звуковых комплексов, а отдельных грамматических форм одного и того же слова, имеющих разные грамматические значения. Это морфологическая омонимия, или оморфы (по терминологии акад. В.В.Виноградова и проф. Л.А.Булаховского); напр.: (я) читал, (ты) читал, (он) читал или двери (в родит., дат. и предл. пад. ед. ч.) и двери (в именит. пад. мн. ч.).

К морфологической омонимии тесно примыкает особый вид единозвучий, т.н. омофоноформия, к которой следует отнести омофоны, омографы и все типы каламбурных фонетических созвучий типа мы ли и мыли, под дождем и подождем и т.п.

Омофоноформия — понятие весьма широкое, она "охватывает все виды единозвучий — и в целых конструкциях, и в сцеплениях слов или его частей, в отрезках речи, в отдельных морфемах, даже смежных сочетаниях"¹. Такое явление лишь внешне схоже с омонимией лексической и морфологической.

Некоторые исследователи (Е.И.Шендельс, А.В.Калинин и др.) склонны именовать морфологическую омонимию омонимией грамматической². Однако такое утверждение нельзя признать правильным, поскольку при этом обобщаются

1. Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях. — Вопросы языкознания, 1963, № 4, с. 4.

2. Шендельс Е.И. О грамматической омонимии (на материале немецкого языка). — Иностранные языки в школе, 1966, № 6, с. 17; Калинин А.В. Лексика русского слова. — М., 1971, с. 40.

два очень разных вида омонимии — омонимии на морфологическом и синтаксическом уровнях.

Лексические и морфологические омонимы более "зримы": в них всегда наличествует определенная последовательность фонем или графем, которой соответствуют два и больше число разных значений, чем достигается противопоставление одной единицы формального плана двум или более единицам плана семантического. Труднее, когда омонимия возникает и выявляется лишь в составе словосочетания или же в предложениях и даже определенном отрезке текста, состоящего из двух и более предложений: слово может допустить связь с предыдущим словом, с одной стороны, и последующим — с другой. Здесь мы имеем дело с омонимией с и н т а к с и ч е с к о й . Так, в предложении "Уста прекрасной ищут речи" (Пушкин, Кавказский пленник) слово "прекрасной" может быть отнесено к речи (уста ищут прекрасной речи) и к устам (уста красавицы ищут речи). Как видим, омонимию бессилён "снять" даже контекст.

Но что такое синтаксическая омонимия — на это среди исследователей нет однозначного ответа. Остановимся на двух, наиболее характерных определениях. А.Н.Гвоздев называет синтаксическими омонимиями предложения, в которых "известное слово предложения допускает связь не с одним определенным словом, а с двумя разными словами или с одним словом и с группой слов"¹, а Н.П.Колесников — "тождественно оформленные графически, но отличающиеся по смыслу предложения при условии, если в них отсутствует другие виды омонимов"².

Разнобой в определении синтаксической омонимии связан в первую очередь с тем, что лексическое, морфологическое и синтаксическое начала омонимии, особенно в условиях

1. Гвоздев А.Н. Об одной проблеме статистики. — Вопросы русского языкознания. Саратов. 1961, с. 234.

2. Колесников Н.П. О синтаксической омонимии в русском языке. — Русский язык в школе, 1960 № 3, с. 20.

нереализованной возможности, когда отдельно взятое слово потенциально способно входить в различные синтаксические м.кросистемы (словосочетания), нелегко разграничиваемы. Если слово входит в "открытую" синтаксическую систему свободных словосочетаний и контекст устраняет омонимию, перед нами омонимия или лексическая, или морфологическая. Но если то же слово попадает в "закрытую" синтаксическую микросистему и конкретное разрешение омонимии зависит уже не от контекста, а от определенной сочетаемости словоформ (причем эта сочетаемость оказывается неоднозначной), то перед нами омонимия синтаксическая.

В "закрытых" микросистемах может происходить совмещение лексического, морфологического и синтаксического начал, что ведет к коренным изменениям значений определенных слов. При этом семантика, морфология и синтаксис вступают в сложные взаимоотношения, в результате чего синтаксис "берет на проверку" конструктивные возможности слова, его семантику, отводя контексту лишь подчинительные функции. Например, разные падежные формы или многозначность одной словоформы создают омонимию синтаксическую. Комический эффект фразы "Бвиду ремонта дома срочно продается коза с мотором "Ветерок"" ("Крокодил", 1975, № 32) основан как раз на двухзначности падежной формы, когда коза с мотором можно воспринимать как 'коза и мотор' и как 'коза, имеющая мотор'. Или другой пример: "Из быта самогон гони!" - плакат в сельмаге был прибит. - "Что ж, продавец, ты заверни продукт мне этот самый...быт!" (С.Турин. Сила рекламы. - "Чаян", 1973, № 3). Сатирический эффект подчеркнутой фразы основан не только на омонимии многозначной падежной формы из быта (откуда? из чего?), но этому способствует также и многозначность глагола гнать (прогонять, т.е. 'принуждать удалиться' и перегонять, т.е. 'добывать посредством перегонки'); в результате этого в одной синтаксической микросистеме "столкнулись" все три типа омонимии.

Следовательно, можно говорить о существовании в пределах "замкнутых" синтаксических микросистем прямой зави-

симости грамматической природы слова от его конструктивных возможностей, о примате в этих конструкциях синтаксиса над семантикой.

Синтаксической омонимии в чистом виде (такой, какую представляется она, например, Н.П. Колесникову) в языке не существует. Часто она выступает под лексической и морфологической оболочкой, выполняя при этом синтаксические функции. Поэтому правильнее будет определить синтаксическую омонимию как тождество предложений или синтаксических микросистем с различным содержанием, что достигается не только синтаксическими, но и морфолого-лексическими средствами, если те ведут к изменению синтаксических функций тождественных предложений или синтаксических микросистем.

Б.П. Рейдзане

Ин-т яз. и лит. АН ЛССР
(Рига)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СУФФИКСОВ -ej- и -ig- В "СЛОВАРЕ ЛАТВИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА"

1. Суффиксы -ej- и -ig- широко представлены в деривационной системе имен прилагательных латвийского языка, создавая две группы словообразовательного моделирования, каждую со своим диапазоном употребления в языковом материале.

2. В сфере функционирования суффиксов имеется такой отрезок языковой действительности, где граница между значениями суффиксов теряется и данные единицы функционально синонимичны. Это группа прилагательных, образованных с помощью суффиксов -ej- и -ig-, в которой мотивирующими основами выступают наречия места, времени, степени и образа действия, а также падежные формы существительных, функционирующих в значении данных наречий, и сложные слова и словосочетания со значением обстоятельств места, вре-

мени и образа действия, например: ārējs / ārīgs (ārā), abruvējs / abruvēigs (abus, abās ruvēs). Проследим, как это явление отражено в Словаре современного латышского языка. В первых трех томах словаря насчитывается 21 пара имен прилагательных с данными суффиксами.

3. При анализе мотивирующих основ с точки зрения части речи, установлено, что с помощью суффикса -ējs - образуются имена прилагательные от наречий места, времени, образа действия и степени, от падежных форм существительных, функционирующих в значении данных наречий, и от сложных слов и словосочетаний со значением обстоятельств места, времени и образа действия, например: iekšējs (iekšā), citreizējs (citreiz, citā reizē); в то время как с помощью суффикса -īgs - образуются имена прилагательные 1) от существительных: silvēsīgs (silvēks), draudzīgs (draugs), acīgs (acs), 2) от имен прилагательных: bagātīgs (bagāts), 3) от глаголов: devīgs (dot), gādīgs (gādāt), 4) от наречий, тех же, которые выступают мотивирующими основами при -ējs -¹. Здесь граничит с суффиксом -ējs-. Следовательно, суффикс -īgs- сочетается с различными частями речи, среди которых наречия - весьма незначительная группа, в то время как суффикс -ējs- мотивирующей основой выбирает именно наречия.

3. Проследим, как это явление отражено в лексикографии начала века и конца прошлого века. В Словаре латышского языка К.Миленбаха и Я.Эндзелина засвидетельствовано II пар², например: abruvējs/abruvēigs, iekšējs/iekšēigs. С пометой * "новообразование" даются пары ārkārtējs/ārkārtīgs.

1. Mūdienu latviešu literārās valodas gramatika.-R., 1959, 240.-249. lpp., 272.-286.lpp.
2. K.Milenbahs. Latviešu valodas vārdnīca.-R, I-IV, 1923.-1932. J.Endzelins un F.Hauzenberga. Papildinājumi un labojumi K.Milenbaha Latviešu valodas vārdnīcai.-R, I-II, 1934.-1946.

daudzgādējs^ж/daudzgādīgs^ж, ilggādējs^ж/ilggādīgs^ж, и в паре galējs/galīgs. неологизмом признан galīgs^ж. Только форма с -ēj- представлена в парах atraudējs/-īgs, četrcārtējs/-īgs, daudzkārtējs/-īgs. Только форма с -īg- представлена в парах daudzpusīgs^ж/--ējs и divpusīgs^ж/--ējs. Вообще нет пар astonkārtējs/-īgs, desmitgādējs/-īgs, desmitkārtējs/-īgs, deviņkārtējs/-īgs, что свидетельствует о том, что наречия степени в роли мотивирующих слов при образовании имен прилагательных - явление недавнее. Д. Земзаре, изучив лексику латышских словарей, вышедших до 1900 года, делает вывод, что в связи с бурным развитием национальной научной терминологии в конце прошлого столетия, суффикс прилагательных -īg- расширяет свои функции - присоединяясь к существительным с терминологическими, абстрактными значениями, образует новую обширную группу прилагательных, характеризующих признак абстрактного существительного¹. Наглядно это иллюстрирует обзор лексики словаря К. Валдемара (1872 г.), сделанный Д. Земзаре: только с буквы "а" начинается 29 новообразованных прилагательных с суффиксом -īg-².

Думается, что именно в период такого активного расширения сферы функционирования, суффикс -īg- стал проникать во владения суффикса -ēj-, т.е. стал присоединяться и к наречиям. Появились параллельные образования.

4. Представляет интерес такой факт, что в Грамматике латышского языка Я. Эндзелена деривационные пары -ēj- /-īg- не упоминаются, хотя Я. Эндзелин указал на соприкосновение суффиксов в одном сегменте словообразовательной системы, а именно - на соприкосновение суффиксов -īg^ж- и -ain-. Отсюда можно сделать вывод, что это явление в начале века не было актуальным. Но в ходе развития языка эти пары стали занимать значительное место в системе языка.

1. D. Zemzare. Iatviešu vārdnīcas. R., 1961., 225.-252.lpp.
2. D. Zemzare... 513.-514.lpp.

5. В грамматике современного латышского литературного языка имеется попытка определить значения данных суффиксов на этом сегменте языка: прилагательные с суффиксом -īgs отличаются более абстрактным характером, в то время как значения имен прилагательных с суффиксом -ājs - более конкретны¹. Как эта норма реализуется в Словаре латышского литературного языка? Анализ семантики, раскрытой в словарных статьях исследуемых деривационных пар, дает возможность выделить четыре ступени семантической дифференциации пар в рамках нормы языка: I тип. Семантическая дифференциация соответствует языковой норме, например: daudzpusējs "Tāds, kas attiecas uz daudzām daļībniekiem; tāds, kurā piedalās, kurā iesaistīti daudzi daļībnieki". Daudzpusīgs "Tāds, kas aptver daudzas nozares, daudzus viedokļus, plašs, bagātīgs". II тип. Значения суффиксов идентичны, например: abpusējs "Tāds, kas kopējs kā vienai tā otrai pusēi; savstarpējs; tāds, kas atrodas abās pusēs". abpusīgs "Abpusējs". III тип. Семантическая дифференциация частично соответствует норме, например: divpusējs 1. "Tāds, ko veido divas (lietojamas, izmantojamas) daļas, pusēs; tāds, kas atrodas, noris abās pusēs. 2. Tāds, kas attiecas uz diviem daļībniekiem; tāds, kurā piedalās, kurā iesaistīti divi daļībnieki". Divpusīgs 2. "Tāds, kas aptver divus dažādus aspektus". IV тип. Семантическое разграничение суффиксов состоялось, но тоже имеет конкретное значение, например: agrējs "Agrīns, agrs". agrīgs "Tāds, kas agri uzcelies vai mēdz agri celties"².

Проследим значения пар, представленных в Словаре латышского языка К.Мюленбаха. В отдельных словарных статьях даны 6 пар, т.е. признаны равноправными словами. Значения разграничены в парах: četrgadējs/četrgadīgs, galējs/galīgs, частично разграничены в парах: ārējs/ārīgs, iekšējs/iekšīgs, agrējs/agrīgs; не разграничены в парах: abpusējs/abpusīgs, где abpusīgs объяснен синонимом abpusējs. В од-

1. Mūsdienā... 286. lpp.

2. Latviešu literārās valodas vārdnīca, I-III, R., 1972-1975.g.

ной словарной статье как формальные варианты одного слова приводятся пары: *ārkārtējs/ārkārtīgs*^ж, *daudzgadējs/daudzgadīgs*^ж, *divgadējs/divgadīgs*, *divkārtējs/divkārtīgs*, *ilggadējs/ilggadīgs*^ж: форма с *-īg-* везде дана на втором месте как подчиненная форма.

7. Из выше сказанного следует, что в конце прошлого века суффикс *-īg-*, который стремительно активизировался в языке, особенно в сфере научной терминологии, стал проникать и в группу слов, имеющих деривационные отношения с суффиксом *-ēj-*, т.е. суффикс *-īg-* стал присоединяться к наречиям и словоформам, сложным словам, словосочетаниям, функционирующим в качестве наречий. В связи с этим, в этом сегменте языка появились синонимы словообразования, процесс разграничения значений которых еще продолжается, при этом в разных направлениях. Семантические границы этих пар весьма зыбкие.

В ходе дальнейшей работы над Словарем современного латышского языка появится новый материал и по поводу этого сложного языкового явления - деривационных пар с суффиксами *-ēj-*, *-īg-*, что будет способствовать дальнейшим исследованиям в сфере смежного функционирования обоих суффиксов.

М.Хинт

Таллинский пединститут им.

Э.Вильде

РЕСТРУКТУРИРОВАНИЕ И ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Семантика является самой подвижной подсистемой языка. Перенос значений, метафорическое употребление слов - это не отклонение, а норма в языке.

Иначе обстоит дело с грамматическим значением. Употребление или интерпретация грамматической структуры и грамматического значения в переносном смысле не является нормой в языке. Но тем не менее как грамматическое значение, так и грамматическая структура слов и словоформ изме-

няются и переосмыслиются.

Интересно указать при этом на некоторые параллели между изменением и толкованием формы и значения лексических единиц и грамматических морфем (формативов).

Процессы, связанные с реинтерпретацией значения, можно систематизировать следующим образом:

	Лексическая реинтерпретация	Грамматическая реинтерпретация
Фонетическая форма без существенного изменения	народная этимология, ложная этимология	перестановка грамматической формы в другую парадигму и переосмысление ее функции
		реинтерпретирование с анализом суффиксов и префиксов
Фонетическая форма изменяется	деэтимологизация сложных слов и словосочетаний	возникновение флективных процессов, слияние лексического и грамматического значения в флективных чередованиях

В области лексических единиц фонетическая форма может не изменяться, но если ее начинают интерпретировать как имеющую внутреннюю форму сложного слова, то это явление называется народной, или ложной этимологией. Хотя эти названия и содержат некоторый оттенок недооценки, но сами по себе явления имеют вполне respectable соответствия в области грамматической реинтерпретации.

Например:

народная этимология	грамматическая реинтерпретация
замена литературного <i>categoryline</i> 'категорический' в кжновостонском <i>kahe + koogiline</i> 'двухжорный' (народная этимология и гиперкоррект-	нем. <i>die Aula</i> вст. <i>aula au+la</i> т.е. 'честь+локативный словообразовательный суффикс - : самое почетное помещение; голл.

ность, так как *kate* - диалек-
 тическая форма от числительного
 2, а *kahe* - литературная фор-
 ма)

Zondek --- рус. зонтик=
 зонт+ик с уменьшительным
 суффиксом; *Bikini* 11
bi + kini 'купальник из
 двух частей', *mōnokini*
 'купальник из одной час-
 ти' (пример по Ангила)

Случаи грамматической реинтерпретации нормативное язы-
 ковое строительство свободно может признать закономерными,
 так как они не представляют никакой опасности для чистоты
 языка, а этимологически неправильный анализ не затрудняет
 функционирования языка. Уже Бодуэн де Куртене воздвиг прин-
 цип переразложения основ и корней в пользу грамматических
 суффиксов.

Не следует слишком строго относиться и к перестановке
 одной грамматической формы в другое место в грамматичес-
 кой системе языка. История каждого языка знает много таких
 случаев. Если этого факта не признать, то это приведет к
 нелогическим и несистемным анализам. В качестве примера
 можно привести анализ парадигмы настоящего времени в эс-
 тонских школьных грамматиках:

	ma eia - b - n	'жить'
Ед.	sa eia - b - d	
число	ta eia - b - b	
<hr/>		
	me eia - b - me - b	
Мн.	te eia - b - te - b	
число	nad eia - va - b - d	

В первом и втором лицах анализируют отсутствие суф-
 фикса настоящего времени и присутствие окончаний лиц, а в
 третьем лице наоборот на том основании, что в исторической
 морфологии эта форма происходит от причастия настоящего
 времени (ср. *eia* 'живой'). Анализ осложняется еще бо-
 лее тем, что в множественном числе интерпретируют оконча-
 ние *-vad* как последовательность суффиксов настоящего
 времени и множественного числа.

Такой анализ в сущности трактует формы 3-го лица как

именные, хотя отглагольными существительными они были тысячи лет назад, т.е. до того, как они переосмыслились как глагольные формы.

Это только один пример из области перемещения синхронического и диахронического анализа, который не принимает во внимание реструктурирование и переосмысление старейших грамматических форм в новых функциях.

Сравнительно часто во всех языках встречается дестимологизация — исчезновение структурной мотивации в сложных словах и словосочетаниях.

Примерами могут служить русские неделя от не делати, защита от за щита, эстонские veski 'мельница' от vesi 'вода' + kivi 'камень, жёрнов', peats 'изголовье' от pea 'голова' + ots 'конец', южнэстонские pere 'хозяйка' от pere 'семья' + naine 'женщина' и т.д. Во всех таких случаях изменяется первоначальная внутренняя структура словосочетания.

Самой интересной и самой спорной областью пересложения взаимосвязей лексического и грамматического значения являются, пожалуй, флективные процессы, в которых первоначальная прозрачная агглютинативная (и тем самым мотивированная) структура теряется в последовательности фонетических изменений, так что лексическое и грамматическое значения выражаются одной словоформой, которая не поддается агглютинативному анализу.

Примерами таких процессов могут служить германский сингармонизм и прибалтийско-финское чередование ступеней. В первом случае фонетически обусловленное правило сингармонизма влияет на гласный первого слога, если при образовании грамматических форм во втором слоге к корню прибавляется ⁱ. Отпадение безударного гласного во втором слоге оставляет это чередование без фонетического мотивирования:

^xhelp + ith hilpth

(ср. нем. helfen : hilfst, hilft, hilf!

sehen : siehst, sieht, sieh!

geben : gibst, gibt, gib!

treten : trittst, tritt, tritt! и т.д.).

Прибалтийско-финское чередование ступеней проходило следующие этапы:

	Номинатив	Генитив
1.	*jalka 'нога'	*jalka + n jalkan
	(агглютинация);	
2.	*jalka	jalkan - jalyan
	(спирантизация смычных, если второй слог словоформы был закрытым);	
3.	*jalka	jalyan jalan
	(исчезновение спиранта; тем самым чередование стало фонологическим; этот этап характеризует современный финский язык);	
4.	jalg (апокопа гласного)	jala
	(исчезновение n в конце слова в безударном слогe; этот этап характеризует современный эстонский язык).	

Такие изменения оставляют чередование корня без фонетической мотивации. Чередование, вариация в корне приобретает морфологическую и лексическую мотивацию, т.е. дефинируется лексически (чередование есть характерное свойство конкретных слов) и морфологически (по морфологическим формам). Точно так же обстоит дело и с сингармонизмом в германских языках.

Примеров такого рода можно привести много: немотивированность чередования в ливском языке *tama* (номинатив): *tam* (генетив): *tomõ* (ном. мн.ч.) 'дуб' опять-таки связана с отпадением безударного гласного.

В связи с этим можно бесконечно спорить о том, как целесообразнее строить грамматику флективных парадигм. Решение зависит от методики описания. Так, например, в генеративной морфологии можно повторить исторические процессы и не поставить вопроса об анализе конкретных флективных словоформ. Многие теоретики предпочитали считать флексию корня только добавочным процессом, сопутствующим формообразованию, но не выражающим грамматического значения (A. Juillard, J. Macris, W.U. Wurzel, U. Viki).

Не принимается во внимание параллелизм между слиянием двух лексических значений при деэтимологизации сложных

слов и слиянием лексического и грамматического значений при возникновении форм с внутренней флексией.

Такие интерпретации могут иметь практическое значение, но они не адекватны. Внутренняя флексия в таком толковании остается без всякого морфологического смысла, а идентификация грамматических форм по различным корням не находит объяснения. Внутренняя флексия без добавления грамматических формативов выражает грамматическое значение, а словоформы, полученные флективными процессами, передают как лексическое, так и грамматическое значение. В связи с этим внутреннюю флексию с добавлением грамматических формативов можно рассматривать как дополнительное средство выражения грамматического значения.

A. Blinkena

Ин-т яз. и лит. АН ЛССР
(Рига)

ADJEKTĪVU SEMANTIKAS PĒRMAIŅAS LATVIEŠU RAKSTU VALODĀ

Kā saka slovāku valodnieks J. Goreckis, "Valodiskā komunikācija ir iespējama tikai tad, kad runātājs un klausītājs vienādi saista zīmes ar nozīmēm".¹

Mums jāpazīst savas valodas ziņu nozīmes - gan tās, kas ir aktīvas patlaban - mūsdienu latviešu literārās valodas pašreizējā posmā, gan tās, kādas bijušas senāk.

Nav iespējams pilnvertīgi izlasīt vecākus latviešu valodas tekstus, ja nepazīstam tai laikā lietotos vārdus un nozīmes. Daļa vārdu ir īpatnējas, no mūsdienu valodas pilnīgi zudušas leksēmas (retumis tās var būt saglabājušās dialektos), un tās parasti meklējam vārdnīcās, lai uzziņātu to jēgu.

Te var nosaukt tādus jo bieži minētus piemērus kā

1. Вопросы языкознания, 1977, № 2, с. 59.

īkstis 'nieres', atpilis 'rudens jērs', atķīls 'čakls', sausa 'svētība', naigls 'tīrs, jauks', iverīgs 'nikns', dāpi 'nodevas' u.tml.

Taču ļoti daudzi vārdi to gadsimtu gaitā, kopš pastāv mūsu rakstu valoda, ir saglabājuši vienu un to pašu ārējo veidolu, bet ir būtiski mainījušās to nozīmes. Pavisām lasītājs tekstū sapratīs nepareizi un varbūt šīm nozīmēm nepievērsīs pat uzmanību, bet uzmanīga šo vārdu analīze un izpratne var sniegt interesantas ziņas par mūsu valodas attīstības procesiem. Te minami tādi vārdi kā arods 'apcirknis', grāmata 'vēstule', daikti 'kukaiņi', pants 'loceklis', nopelns 'peļņa', liecība 'uzlikts pienākums, klausas', rūpīgs 'norūpējies', ticīgs 'pārliecināts' u.c. Īpaši svarīgi zināt sava laika terminoloģisko un frazeoloģisko savienojumu nozīmes, kas salīdzinājumā ar mūsdienu nozīmēm var šķist pat kuriozas. Piemēram, vārdkopa pilnīgs vecums savā laikā nozīmēja 'pilngadība'.

Vēl 1893. g. E. Dinsbergs izteicienu "gāja pie sirds" lieto ar nozīmi 'ķērās pie sirds', t.i., 'uztvēra sāpīgi' (Viņi sarunās aizķēra manu degunu, un tas man ļoti gāja pie sirds. Skaistākais degons). Mūsdienās turpretim frazeoloģismam iet pie sirds ir pilnīgi pretēja nozīme, proti, - 'patikt, iepriecināt sirdi'. G. Bražes lietotais termins apsitami augļi būs nesaprotams mūsdienu lasītājam, ja viņš nezinās, ka te domāts termins rušināmaugi, ka vārdkopa rūtaina bilde izsaka terminu tabula.

Vārdu nozīmes var mainīties pamazām, atsevišķiem lietotājiem dažādu iemeslu dēļ sākot lietot vārdu ar nepareizu nozīmi individuāli, bet iespējams arī krasas kodificētas nozīmju vai to nianšu maiņas, piemēram, terminoloģiskos darinājumos (sakne, celms valodniecībā).

Tā kā vārdu nozīmes ir dinamiska parādība, leksikas semantiskie raksturojumi pastāvīgi jāpilnigo¹. Jo vairāk

1. Виноградов В.С. Рец. на кн. Н.З.Котелова Значение слова и его сочетаемость. - Вопросы языкознания, № 2, с.144.

nozīmīgi ir aplūkot leksikas semantiskās pārmaiņas iespējami plašākā valodas attīstības posmā, lai varētu saskatīt kādas kopīgas iezīmes un tendences semantiskajās pārmaiņās, līdz ar to mēģinot arī izprast šo pārmaiņu cēloņus.

Pievēršoties tieši a d e j k t i v u semantikas resp. nozīmju pārmaiņām latviešu valodā, jānoskaidro, kas mainījies un kādā virzienā mainījies šai jomā un, cik iespējams, jācenšas arī izprast, kāpēc šādas pārmaiņas notikušas.

Šeit fiksētas dažādas nozīmju pārmaiņas, kas vērojamas dažos primārajos vai ar konsonantiskajiem sufiksiem atvasinātajos adjektīvos. Lielākoties šie vārdi ir latviskas cilmes vārdi, un savas pamatnozīmes saglabājuši visā rakstu valodas posmā. Īpaši tas sakāms par tādiem visbiežāk lietotajiem vārdiem kā labs, liels, mazs, gudrs, augsts, zems, plāns u.c., kam pamatnozīmes saglabājušās nemainīgas, kaut arī dažkārt nedaudz mainījušās nozīmju nianšes, it īpaši pārņesto nozīmju lietojumā.

Taču daži pirmatnējie vai ar konsonantisko piedēkli atvasinātie adjektīvi agrākos valodas posmos lietoti arī citādā nozīmē nekā patlaban. Visai raksturīga iezīme ir tā, ka samērā ilgi netiek šķirtas primāro adjektīvu un ar piedēkli -i- atvasināto adjektīvu (resp. adverbu) nozīmes - (biezs-biežs, plats - plašs, cietš - ciešs, dobs - dobjš u.tml.)... no tiem kugiem, kas ..biezi pār jūru gāje(1842); .. bieža sarkane smiņķe..(1882); .. grib cietaku viešību panākt.. (1863); Vāczeme ir liela plata zeme.. (1862); Ka gir tōvplātas Ausis / kad tu dzirdi.. (1654); ..garas un plašas bikses kājās.. (1842); .. ar plašām acim un ar prātu jaskatās. (1796).

Vairākos gadījumos pirmatnējie resp. ar konsonantisko piedēkli atvasinātie adjektīvi lietoti no mūsdienu lietojuma atšķirīgās pamatnozīmēs. Te jārunā ne vien par adjektīvu iekšējo, bet arī par kontekstuālo semantiku - valodā mēdz tradicionāli nostiprināties noteikti vārdu semantiskā saistījuma modeļi, un atkāpes no tiem arvien tiek uzvertas kā veidojumi ar īpašu stilistisku vai ekspresīvu nolūku vai arī kā noteikta valodas vēsturiska posma pa-

rādība, kas no mūsdienu viedokļa uzskatāma kā arhaiska.

Daži piemēri.

ciets:

Adjektīva ciets ir nozīmēm bagāts arī pašreizējā literārās valodas posmā - "Latviešu literārās valodas vārdnīca" tam fiksējusi 10 nozīmes, - taču agrākajos tekstos sastopamas vēl dažas citas nozīmes, piem., 1) nozīme 's t i p r s, n o c i e t i n ā t s': (Rīge airraid ciets pilsēta ar divkārtīgiem mūriem un vaļņiem apkārt un ar cietu mūru-pilī pie Daugavas.. (1796), 2) 'K r i e t n s, p a m a - t i g s': ..Tam visam būs cieta darbam no tīra zelta būt.. (1739), arī 'n e a t l a i d i g s': caur tādu savu cietu strādāšanu, bij mana tēvs sev to palamu Kurme piemantojis. (1773), 3) 'b a r g s, s t i n g r s': ..tie vēl sendieņās tik cietu strāpi ne dabūja, kādu isti būtu pelnījuši (1844), 4) vārdu ciets lieto arī vārdkopā cieta naudā ko tagad izsakām ar vārdiem skaidrā naudā, tīrā naudā: Un es viņam sauļā ieskaitīju visu, visu cieta naudā. (1862); 5) ME un Ulmaņa vārdnīca vēl uzrāda nozīmi 'tuvs': cieti radi - 'nahe Veruandte', kā arī 6) nozīmi 'skops, taupīgs': tas tik ir ciets dzīvotājs ME I, 396. Te pieskaitāma arī jau tikko minētā dialektālā nozīme 'ciešs': turētis cieti kopā; panākt cietaku vienību.

dum(j)š, dums:

Adjektīvam dumjā "Latviešu literārās valodas vārdnīca" min tikai vienu nozīmi - 'nēsaprātīgs, neapķērīgs, muļķīgs'. (I,411). ME I, 514 minēti 2 atšķirīgi adjektīvi ar dažādu cilmi un nozīmēm. Adjektīvu dumjā ar šo LLV minēto nozīmi ME saista ar vlv dum, vācu dumm, un šai ziņā vārds un tā nozīme nav mainījusies, kaut gan vecākajos tekstos tā sastopama visai reti: Šādi pagasti caur saviem nabagiem ņem meslus no citiem pagastiem, kas tik dumji ir, šiem meslus dot. (1862). Parasti šai nozīmē lieto adjektīvus nesaprātīgs, nēprotīgs. Toties vecākā posma rakstu valodā bieži tiek lietots vārds dumjā (var. dums, dumjs, dumš, dumjā, tum(s)s) ar pilnīgi citu cilmi un nozīmi - pamatā ar sakni dum- (sal. dūmi, sadumt) un nozīmēm 'tumšs, neskaidrs, duļķains, blāvs, tumšbrūns'.

Vārdu dumjš min Mancelis: pa=dzāltāni/padumji Matti ar noz. 'fahle Haare' (1638), to min arī J. Langijs (1685) - gan ar nozīmi 'neskaidrs, duļķains' dumš ūdens, dūna misa; ar nozīmi 'brūns' vai 'tumšas krāsas' (dunkelfarbig)vārds dumš minēts J. Langes vārdnīcā (1777); ar nozīmi 'tumšs' (dunkel) to min Adolfijs savā gramatikā (1685). Ar Valde-māra vārdnīcu sākot, vārds dumjš tiek registrēts tikai ar nozīmi - 'nēsaprātīgs, muļķīgs' (глупый).

grezns:

Adjektīvs grezns, kam Llvv norādīta tikai viena pamatnozīme 'loti krāšņs, arī bagātīgs', vecākajos tekstos sastopams ar citu nozīmi, proti - 'augstprātīgs, uzpūtīgs': Tev ne būs Prātā greznam būt / Kad Dievs tev Mantu devis irr.. (1685), Pirms izdeldēšanas nāk, tad top ta Cilveka sirds grezns, bet priekš tās godības iet pazemošana (1739); Kam grezna dvēsele ir, tas ceļ ķildu.. (1689); Tas bēdīgīgs savas greznas bārdzības pēc par ne vienu ne bēda.. (1739). Tā šo vārdu skaidro arī Langija vārdnīca: Lepnis (Grāznis) 'stolz, hoffartig, hochmütig, aufgeblasen, prächtig' (1685). Domājams, ka arī te ir jārūnā par zināmu homonīmiju, kas atvedināma uz 2 dažādām cilmēm: grezns ar nozīmi 'krāšņs, lielisks, bagātīgs' ir saistāms ar liet. grāžus 'skaists', kā arī slovēņu grozen 'stalts, skaists' kā to norāda ME I 651, bet grezns ar nozīmi 'augstprātīgs, uzpūtīgs', saistāms ar grezot, ko ME atvedina uz liet. gresti, grašyti 'apdraudēt' ar slāvu groza 'draudi', groziti 'draudēt'. Jau 19. gs. tekstos konstatēta tikai mūsdienu pazīstamā nozīme: ..jums ir nolemts caur grezru tikumu, caur diženiem darbiem izcelties pāri par daudz simtiem.. ne viss, kas smuks, ir grezns.. (1871).

jēls:

Adjektīvam jēls bez mūsdienu latviešu literārajā valodā pazīstamajām nozīmēm, piem., ..sarrghajies / ja Maize jāla pallīks (1638), agrākajos rakstu valodas posmos bijušas vēl dažas citas nozīmes, kas tagad zudušas. Tā, 1767. g. izdotajā "Latviešu Ārstē" šis adjektīvs sastopams ar nozīmi 'mitrs', kā arī 'nestabils, mainīgs', piem., ..

.. dzestri un jēli vēji ar pūtām usšaujās.. Pavasarā un rudeni ir tas laiks jēls, ne stāv vienāzi.. Arī ME II, 113: jēls laiks 'nasskaltes Wetter'. Vārds jēls sastopams arī ar nozīmi 'maigs', 'nenobriedis', piem., Latviešu tautas gars tagad stāv pašā pirmā gara cilašanas laikā, un ir tik vairīgs, tik mīksts un jēls (zart), kā pie maza bērna (1861). Kāds esi jēls! Tu jaukais Dēls! (1785). Šī pati nozīme laikam arī Stendera dziesmā 'Tu brīnūm' liela mīlība, Tu to, ko debes godina, Iekš kapa grūdis jēlu. (1792).

Nozīme 'nenobriedis, nepieaudzis' ir vistuvākā slāvu vārda jal(ovъ, ЯЛОВЯ nozīmei, ar kuru vārdu jēls etimoloģiski saista ME.

Pat nedaudzie piemēri rāda, ka laika gaitā šo pirmatnējo vai ar konsonantiskajiem piedekļiem atvasināto vārdu nozīmes ir visai mainījušās. Bez tam ir vesela virkne šādu adjektīvu, kas izzuduši no mūsdienu literārās valodas kā leksēmas, piem., biks (bailīgs, bikls), blāksens 'lēzens' (lēzens trauks), glēvs (glēvi apiņi), gurls, jukls, klāts 'tuvs' (klātākas ziņas), lots, naigls, 'tīrs, jauks', auits, tikrs, stalgs, trusls u.d.c. Šo leksēmu vietā stājušās citas - vai nu to semantisko funkciju pārņēmuši citi primāri adjektīvi, vai arī - un galvenokārt - īpaši atvasinājumi.

Daļēji tas skaidrojams ar to, ka, diferencējot adjektīvu nozīmes ar dažādiem sufiksiem, varēja panākt lielāku izteiksmes precizitāti un dažādību¹. Kā norāda A. Kononovs, "Vārda nozīmi nevar saprast, zinot tikai tā morfoloģisko uzbūvi"². Nepieciešams zināt arī šā vārda sintagmātisko valenci³, t.i., spēju saistīties resp. pie-

1. Sk. Blinkena A. Viena iezīme adjektīvu formu un nozīmju attīstībā. - Grām.: Veltījums akadēmiķim Jānim Endzelīnam. R., 1972, 373. - 388. lpp.

2. Кононов А.Н. Этапы формирования турецкого письменного литературного языка. - Вопросы языкознания, 1977, №4, с. 34.

3. Sk.: Общее языкознание, I, 134.lpp.

saistīt citus vārdus, zinot šā vārda vēsturi un tradīcijas, kā arī aktuālos lietojuma veidus. Pēdējā laikā arī vien biežāk runā par valodas zīmju (arī nozīmju) virtuālajām un aktuālajām nozīmēm¹, t.i., par valodas vienību saistīgu, no funkcionālā un strukturālā viedokļa automatizētu lietojumu, un par īpatnēji, tieši konkrētām vajadzībām īpaši piemērotu lietojumu. Jo funkcionāli bagātāka un vairāk attīstīta ir valoda, jo stingrāk tajā ir nostābilitāte virtuālās vārdu nozīmes un jo vairāk tajā var parādīties arī īpatnēji aktualizējumi, lai izteiksmi padarītu bagātāku un elastīgāku.

Un grūti te atrast noteiktus cēloņus, kāpēc notikusi šāda nozīmju maiņa. Var pievienoties E. Koseriu domām, kad viņš saka: "Dabas parādībās, neapšaubāmi, jāmeklē ārējā nepieciešamība jeb cēlonība; kultūras parādībās, turpretim, jāmeklē iekšējā nepieciešamība jeb mērķtiecība"². Un: "... valodas pirmajām ir tikai viens patiesais cēlonis - runātāju valodas brīvība - un viens universiāls pamatojums - ekspresīvā (vai komunikatīvā) mērķtiecība"³.

Šāda mērķtiecība dažos gadījumos šķiet diezgan skaidra, piemēram, adjektīva dumjš nozīmes 'tumšs, brūns, neskaids' zušana varētu būt notikusi nevēlamas homonīmijas novēršanai ar nozīmi 'mulķīgs, nemākulīgs', nevēlama šķitusi glēvs un glēva fonētiskā tuvība; adjektīvu plats un plašs, ciets un ciešs nozīmju šķiršana notikusi nozīmju precizēšanas labad; adjektīvam jēls, kas pamatā ir ar negatīvu nozīmi, centās nelietot nozīmi 'maigs, vārs', kas bija pilnīgi pretēja. Tomēr daudzos citos gadījumos nozīmes maiņa var būt noteikuši arī gluži subjektīvi faktori, kā runātāju gaume, individuālās asociācijas, dažreiz pat istā vārda nezināšana u. tml., kas varēja tālāk izplatīties un nejausības kļūt par paradumu.

1. Там же, I, 129.

2. Косериу Э. Синхрония, диахрония, история. - В кн.: Новое в лингвистике, III, 276.

3. Там же, 285.

УІ. СИНТАКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА
SINTAKTISKĀ SEMANTIKA

Л.И.Василевская
Ин-т русского яз.АН СССР
(Москва)

О РАЗНОВИДНОСТЯХ СИНТАКСИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА

Синтаксический субъект - явление многоплановое, предполагающее анализ логико-синтаксической, структурной, функциональной, коммуникативной и других сторон предложения. Учитывая сложность этих отношений, можно полагать, что статус полноценного синтаксического субъекта в русском языке имеют возможность получать словоформы не только именительного падежа, но и ряда косвенных падежей. Установление субъекта по чисто формальному признаку (выражение его именительным падежом) особенно значимо в предложениях с неодушевленными субъектами, в которых данный критерий часто используется в качестве единственного при определении субъектной позиции. Вместе с тем для целого ряда групп предложений в русском языке семантически и конструктивно обусловлено функционирование неименительного падежа в субъектной позиции. Использование косвенных падежей в сходном с именительным падежом синтаксическом значении позволяет в данном случае признать, что обе эти группы форм могут участвовать в формировании субъектного центра предложения I.

В связи со сказанным в данной работе будут привлекаться к анализу как предложения с именительным падежом субъекта, так и конструкции с различными косвеннопадежными формами в функции субъекта. В работе рассматриваются также предложения с невербализованным субъектом.

Выделение и квалификация субъектной позиции в предложении происходит в значительной степени на денотативной

I. Золотова Г.А. Категория лица в синтаксическом аспекте. -
В кн.: Исследование по славянской филологии. М., 1974,
с. 110 - 113

основе. Эта особенность субъекта предложения наиболее отчетливо сформулирована Н.Д.Арутюновой: "В предложении, таким образом, денотат и сигнификат, т.е. функция называния и обозначения, образующие семантическую структуру неактуализованного имени нарицательного, "разведены" по разным составам: субъект в общем случае получает денотативное значение, предикат реализует свое сигнификативное содержание" ¹.

В связи с таким пониманием особенностей субъектной позиции предложения можно наметить некоторую классификацию разновидностей синтаксического субъекта.

В самостоятельный подкласс попадают имена собственные лиц, различные географические названия, клички животных и т.п., которые, как известно, наиболее последовательно проявляют свою идентифицирующую функцию в предложении. Однако в позиции подлежащего утвердительного предложения имена собственные могут использоваться не только референтно, но и атрибутивно. Иллюстрацией атрибутивного употребления имен собственных служит, в частности, ситуация названия диктором имени и фамилии победителя соревнования, с которым он, диктор, ничего кроме имени и фамилии не знает ².

С точки зрения характера идентифицирующей функции имен в позиции субъекта должны быть прежде всего выделены субъекты пропозитивный и непропозитивный. Пропозитивный субъект (в отличие от непропозитивного) является референтом целой ситуации. Данный субъект в предложении, как правило, выражен причастной конструкцией, адъективным и именным сочетанием (или оборотом): Уставшие, они решили остановиться-

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. - М.: Наука, 1976, с. 36 - 37.

2. Martinich A.P. The attributive Use of proper Names. - Analysis, Oxford, 1977, v. 37, No. 4, pp. 159-163.

ся; Ушедший от меня грустит, Но нет пути назад (А.Ахматова); Хороший отец все свободное время уделяет своим детям; Здесь мой покой навеки взят Предчувствием беды... (А.Ахматова); ...будучи лентяем, я вполне прилично учился (Ф.Искандер) и др.

В роли пропозитивного субъекта в предложении могут выступать также отдельные имена (в том числе конкретной, несобытийной семантики). При этом важно учитывать характер предикации, функционирующей в предложении. Так, например, существительные со значением профессиональной принадлежности группы лиц, употребленные в целях конкретной референции, не приобретают пропозитивного значения (Где шофер этого автобуса?). У этих же существительных в конструкциях с модальными предикатами может появиться значение скрытой условной пропозиции: Шофер должен быть дисциплинированным пешеходом (Из газет) 'если шофер, то должен быть дисциплинированным пешеход'.

Значительную группу составляют личные и предметные имена в функции субъекта предложения. Подкатегориями личного субъекта являются: субъект единичный (Я думаю, Ей тоскливо); обобщенный (Все хорошо знают моего отца); неопределенный (Кто-то постучал в дверь; Кто принесет вино, кто жареных кур, кто качапури, а тот, глядишь, и телку пригонит - Ф.Искандер).

Обобщенный субъект представлен по крайней мере двумя разновидностями: неполное обобщение - Молодой рабочий - надежда завода, Сейчас врач может осуществить замену функции легких в течение нескольких часов; полное обобщение - Людям нравятся наивные люди (Ф.Искандер), Всем понравился этот фильм и др.

Примеры конструкций с предметным субъектом I: С флаг-

- I. Для предложений с предметным субъектом особенно значимо противопоставление конкретных и абстрактных имен. См.: Степан в Ю.С. Подлежащее в старых романских языках (глава из сравнительно-исторического синтаксиса). - Вестник Московского университета, 1961, № 4.

манского корабля затрещало радио (К. Паустовский); А море вдруг приходит в ярость - такой характер у моря (Р. Казакова) и др.

Противопоставление активного/неактивного субъекта в предложении имеет комплексные основания. Оно обусловлено степенью "активности" субъекта описываемой в предложении ситуации, определяемой на денотативной основе, типом предикации, особенностями грамматического строения предложения.

"Активные" субъекты выражены, как правило, конкретными существительными. Неконкретные имена (борьба, гул, выстрел, плач и т.п.), в значении которых присутствует компонент "активности", в предложении квалифицируются как "неактивные" субъекты (Гул оваций пронесся над валом, Над лесом раздался выстрел). В предложениях такого типа проявляется категориальное различие имени и глагола, отмеченное еще А.А. Шахматовым. Он писал: "Для грамматического представления о глаголе нами указано, что в состав этого грамматического представления входят слова, являющиеся названиями активных признаков (действий - состояний); прибавим здесь: и мыслимые притом в сочетании с представлением о производителе признака" (подчеркнуто мною - Л.В.).

Сформулированный признак позволяет, по мысли автора, отличить глагол от отглагольного существительного, которое является названием активного признака, отвлеченного от его производителя (стрелять - выстрел, ходить - ходьба и т.д.).

Особую группу составляют предложения с формальным субъектом. Формальный субъект представлен в предложении словом, лишенным понятийного содержания - дело, факт, штука, вещь и др. (дело происходило во время войны - Ф. Искандер; факты - чья-то вещь и т.п. Приведенные существительные и им подобные в силу их обобщенности (они являются наиболее общими обозначениями лиц, предметов и ситуаций), а также связанной с этим неопределенности зна-

чения сближают с местоимениями ¹.

Квалификация отдельных субъектов в предложении как формальных не всегда связана с использованием десемантизированных имен. Это касается также получивших широкое распространение в русском языке конструкций с совпадающими именем и предикатом типа: Метут метели. Спит река (Р.Казакова); Как вихрь промеч рядочков вихрит, Пот — градом сквозь пожар ланит (М.Цветаева); Гром гремит и т.п., а также предложений Дождь моросит, Ветер дует и др. (Ср. с конструкциями Моросит, Дует).

В предложениях с семантически значимой, но синтаксически не выраженной позицией субъекта последний может быть определен как имплицитный. Рассмотрим две группы предложений с имплицитным субъектом.

В предложениях первого типа налицо разрушение идентифицирующей функции субъекта. Можно говорить о денотативной недостаточности (эллиптичности) таких предложений, которые вне определенного контекста и речевой ситуации не могут служить полноценной коммуникативной единицей ². Ситуативный и контекстуальный эллипсис обычно рассматриваются как самостоятельные подвиды. Представляется, что в отдельных случаях можно говорить о сложном виде эллипсиса контекстно-ситуативном. Это связано с тем, что очень часто в предложениях с невыраженной позицией субъекта подразумевается субъект говорящий. Использование таких конструкций при контекстной соотнесенности с другими лицами, например, с третьим лицом ведет к переосмыслению повествования, которое происходит как бы от имени этого третьего лица. Примером такого сложного эллипсиса является, по нашему мнению, приведенный

1. Шахматов А.А. Указ. соч., с. 185 — 186, 499; Виноградов В.В. Русский язык. — М., 1947, с. 325
2. О ситуативной и контекстуальной неполноте предложения см., например: С.Н.Цейтлин. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика. — В кн.: Синтаксис и стилистика. М., Наука, 1976.

ниже фрагмент из В.Шейнера: Очень трудно разобраться во всем этом. Большевики, царь, бог, буржуа, немцы, англичане, Спаситель... Волька садится на камень и пытается поразмыслить.

Другой тип предложений с имплицитным субъектом представлен конструкциями, в которых конкретный реальный субъект не предполагается самой ситуацией. Такие предложения являются номинативно достаточным. Их появление в языке объясняется как необходимостью представления "бессубъектных" ситуаций (описание различных явлений природы), так и действий и состояний лиц неопределенных, обобщенных. В последнем случае можно говорить о нулевом знаке как способе выражения в предложении таких субъектов. Примеры таких номинативно достаточных предложений: Тремт; Морозит; Брату в гимназии и в университете пророчили блестящую научную будущность (И.Бунин); В дверь постучались легонько, Сказочник дверь открыл... (А.Блок) и др.

В заключение необходимо отметить, что в данной работе сделана попытка наметить лишь основные типы синтаксических субъектов в связи с проблемой референции имени. Дальнейшее уточнение и дифференциация выделенных классов возможны на базе всестороннего исследования моделей предикации.

Е.М.Вольф
Ин-т языковедения АН СССР
(Москва)

К СЕМАНТИКЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ СОЧЕТАНИЙ (КАЧЕСТВЕННЫЕ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ)

Сочетаемость слова определяется, как известно, его семантической структурой. Имеющиеся в составе слова семы так или иначе реализуются в его семантических связях с другими словами. Подобно тому как глаголы имеют семантические валентности на разные виды актантов и обстоятельств, существительные могут обладать семантическими валентностями

на разные виды определителей, которые реализуются в их атрибутивных связях. Среди существительных можно выделить подклассы слов, которые имеют потенциальные валентности на качественные или количественные признаки, а иногда на те и другие. Так, например, такие слова как вид, внешность, характер, положение, состояние, позиции, обстановка, атмосфера, ситуация, настроение, привычки, сами по себе недостаточно информативные, составляют основу определительных сочетаний с качественным значением, указывая на сферу проявления признака: человек необычного вида, характера, он был в тяжелом состоянии, положении, настроении, привычное состояние, положение, позиция, обстановка и др. Эти слова подразделяют признаки людей и событий на внешние и внутренние, психологические, субъективные и объективные, временные и постоянные. Валентность на качество составляет одну из семантических характеристик этих существительных.

Имеются в то же время другие подклассы имен, которые также обладают потенциальными валентностями на определители, но уже иного характера. Это валентности параметрического типа, которые позволяют образовать сочетания, обозначающие место предмета или события в некотором качественном или количественном ряду. Сюда относятся такие слова как рост, сорт, размер, класс, категория, разновидность, порядок, стадия, поколение и др. Эти слова связаны с различного рода классификациями, в основе которых лежит определенная иерархия: туфли такого-то размера, платье такого-то роста, яблоки первого, второго, третьего сорта, товары первой, второй категории, вычислительные машины первого, второго, третьего поколения, первая, вторая стадия развития. Иерархические отношения, которые обозначаются этими сочетаниями, могут скрывать упорядочивание по качеству (так, первый, второй сорт, категория, класс обозначает распределение по признаку "лучше-хуже") или по собственно количественному признаку (так, слово размер содержит признак "больше-меньше", поколение - признак "раньше-позже"). Сфера применения признака определяется семантикой самого су-

ществительного. Отсюда разное значение таких сочетаний как каюта I, 2, 3 класса (упорядочивание по качеств. у) и ученик первого, второго класса (упорядочивание во времени). У большинства классифицирующих слов иерархическая валентность двупланова - они могут сочетаться с собственно качественными и с порядковыми определителями: сапоги огромного размера и 45 размера, ученики старших классов и 10 класса, яблоки первого сорта и высшего сорта. Качественные определители отражают, как правило, семантическую основу количественной иерархии собственно по качеству, возрасту и т.д. Совмещение сочетаемости с прилагательными, указывающими на общий признак иерархической структуры и на собственно порядковый признак, составляет свойство подкласса слов, используемых для различного рода классификаций.

Кроме собственно классификаторов (типа класс, сорт, ряд и т.п.) имеются и другие группы упорядочивающих слов, относящихся к различным сферам денотации. Таковы классификаторы частей в сфере зрелищ, спорта, в основе которых лежит временной признак: действие, сцена, явление, отделение, серия, часть, тамп, период, этап, сет, круг, тур. Все эти слова чаще всего сочетаются с числительными, обычно порядковым (в первом, втором действии, явлении, отделении, тайме, круге, раунде). Другой ряд связан с пространственными делениями, где наблюдается повторяемость отдельных элементов: квартал (это слово в разных значениях указывает на упорядоченность во времени, ср. деление года на кварталы, и в пространстве, ср. кварталы города), участок, отделение (также возможно темпоральное и локативное значение), микрорайон и др. Интересно при этом отметить, что слово район, в отличие от микрорайон, сочетается с качественными определителями (южные районы, окраинный район), что связано с "картиной мира". Порядковые ряды составляют такие имена как корпус, поезд, вагон, обозначающие расположение в пространстве. Имеются ряды слов, для которых расположение во времени и пространстве трудно разделить (ср. сочинения в 5 томах, но 5 том вышел позже 6-ого).

Порядковый номер может быть окказионально приписан любому предметному обозначению, но у перечисленных слов валентность на порядковый номер, связанную, разумеется, со свойствами денотатов, можно считать одним из их семантических признаков. Эти слова, по сравнению со словами, имеющим общий признак счетности, ср. вода (-счетность) и студ (+счетность), обладают свойством порядка в счете, места в иерархии, который в основном определяет их сочетаемость и функции в тексте.

Отметим, что все эти слова сочетаются не только с порядковыми и количественными числительными (собрание сочинений в двадцати томах и первый, второй том, десятиэтажный дом и первый, второй этаж), но и с общими определителями, которые отражают семантику иерархической структуры в целом, ср. первый этаж и нижний этаж (пространство, "верх"- "низ") первый класс и младший класс (время, возраст), десятый вагон и хвостовой вагон (пространство, длина). Валентности этих слов на иерархические показатели могут замещаться прилагательными с порядковым значением: следующий, очередной раунд, том, вагон (порядок во времени или в пространстве), соседний вагон, подъезд (порядок в пространстве), начальный заключительный, завершающий этап (порядок во времени).

Необходимо различить место предмета или события в фиксированной иерархии и его реальное место в пространстве и времени, исходя из позиции говорящего. Ср. например, объяснение адреса: первый дом от автобусной остановки, это и будет дом № 5, войти во второй подъезд от конца, это и есть 6 подъезд. Очевидно, имеется тенденция, отражающая, разумеется, социальные тенденции развития соответствующих денотативных сфер, к расширению описанных групп существительных: все больше имен входит в соответствующие подклассы и все больше именных структур строится на иерархической основе. Это объясняется коммуникативными функциями соответствующих номинаций — они служат для идентификации, заменяя в тексте имена собственные. Иерархические ряды позволяют идентифицировать элементы любых временных или пространственных сфер через их место в системе в целом. Ср.

разные способы обозначения адреса - собственными именами и порядковыми обозначениями: дом вдовы Ивановой в Марьиной роше напротив церкви Козьмы и Демьяна и 5-ый экспериментальный квартал; дом № I, корпус 3, 5 подъезд, кв. 274.

Кроме существительных, которые включают в свое значение потенциальную сему счетности и способны сочетаться с иерархическими определителями, имеются слова, которые содержат порядковые семы в самом своем значении. Это прежде всего общепорядковые предикаты: начало, середина, продолжение, конец. Такие слова, естественно, не сочетаются с порядковыми определителями: * первое начало, * последний конец. Ср. также такие обозначения как голова-хвост (поезда) открытие-закрытие и др. Слова с порядковыми семами распространены в специальных сферах, ср. в шахматах: дебют, интермедио, эндшпиль; ср. также пролог, эпилог; партер, бельэтаж, галерея, школьные отметки: отлично, хорошо, удовлетворительно (но ср. пятерка, четверка, тройка, где порядок выражен эксплицитно). Выходя из специальной сферы, слова могут терять порядковую сему и приобретать не свойственную им ранг-сочетаемость, ср., в разговорной речи: первый дебют, где сема "начала" в слове дебют не ощущается.

Типичной для некоторых иерархических рядов является комбинация в них порядкового признака, выраженного сочетанием, и признака в составе слова: пролог, первый, второй, третий акт, эпилог; партер, первый, второй ярус, галерея, обозначение этажей в некоторых странах.

Как можно видеть, группы слов, связанные с классификациями, имеют общее семантическое свойство, которое отражается как в их внутренней структуре, так и в сочетаемости: они соотносятся с различного рода иерархиями, построенными на основе как качественных, так и количественных признаков, связанных с рядами в пространстве и во времени. Структура сочетаний этих слов с прилагательными зависит в первую очередь от семантики существительных. Подобно тому как существительные, которые сочетаются с прилагательными-интенсификаторами, должны иметь сему, определяющую их способность к интенсификации, существительные, которые связаны с по-

рядковыми обозначениями разного рода, должны иметь сему "иерархичности". Эта сема или является потенциональной - тогда эти имена сочетаются с соответствующими определениями - или входит в состав самого имени - тогда соответствующие сочетания с порядковыми определениями невозможны.

Особый интерес представляют коммуникативные роли описанных слов. Среди них, как можно заметить, имеются как слова предикативной семантики, так и предметной. Слова предикативной семантики (сорт, класс и т.д.), сочетаясь с порядковыми определителями, обозначают место предмета или события в классификациях различного рода. Слова предметной семантики (типа вагон, этаж), а также темпоральные и локативные определители (типа раунд, отделение, квартила) несут идентифицирующую функцию, уподобляясь именам собственным, с которыми они в некоторых случаях непосредственно конкурируют. Единичность данного порядкового обозначения зависит от "картины мира" и дополнительной информации, содержащейся в определяемом и в высказывании в целом. Так, 2-ая или Косая линия становится именем собственным, если указано, что это улицы Васильевского острова в Ленинграде; вне этого указания обозначение информативно. В то же время сообщение мы сидели во втором ярусе информативно, так как в данный ряд входит иерархическая основа "высоко-низко" в театре (и соответственно оценочная сема "хорошо-плохо"). Фраза у меня билет в головной вагон может быть недостаточно информативна, если целью сообщения является идентификация (в этом случае важен также номер поезда), если же целью сообщения оказывается информация о том, что вагон находится близко к паровозу и следовательно далеко от входа на вокзал, то фраза достаточно информативна. Таким образом, в употреблении этих конструкций отражается их двойная семантика - место в ряду и общая характеристика ряда, на которой строится иерархия.

Е.Л. Гинзбург
М.А. Пробст

Ин-т русского яз. АН СССР
(Москва)

КОНТЕКСТ КАК СТРУКТУРНАЯ ЕДИНИЦА СЕМАНТИКИ ТЕКСТА

В силу того, что текст служит одновременно как целям моделирования системы наших представлений о мире, так и целям коммуникации, становится особенно важным вопрос о выделении таких структурных единиц текста, которые позволили бы выделить особенности текста, обеспечивающие достижение этих целей. Одной из таких единиц является контекст, и именно контекст слова в тексте. Под контекстом слова в тексте мы понимаем такую часть текста, которая содержит слова, связанные с данным словом, и которая остается неизменной при замене слов контекста на семантически близкие им слова. Для того, чтобы сделать определение контекста слова более точным, нам потребуется уточнить ряд используемых понятий. Осмысленным текстом будем называть линейно упорядоченную совокупность слов, связанных между собой фиксированным набором отношений, которая правильно моделирует некоторую часть системы представлений о реальном мире. Мы будем считать, что рассматриваемые тексты являются связанными, т.е. для любых двух слов текста найдется такая подпоследовательность слов этого текста, что любые два соседние по этой подпоследовательности слова входят в одно отношение, подпоследовательность начинается с первого слова и заканчивается вторым. Предполагается, что известен некоторый словарь парных сочетаемостей, такой, что все слова текстов, принадлежащих к определенному корпусу текстов, принадлежат этому словарю. Для каждого слова, принадлежащего словнику словаря сочетаемостей, определим класс слов словника близких /по смыслу/ к данному слову. Другими словами, на словнике словаря сочетаемостей - отношения близости.

В ряде случаев это будут отношения эквивалентности.

Пусть имеется связный осмысленный текст T и в нем выделено некоторое слово w . Часть текста T называется контекстом слова w в тексте T , если при замене любого слова, входящего в эту часть текста T , на слово, принадлежащее к тому же классу близости, что и заменяемое слово, все отношения слова w в тексте T сохраняются после замены, а новый текст остается осмысленным и связным. Очевидно, что такое определение контекста слова в тексте становится содержательным, если определен словарь сочетаемостей и отношения близости, заданные на словнике этого словаря.

Рассмотрим процедуру построения контекста любого слова, принадлежащего произвольному тексту, входящему в заданный корпус текстов.

Будем предполагать заданным: 1. Текст T ; 2. Слово w , принадлежащее тексту T ; 3. Некоторый словарь парных сочетаемостей, в котором для каждого слова, принадлежащего словнику этого словаря, указаны все слова с ним сочетающиеся и семантические отношения, к одному из которых принадлежит каждая пара сочетающихся слов; 4. Классы слов словника, определяющие отношения близости. Процедура построения контекста слова w в тексте T состоит из двух этапов:

Первый этап. Назовем предконтекстом слова w в тексте T те слова текста T , которые входят в группу слов словаря сочетаемостей, соответствующих слову w . В предконтекст слова w включаются лишь те слова текста T , которые, точнее их вхождения, ближе всего по тексту T к слову w . Всегда предполагается, что в тексте одновременно с дальнейшей заменой осуществляются все необходимые сугубо формальные, несодержательные преобразования типа согласования по числу или роду в русском языке. Если два или более чем два слова предконтекста слова w в тексте T попали в один класс близости, то проверим, останется ли текст осмысленным и связным, если мы поменяем эти слова местами всеми возможными способами. Если хотя бы одна из таких замен приводит к нарушению

осмысленности и связности текста, то вся эта группа слов, принадлежащая одному классу близости, удаляется из предконтекста слова в тексте Т. Так поступим со всеми словами предконтекста, которые принадлежат одному классу близости. Если после этого этапа предконтекст слова в тексте Т оказался пустым, то слово в тексте Т при данных классах близости, т.е. при данных отношениях близости, не имеет контекста.

Второй этап. Рассмотрим предконтекст слова в тексте Т, который остался после первого этапа. Возьмем произвольное слово из этого предконтекста. Проверим, все ли слова из словника, принадлежащие к тому же классу близости, что и выбранное слово, можно поставить в текст Т вместо выбранного слова так, чтобы текст сохранил осмысленность и связность. Если хотя бы одна из таких замен приводит к нарушению осмысленности и связности, то испытываемое слово / вместе с отношением, к которому принадлежит слово и испытываемое слово / из предконтекста слова в тексте Т удаляется. Так поступим с каждым словом из предконтекста слова в тексте Т. Та часть предконтекста слова в тексте Т, которая остается после подобного последовательного перебора слов этого предконтекста при любом порядке проведения перебора, является контекстом слова в тексте Т.

Замечания.

1. Разные части предконтекста слова в тексте Т, остающиеся после второго этапа при разных порядках перебора слов этого предконтекста, могут отличаться составом слов / и их отношениями /.

2. Можно исходить лишь из словника, не используя сочетаемость, считая, что предконтекст слова в тексте Т содержит все слова текста Т. Но это лишь удлинит процедуру построения контекста. Отсутствие семантических отношений в словаре привело бы к тому же контексту слов, но обладающему более слабо выраженной семантической структурой. Легко видеть, что единица текста, полученная в результате описанной процедуры, удовлетворяет введенному определению контекста. Контекст слова в тексте зависит не только от

самого текста, но и от отношений близости, определенных на словнике. Определение контекста слова в тексте легко обобщить и на случай контекста произвольной единицы текста.

Такое определение контекста имеет ряд преимуществ:

1. Оно связывает контекст слова в тексте с отношениями близости, определенными на словаре языка. Изменяя эти отношения, можно более полно изучать как контекст слова в тексте, так и семантическую структуру всего текста. Контексты слов в тексте и их структура в тексте связаны со свойствами моделируемой системы и, кроме того, контексты являются локальной структурой организации текста и именно такой структурой, которая позволяет "видеть в части целое", а это является одним из условий определенного процесса моделирования.
2. Дает возможность сравнивать контексты разных вхождений одного слова в одном тексте или даже в разных текстах.
3. Позволяет проводить классификацию слов на основе сравнения контекстов слов. Например, выделять как служебные слова те слова, чьи контексты совпадают с предконтекстами.
4. Указывает на связь между словарными и текстуальными свойствами слов.
5. Оно явно показывает, что нет контекста вообще, а есть контекст слова в тексте, который определяется классами близости.
6. Позволяет ввести классификацию текстов — текст назовем законченным относительно некоторой группы слов, если контексты всех слов выделенной группы в данном тексте не пусты. В противном случае текст назовем незаконченным. Текст назовем полным, если все его слова имеют не пустые контексты.
7. Из определения контекста слова в тексте видно, что организация текста по его контекстам может не совпадать с организацией этого же текста по предложениям, абзацам и т.п.
8. На основании определения контекста слова можно подойти к выделению значений слова. Опишем эту процедуру. Рассмотрим все контексты данного и того же слова как в одном тексте, так и в совокупности текстов. Назовем надконтекстом

слова для данного контекста самый большой по вложению контекст этого же слова, содержащий исходный контекст. Рассмотрим лишь множество надконтекстов данного слова. Если имеются два надконтекста, которые не имеют общих элементов, то такие надконтексты определяют отношение омонимии на множестве всех вхождений данного слова. Далее рассмотрим лишь надконтексты, попарно имеющие общие элементы. Пусть слова , таковы, что они образуют как бы базис этих надконтекстов, т.е. по этим словам можно определить другие слова, входящие в каждый из надконтекстов. Тогда число значений данного слова, реализованных в данном тексте или в корпусе текстов коррелирует с числом K , т.е. с числом базисных слов в надконтекстах. Если существует контекст слова в тексте, который вкладывается в два надконтекста этого текста и который содержит базисных слов, то число значений этого слова, реализованных в этом контексте, коррелирует с числом .

9. Чем больше сочетаний указано в словаре сочетаемостей для каждого слова, тем только меньше может становиться контекст слова в тексте и тем уже будет значение слова.

В заключение отметим, что, по-видимому, отношение близости можно определить лишь для части слов словника, затем на основе этих отношений построить контексты слов в тексте. Если же отождествить контексты разных слов, то мы придем к отношению близости, которое могут дать классы близости для всех слов словника.

В.В.Лабулис
Гос.университет(Вильнюс)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФОРМАЛЬНОГО ВЫРАЖЕНИЯ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ

Роль семантики в механизме управления и примыкания давно очевидна. Но пока мало исследовано, каким образом семантика действует на формальный механизм, особенно интересно, как она влияет на согласование и на другие более формальные способы выражения непосредственной синтаксической связи словоформ. Сразу следует отметить, что даже в языках явного (дективного) строя эта связь иногда передается только на основе так называемого семантического согласования, при помощи порядка слов и интонации, но без участия словоформ. Так оформляется примыкание, которое, таким образом, должно быть противопоставлено всем остальным способам выражения синтаксической связи. А примыкают

не только неизменяемые слова, но и те словоформы, которые на данную связь не реагируют, например: лит. parejo linksmas ("пришел веселым"), где форма linksmas устанавливается за пределами приведенной конструкции.

В формальном механизме непосредственной связи принимают участие или формы обоих связываемых слов, или только одного (при подчинительной связи — зависимого слова)¹. В первом случае на связь между словоформами указывает их уподобление, во втором — форма падежа (здесь релевантна только она) соотносимого субстантивного слова выбирается на основе его семантико-синтаксической функции, отражающей

1. Как убедительно показано в книге Е.С.Скобликовой, выражение синтаксической связи оценивается прежде всего со стороны зависимой словоформы. Ср. Скобликова Е.С. Согласование и управление в русском языке.—М., 1971, с. 28 и др.

отношение между предметом и явлениями реальной действительности. Последние случаи принято называть управлением.

На выбор формы управляемого падежа (или падежной конструкции) через семантико-синтаксическую функцию может оказывать влияние не только лексическое значение главного слова (точнее - категориальная сема транзитивности, сема пространственной направленности и т.п.), но иногда и дополнительные содержательные компоненты (цели, количества и др.), которые формируются за пределами этих двух связанных слов или совсем не эксплицированы, не считая управляемой словоформы. Например, ср. в лит. laiko egzamina ("сдает экзамен"), но рядом с глаголом движения появляется компонент цели и форма падежа меняется. atejo laikyti egzaminu (досл. "пришел сдавать экзамена"), или perka knygas ("покупает книги") и с количественным оттенком - perka knygą (досл. "покупает книгу").

Оставив в стороне разную роль семантики в других случаях управления, вернемся к интерпретации уподобления.

На основе грамматической природы уподобляемых словоформ прежде всего различаются два вида уподобления: согласование и корреляция слов форм.

Под согласованием понимается уподобление синтаксически несамостоятельных словоформ соответствующим самостоятельным. Эта связь обычно считается целиком формальной и автоматизированной. Но полностью соотносимые словоформы часто не совпадают - они должны только обе представлять один и тот же член оппозиции категории падежа, числа и рода, напр.: šis gražus berniukas ("этот красивый мальчик"). Что согласование опирается на грамматические категориальные значения, видно по употреблению прилагательных с неизменяемыми субстантивными словами; напр. выбор формы мужского или женского рода: я молод - я молода; в лит.: atvažų vaivai pačiu taksi (досл. "приехал новым такси"), где форму прилагательного определяют разные семантические факторы: форму падежа - только семантически устанавливаемая синтаксическая функция слова taksi, форму числа - референтная семантика (речь идет об одном предмете), форму рода -

наверно, ассоциация слова taksi со словами мужского рода autobusas, automobilis или в просторечии: taksis, taksiukas.

Если в русском языке в предикативной позиции употребляются слова и несогласованные в падеже (он пришел первым, книгу наши разорванной), то в литовском языке и в таких случаях требуется полное согласование (jis parejo pirmas knyga radome vuplešyta). По-видимому, в литовском языке несамостоятельность категории адъективных слов более яркая, чем в русском.

Корреляцию словоформ представляют два подвида: а) формальное взаимодействие между формами двух субстантивных слов и б) между личной формой глагола и формой субстантивного слова;

а) в позиции приложения субстантивное слово соотносится с формой такого же слова на основе одного и того же денотата, что сразу определяет одинаковый член оппозиции категории числа, а через синтаксическую функцию — одинаковый падеж. Субстантивное слово в позиции именной части сказуемого с таким же словом в позиции подлежащего соотносится только на уровне предложения, и форму падежа как одного, так и другого слова прежде всего определяет синтаксическая функция, формы числа — отношение тождества или квалификации между этими словами (членами предложения), обозначенными предметами. Формально формы числа могут и не совпасть, напр. laikas — pinigai ("время — это деньги"). Корреляция у субстантивных слов по родам, как правило, вообще отсутствует, ср.: Ažuolas — medis, ir pušis — medis (Дуб-дерево, и сосна-дерево).

Таким образом, роль семантики в корреляции субстантивных слов очевидна, а формальное уподобление тут сильнее ограничено, чем в случаях согласования.

б) Открыто семантика выступает в корреляции между личной формой глагола с одной стороны и субстантивным словом, у которого личных форм нет, с другой стороны. Форма лица глагола прежде всего коррелируется с личным местоимением

на основе его лексического значения. В третьем лице вместо личного местоимения в корреляции может участвовать имя существительное. Его (или местоимения) именительный падеж можно считать управляемым глаголом, или он зависит прямо от синтаксической функции подлежащего.

Так как число у глагола содержательно несамостоятельно, уподобление его формы по этой категории можно считать и согласованием, но число, также как и лицо, глагол способен (хотя бы в литовском языке) выразить и своей собственной формой - без поддержки субстантивного слова. Формальное согласование в числе в литовском языке отсутствует в форме глагола третьего лица, где эти формы в единственном и множественном числе совпадают, ср. jis eina - jie eina ("он идет - они идут").

Итак, когда непосредственная связь между словами выражается при помощи примыкания, управления или одно-о под-вида корреляции, семантика в формальном механизме принимает участие в явном виде, а в обычных случаях согласования, иногда также и корреляции форм, она действует как будто незаметно - через грамматические категории.

Е.Н. Ширяев

Ин-т русского яз. АН СССР
(Москва)

МОДАЛЬНОСТЬ ПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ НИМИ В БЕССОЗНОМ СЛОЖНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Существует гипотеза о том, что в основе русской разговорной литературной речи / далее РР / лежит своя особая система, отличная от системы кодифицированного / письменного, книжного / литературного языка / далее КЛЯ / ¹.

Некоторые типы семантических отношений между предикативными конструкциями в бессознмом сложном высказывании / предложении / РР в полной мере подтверждают эту гипотезу. Анализ этих отношений представляет определенный интерес не только для познания РР, но и в плане такой проблемы общей семантики, как модус и диктум.

Идея выделения в смысле любого высказывания модальной и диктальной части принадлежит Ш. Балли. Модус - это отношение, в самом широком смысле этого слова, говорящего к сообщаемому. Диктум / или пропозиция / - это само сообщаемое. Модус может быть эксплицитным / Я говорю, что на улице холодно / и имплицитным: высказывание Идет дождь означает нечто вроде Я говорю / утверждаю /, что идет дождь².

1. Эта гипотеза положена в основу книги: Русская разговорная речь. - М., 1973. РР понимается как система, которая реализуется носителями литературного языка при следующих экстралингвистических условиях: спонтанность / неподготовленность / речевого акта, неофициальность отношений между говорящими, непосредственное участие говорящих в речевом акте.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с франц. - М., 1955, с. 43 - 44.

К глаголам, эксплицирующим модальность, принадлежат: говорю / провозглашаю, утверждаю и под. /, призываю / приказываю, велю и под. /, спрашиваю, желаю.

В КЛЯ имплицитная модальность сложного предложения не оказывает существенного влияния на характер семантических отношений между предикативными конструкциями. Эти отношения регулируются пропозициями предикативных конструкций. ср. С полей сошел снег - скоро начнется сев, где из диктального содержания предикативных конструкций вытекают следственные отношения между ними.

В РР, в отличие от КЛЯ, существуют активные бессознательные сложные высказывания, в которых каждая предикативная конструкция имеет свою модальность, и без учета этой модальности понять смысловые отношения между предикативными конструкциями в сложном высказывании невозможно. Выделяются два типа таких сложных высказываний

/ I / Высказывания, в которых одна из предикативных конструкций вступает в смысловые отношения как с пропозицией / диктумом /, так и модусом другой предикативной конструкции. Ср. Ты на лыжах поедешь? снежку поднавалило // / с первой вопросительной частью / Смысловые отношения в таком высказывании можно верно представить, только эксплицировав модальный смысл I-ой предикативной конструкции - 'спрашиваю': 'я спрашиваю тебя, поедешь ли ты на лыжах, я спрашиваю тебя об этом / мой вопрос имеет основания /, потому что известно о том, что снежку поднавалило'. Здесь причинная предикативная конструкция объясняет выбор именно вопросительной модальности, не теряя семантических связей и с диктумом первой предикативной конструкции: смысловые связи развиваются по диктальной линии 'лежи - снег'. Ясным доказательством связей по модальной линии является следующее. Если поставить вопрос от первой предикативной конструкции ко второй, то этот вопрос неизбежно будет касаться модального смысла: почему я спрашиваю тебя, поедешь ли ты на лыжах? - потому что известно, что снежку поднавалило.

В высказываниях с первой повествовательной, а второй вопросительной частью - Ты на лыжах поедешь / снежку поднавалило? - смысловые отношения таковы: 'почему ты / 2-ое лицо / предпринял некоторое действие - потому что можно предполагать, что это действие вызвано данными обстоятельствами / верно ли так предполагать? /.

/ 2 / особый интерес представляют сложные высказывания РР, в которых вторая предикативная конструкция вообще не имеет прямых связей по диктальной линии с первой предикативной конструкцией, а связана только с ее модальным смыслом. При разных комбинациях модальности частей между этими частями складываются следующие отношения:

Елочный базар открыли/ я проходил//	'почему я повествую о чем-то потому что я об этом знаю'
--	--

Елочный базар открыли? ты проходил//	'почему я спрашиваю тебя о чем-то - потому что ты об этом знаешь'
---	---

Елочный базар открыли/ ты проходил?	'почему ты повествуешь мне о чем-то - потому что, как я предполагаю, ты об этом знаешь; верно ли я предполагаю'
--	--

Данные сложные высказывания имеют одну особенность: в них невозможен подчинительный союз - *Елочный базар открыли/ потому что я проходил//, но при экспликации модальности такой союз можно ввести, ср. Я знаю, что елочный базар открыли/ потому что проходил// / мимо того места, где базар /. Это ясно свидетельствует о связи второй предикативной конструкции, имеющей причинное значение, именно с модальным смыслом первой.

В высказываниях / 2 / значение второй предикативной конструкции четко очерчено. Эти значения следующие:

/ а / во второй предикативной конструкции есть прямо-переходный глагол, по своему значению непосредственно связанный с приобретением знаний, о которых идет речь в первой предикативной конструкции; это глаголы видеть, читать,

слышать и некоторые другие:

Много там ошибок/ я видел вчера//; Хоккей/ я смотрел/ чепуха//; А как они квартиру обставили! Прелесть я видела просто//

/ б / значение второй предикативной конструкции определяется глаголами, обозначающими пребывание в том месте, где приобретает знания:

Дождя там/ мы были/ не было// / Были и знаем /; Эту треску все хвалят/ в "Океан" я стояла// / стояла в очереди и слышала /; А все-таки лучшие экскурсии стали организовывать/ я ездил// / ездил и знаю /; Очень чистенький класс/ я заходил фотографировать// / заходил и видел /; Все в джинсах студенты/ заходила я в университет// / заходила и видела /

/ в / вторая предикативная конструкция показывает, что некоторое 3 лицо имеет определенные знания, сведения, в результате общения с этим лицом данные знания получают и говорящие:

Собаку они купили/ Света была// / Света была и рассказывала : не /; На базаре стурцы дешевле чем в магазине даже/ мама ходила//; Ничего интересного на этой ярмарке нет/ Галя вчера ездил//; Таня завтра придет/ звонила утром//

/ г / вторая предикативная конструкция показывает, что говорящие получают знания из газет, журналов и т.п.:

Этот балет неважный у них получился/ я где-то рецензию читала//; Об этом ничего не говорили/ "Новости" были// /"Новости" - передача по телевидению /; Ничего полезного в этом нет/ "Здоровье" я читал недарчо//; У нее очень как-то путано все сделано/ посмотрел я ее диссертацию//; Очень плохая погода завтра будет/ прогноз передавали//; Детей приглашают на съемки/ "Вечерку" я читал//

Существует, если можно так сказать, отрицательный эквивалент подобных сложных высказываний - собеседник чего-то не знает, потому что его не было в момент получения данных знаний на месте, и именно незнание собеседника дает повод сообщить ему о незнании или спросить о нем:

А кот у них стал/ ты не видел/ красавец просто//;

/ о пасьянсе / Сошлись собачки-то/ ты ушел//; / о футболе по телевизору / Красивый гол они забили / ты пошел чай заваривать//; Там интересный детектив в этом "Просторе"/ я не приносил еще//; / о работе / Закончили ты? я вчера легла//; Никто мне не звонил? я поздно пришел//.

Итак, смысловая организация сложного высказывания РР может быть ориентирована на модальный компонент смысла.

М. Veitīņa

Лиепайский ПИИ

(Лиепая)

EKSISTENCIĀLĪBĒ VERBI

Eksistenciālo verbu leksiski semantiskās grupas apjomu noteikt nav viegli, jo kāda priekšmeta, parādības, situācijas, notikuma, dzīvas būtnes eksistence var izpausties jebkurā verbā: viss, kas atrodas kādā darbībā, stāvoklī, procesā, eksistē. Šajā ziņā bija taisnība jau Aristotelim, kas apgalvoja, ka grieķu verbs *ἔστιν* 'būt, eksistēt' impliciti ietverts visos citos verbos.¹ Kopš Aristoteļa laika eksistences kategorija un eksistenciālo teikumu problēma ir daudzkārt nodarbinājusi valodnieku prātus,² bet eksistenciālo verbu konkrētu pētījumu ir maz. Latviešu valodniecībā eksistenciālo verbu leksiski semantiskā grupa ir nošķirta principā,³ bet nav īpaši pētīta.

1. Виноградов В. Из истории изучения русского синтаксиса. - М., 1958, с. 9.
2. Skat. piem.: Арутюнова Н. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. - М., 1976, гл.4. Отношения экзистенции; Селивестрова О., Кузнецов А. и др. Категория бытия и обладания в языке. - М., 1977. 259 с.
3. Freimane I. Verbu tematiskā klasifikācija un saistāmība. - Grām.: Verbu un frazeologismu saistāmība. R., 1975, 25. lpp.

Raksta uzdevums - pārskata veidā raksturot eksistenciālo verbu semantiskās grupas apjomu, apakšgrupu, tipiskāko sintaktisko un semantisko saistāmību, iepriekš sniedzot šo verbu vispārīgu morfoloģisku raksturojumu.

Rakstā par eksistenciāliem tiks uzskaitīti verbi, kas izsaka eksistenci vairāk vai mazāk vispārinātā veidā.

Eksistenciālos verbus var dalīt apakšgrupās pēc dažādiem semantiskiem principiem, piemēram, - esamība / trūkums (būt, pietikt, atlikt / trūkt, pietrūkt); realitāte / šķitums (eksistēt, būt, pastāvēt / šķīst, likties); pēc eksistences izpausmes veida emocionāli ekspresīva vērtējuma: neitrāls / nievājošs / slavinošs (dzīvot / nikt, vegetēt / zelt, plaukt); pēc eksistences izpausmes regularitātes: likumsakarība / gadījums (pastāvēt, būt / gādīties, uznākt¹) u. tml.

Par nozīmīgāko, aptverošāko, šķīst, jāuzskaita eksistences izpausmes fāzes kritērijs - eksistences sāksšanās, istēni esamība, eksistences beigšanās.

Verbi, kas izsaka eksistences sāksanos, - rasties, sākties, tapt, dzimt, celties, izcelties, izraisīties, raisīties, mosties, mesties, iestāties, iznākt, parādīties, saviesties, sarasties, istenoties, realizēties, nodibināties, organizēties, konstruēties u.c.

Verbi, kas izsaka eksistences esamību, - eksistēt, pastāvēt, būt, dzīvot, nikt, vārguļot, vegetēt, parazitēt, notikt, norisināties, atgādīties, gādīties, ilgt, turpināties, saglabāties, turēties, pieturēties, atkārtēties, valdīt, izpausties, palikt, atlikt, pietikt, netrūkt u.c.

Verbi, kas izsaka eksistences izbeigšanos - beigties, izbeigties, pārstat, nostāties, mitēties, rinties, pāriet, nobeigties, noslēgties, likvidēties, izjukt, iznikt, izsīkt, mirt, izbūt, izzust, izgaist u.c.

1. Kārklis J. Infinitīva sintaktiskās potences.-R., 1976, 68. lpp.

Ar eksistenciālu nozīmi lietojami arī daudzi verbāli frazeologismi, piemēram, nākt pasaulē, iet zudumā, iet bojā u.c.

Izskatot "Latviešu valodas inverso vārdnīcu"¹ un "Latviešu valodas sinonīmu vārdnīcu"², kopumā var saskaitīt apmēram 130 verbu, kas izsaka vairāk vai mazāk vispārinātu eksistēšanas nojēgumu, tās sākumu, turpināšanos un beigas. Taču lielu daļu no augstāk minētajiem polisēmiskajiem vārdiem par eksistenciālu var uzskatīt tikai ar kādu vienu šī vārda leksiski semantisko variantu. Tā, piemēram, verbs celties šai grupā iederas tikai ar nozīmi 'sākties, veidoties, rasties' (Llvv³ tā ir leksēmas velties 8. nozīme) - ceļas vējš; kur viņam cēlās spēks? Līdzīgi ir ar vārdiem atrsties (sal.: atrasties pilsētā un beidzot atradies pircēja), iestāties (sal.: iestāties tehnikumā un iestājas tumsa) un daudziem citiem.

Noskaidrot katra atsevišķā eksistenciālas nozīmes verba semantisko struktūru kopumā, tā saistāmību ar eksistences subjektu un pārējiem apkaimes komponentiem, apakšgrupas verbu sinonīmiņu ir plašāka dara uzdevums. Te pievērsīsimies dažām kopīgām eksistenciālo verbu sintaktiskām un morfoloģiskām sintaktiskām iezīmēm.

Lielākā daļa eksistenciālo verbu ir trispersonu vārdi.

Galvā jāpauž domas, kas reālo izpausmi guva vienā: pateicībā liktenim, ka eksistēju es un eksistē viņa. Puriņš. N.m.n. 169⁴.

1. Soida E., Kļaviņa S. Latviešu valodas inversā vārdnīca. - R., 1970. - 256 lpp.
2. Grinberga E., Kalnciems O., Lukstiņš G., Ozols J. Latviešu valodas sinonīmu vārdnīca. Otrais, papildināts izdevums. - R., 1972. - 671 lpp.
3. Latviešu literārās valodas vārdnīca 8 sējumos. 2.sēj. - R., 1973, 165. lpp.
4. Avotu un saīsinājumu rādītāju sk. 197. lpp.

Tie verbi, kas mēdz apzīmēt tikai dabas parādību, notikumu, situāciju eksistenci, parasti ir vienie. Jona - iestāties (iestājas sals), notikt (notika tāds gadījums), valdīt (valda haoss) u.tml.

Ievērojama daļa eksistenciālo verbu ir atgriezeniski (sākties, beigties, rasties, gadīties u.c.), visi ir nepār-ējoši.

Daudzos gadījumos vērbam eksistenciālo nozīmi piešķir vai pastiprina priedēklis - sal.: stāvēt - pastāvēt; tikt - pietikt, notikt.

Visi eksistenciālie verbi ir subjekta orientācijas verbi. Eksistences subjekts parasti noformēts ar lietvār-
na vai vietniekvārda nominatīvu -

Ar šo "BŪT ISTAM CILVEKAM" sākas viss pārējais. Sā-
kas darbs. Sākas mīlestība. Sākas laime. Sākas dzīves,
katras dienas piepildījums. P.J. 77-2.X. Raugi vien - es
surpinos jop-ojām, Un es esmu atgrieziesies te... IM.78-
3.III. Elksne. Kad beidzas attīstība? P.J.77-18.X. Ir sce-
noogrāfija, kuru reiz esi izpētījis, apskatījis, un tā it
kā nomirst, vairs neeksistē. C.77-22.XI.

Iespējami arī substantivējumi (parasti īpašības vār-
di, divdabji, skaitļa vārdi) vai nedalāmi vārdu savieno-
jumi -

Būtu pavisam labi, ja Vinpus nemaz nebūtu, nepastāvētu
vai vismaz mēs par to nezinātu,..IM. 75-18.I.Rudzītis.
Viss sīkais zūd kā putu zīmes krastā. K.61-8-138. Purvs.
Arī bārenītes ir un mātesmeitas. Kaut kā sevišķi daudz
mātesmeitu saradies. Rudzītis.S.b.148.

Ar vērbiem trūkt, pietrūkt, ar būt nolieguma formu
nebūt, retumis arī ar apgalvojuma formu būt var saistīties
eksistences subjekts genitīvā (ialāmais vai trūkuma geni-
tīvs) -

Trase bija, brauktgribēja arī netrūka, bet trūka ka-
manu. P.J.78-8.I. Gailis ir, un dziesma ir, pietrūkst tor-
ņa smailes. Skujā.V.k.p.102. Ja tā visa nav, domāju, nav
kolektīva. Kroma. S.n.81. Ir visa kā, un netrūkst vairs ne

nieka, Ko vien var cilvēks gara alkām gūt... Dorbe.C.v.

Eksistences subjekts var tikt noformēts aprakstoši - ar palīgteikumu. Tas raksturīgs verbiem būt, atrasties, pietikt, trūkt -

Siers mūsu galdā grozās, ja ir, kas govīs slauc. Peters. C.g.113. Divu gadu laikā radies kas taustāms. Nedaudz, tomēr ir. Ir, kur atsperties. Ir, kur smagāko nastu novelt. Ir zinātniskas saimniekošanas iezīmes. C.78-13.I. .. allāž tur atklājas kaut kas jauns, vēl neizzināts, vienmēr atradās, ko darīt. PJ.78-5.II.

Ja verbs ir nenoteiksmes vai vajadzības izteiksmes formā vai ietilpst absolūtā datīva konstrukcijā, tad verba forma prasa subjekta noformējumu datīvā -

"Karam nebūt!" (H.Vikas gleznas nosaukums). Skatītājam tāpat jāeksistē divās dimensijās: viņam gan jāpārdzīvo, gan jāanalizē. IM.77-9.IX. Idejām jāpastāv. C.75-7.IX. ..pastāvot vispārējai obligātai vidējai izklāstībai, mēs vairāk iegūtu, ja samazinātu programmas apjomu un vienkāršotu izklāsta paņēmienus. PJ.78-26.I. Ja mēs bijuši esam, Tad mums vienmēr būs būt! Auziņš.D.11.

Orientācija uz objektu eksistenciālajiem verbiem nav obligāta, nav tipiska, bet ir iespējama. Tā realizējas ar personas datīvu - lietvārdu vai vietniekvārdu, kam īsteni ir eksistences uztverēja (biežāk neuztverēja) subjekta nozīme -

Šeit cilvēkiem divi dievu vēl pastāv: Zeme un Jūra.Avo-tiņa. M.o.39. Māksliniekam neeksistē brīvā laika jēdziens.IM.77-8.IV. -Skatieties uz Smilgi!Nekas vairs viņam neeksistēja, izņemot Ozi un Pēru Gintu. Dzenītis.I.c. 212. Mums republikā nav arī rokasgrāmatas.. PJ.77-5.IV.

Ļoti raksturīga eksistenciālajiem verbiem ir adverbiāla orientācija - tipiskākie ir eksistences cēloņa, nolūka, laika, veida, vietas raksturotāji. Cēloņa un nolūka apstākļus izsaka vai nu ar atbilstošajiem apstākļa vārdiem tādēļ, tāpēc, vai ar prievārdu dēļ, pēc, caur savienojumu ar lietvārda vai vietniekvārda genitīvu vai akuzatīvu. Piemēri eksistences cēloņa raksturojumam -

Teātris ir pārvērties, attīstījies, un tāpēc tas pastāv.. kā aktīvs domubiedru un mākslasbiedru kopums. IM.74-5.X. Jāpiebilst, ka arhaiskas inerces pēc pastāv arī šādas-ne-dzīvas, ar tēmi spekulējošas dzejas atzišana un atbalstīšana. IM.76-8.V. Ai, lakstīgalas pogošanas neprāts, Caur kuru ceļas trauslas dvāseles lepnums, Caur kuru balta mīlestība pastāv, Iz zaļojošas dzīvības aust pasaule..Roja. M.n.49.

Piemēri ar eksistences nolūka rakaturojumu:

Cilvēks dzīvo nevis tāpēc, lai viņa darbība būtu viegli plānojama, bet plānošana pastāv tādēļ, lai cilvēkam būtu labāk dzīvot... IM.75-18.I. Ne jau publika pastāv kritiku dēļ, bet kritiķi eksistē tādēļ, lai dotu labumu publikai. IM.75-4.X.

Eksistēšanas laika rakaturojumam visbiežāk izmanto salikta teikuma konstrukciju ar laika apstākļa paligtekumu -

Kopš pastāv šahs, tik ilgi pastāv arī tā uzlabošanas ideja. Z.76-11-30. Kamēr būs sirds un doma, kas jūt atbildību par dzīvību, pasaule pastāvēs. Viese.R.141. Kamēr eksistē imperiālisms, eksistē arī fašisma briesmas. IM. 77-12.VIII.

Paligtekumā uz eksistēšanas laika ierobežojumu norāda laika saiklis kopš, kamēr. Iesējami arī citi laika apstākļa izteikšanas paņēmieni - laika apstākļa vārdi, laika akuzatīvs, laika lokatīvs, prepozicionāli savienojumi ar prievārdiem pirms, kopš, līdz, pēc -

Izauguši caur viņiem / dūsošajiem /, mēs jau topam - un drīz mēs būsim! Čaklais. C., u.z.41. Bieži gadās arī tāda situācija, ka doma nobriedusi, ideja iznēsāta un nu tveram mālu, bet.. IM.75-8.III. Strādnieku teātris pastāvēja tikai dažus mēnešus. Klīnks. T.n.1.d.68. Visi šie braucieni notika oktobrī, novembrī un decembrī. C.75-6.IX. Jā arāja vāga paliks līdz pasaules galam, bet kungu iemīta taka pazudis kā izburbējis sniegs pavasarī. Kalniņš. A.P.138. Gan būs arī mazmazbērni. Un tie paliks vēl pēc viņa. IM.76-1.V.

Laika apstākļis ir samērā fakultatīvs eksistenciālā verba paplašinātājs, bet veida apstākļis bieži ir nepieciešams eksistences izpausmes ierobežotājs, it sevišķi ar verbu nolieguma formā -

Mākslā bez nacionālā internacionālais neeksistē. IM. 76-6.III. Pēc manas saprašanas, nepastāv problēmas ārpus cilvēkiem. C.74-10.III. Vērtība un subjekta aktivitāte, būdami pretstati, nepastāv viens bez otra, tie savstarpēji cieši vieno viens otru. IM.77-24.VI.

Šais gadījumos eksistences izpausmes ierobežotājs ir noformēts ar prepozicionālu savienojumu. Citkārt kādas parādības eksistences veids var tikt izteikts ar veida apstākļa vārdu vai ar attieksmes lokatīvu -

Skaistumam ir daudzas sākotnes, tas eksistē daudzveidīgi. IM.75-12.IV. Nav grūti spriest, kur brīvība pastāv tikai vārdos un kur tā ir īstenībā. C.62-22.II. Informācijas ir daudz, svarīgi ir to pareizi atlasīt, un šajā jomā valda pilnīga pašdarbība. IM.77-11.XI.

Vairāknozīmīgu, sinkrētisku eksistences raksturojumu spēj izteikt divdabja teiciens ar nelokāmo divdabi pamatā - Tuvojoties ziemeļiem, rodas grūtības. Caune.M.s.18. Viņai bieži, lasot mūsu dzeju, rodas tāda sajūta, ka daļa mūsu dzejas tapusi, variējot jau zināmas domas, jau zināmas noskaņas. Čaklais. S.r. 133. Saimniecība radās, ekonomiski spēcīgajai "Skrundai" apvienojoties ar visādu neveiksmju vajātajiem kaimiņiem. C.77-12.IV.

Tāds paplašinājums tipisks verbiem ar eksistences sākšanās nozīmi. Divdabja teiciens raksturo laiku, reizē cēloni vai veidu, kad, kāpēc, kā kaut kas rodas, veidojas.

Eksistenciālajiem verbiem iespējams arī lokāls raksturotājs - vietas apstākļis ar ļoti dažādu morfoloģisko noformējumu ¹ - prepozicionālu savienojumu, lokatīvu, vietas apstākļa vārdu -

1. Par eksistences attieksmēm ar vietas raksturotāju - lietvārdu lokatīvā sk. Валдманис Я. Синтаксическая семантика локатива в латышском литературном языке: Автореф. дис. на соиск. учен. степеней канд. филол. наук. Р., 1978, с.14-15.

.. es tik tuvu tev esmu, ka tālumu nemana, viss, kas pastāv starp mums, tikai savieno. Vācietis, V.g.s.101. Sākums iepazīstināšanai ar Sūriņi notika laukos - Annaš Briģaderes "Sprīdišos". Klīns. T.n.l.d.196. Kur cilvēks sācies (Kritisku rakstu krājums). Nekāds ārējs pasaules atspoguļojums, kāds ir glezniecībā un literatūrā, mūzikā neeksistē. PJ.75-11.V. Varam būt gandarīti, ka teorija neeksistē kaut kur blakus, vai paralēli dizaina praksei, ārpus tās, bet zinātnieku atziņas iesakņojušās pašos dizaina audos. LM.77-1.VII.

Ja ar verbu, kam pamatā eksistenciāla nozīme, saistās vārds ar vietas nozīmi, tad zināma lokāla nianse piemīt arī verbam. Polisēmiskam vārdam, kā būt, izcelties, notikt, palikt, kā zināms, konkrētā nozīme realizējas tikai tekstā - to mēs varam noteikt pēc apkaimes vārdu semantikas un formas. Eksistenciālie verbi šā iemesla dēļ var robežoties ar citām leksiski semantiskajām grupām, visbiežāk ar atrašanās un virzības verbiem (atrasties, būt, palikt, iznākt, mesties, parādīties, pāriet u.c.), piederības verbiem (būt, trūkt, pietikt, atlikt u.c.), kā arī ar verbiem, kas izsaka kādu stāvokli (stāvēt, valdīt, atīstīties, veidoties u.c.)⁷. Noteikt šo grupu robežošanās un nošķiršanas iespējas, kā arī katra atsevišķā eksistenciālā verba sintaktiskās un semantiskās saistāmības likumības ir tālāku pētījumu uzdevums, līdztekus risinot arī vārda konkrētās sinonīmijas un vārda nozīmes abstarhēšanās problēmas.

Avoti un to saīsinājumi

Periodika

- C.74-20.1 - laikraksts "Cīņa"; pirmais skaitlis apzīmē gadu, otrais - datumu. Tāpat arī citu laikrakstu saīsinājumus.
Kom.	- Liepājas pils. laikraksts "Komunisti".
LM.	- laikraksts "Literatūra un Māksla".
PJ.	- laikraksts "Padomju Jaunatne".
SA.	- laikraksts "Skolotāju Avīze".
K.	- žurnāls "Karogs"; pirmais skaitlis apzīmē gadu, otrais - numuru, trešais - lappusi.
Z.	- žurnāls "Zvaigzne".

Grāmatas

- Auziņš.D. - Auziņš I. Duna. - R.,1977. - 133 lpp.
- Avotiņa.M.o. - Avotiņa D. Mazas ostas. - R.,1974. - 126 lpp.
- Caune.M.s. -Caune A. Mazliet savdabji. - R.,1977. -
120 lpp.
- Čaklais.C.,u.z. - Čaklais M. Cilvēks, uzarta zeme. - R.,1976. -
103 lpp.
- Čaklais.S.r. - Čaklais M. Saule rakstāmgaldā. - R.,1975. -
195 lpp.
- Dorbe.C.v. - Dorbe H. Ceļavīra vēlējumī. - R.,1977. -
142 lpp.
- Dzenītis.I.c. - Dzenītis . Interesanti cilvēki. - R.,1975.-
221 lpp.
- Kalniņš.A.P. - Kalniņš J. Andrejs Pumpurs. - R.,1964. -
392 lpp.
- Klints.T.n.l.d. - Klints A. Tā nebija lietaina diena. - R.,
1974. - 304 lpp.
- Kroma.S.n. - Kroma M. Skaņas nospiedums. - R.,1975. -
101 lpp.
- Puriņš.N.m.n. - Puriņš A. Nevaicājiet man neko. - R.,1977.-
278 lpp.
- Roja.M.n. - Roja I. Mīlu nest. - R.,1975. - 126 lpp.
- Rudzītis.S.b. - Rudzītis E. Straupes burtnīcas. - R.,1974.-
168 lpp.
- Skuja.V.k.p. - Skuja H. Virs kalnu pārejām. - R.,1977. -
127 lpp.
- Vācietis.V.g.s. - Vācietis O. Visāda garuma stundas. - R.,1974.-
165 lpp.
- Viese.R. - Viese S. Raganiezis. - R.,1976. - 142 lpp.

VĀRDFORMAS NOZĪME KĀ PROPOZĪCIJAS FUNKCIJA

Ar funkciju un nozīmi šajā rakstā saprotama valodas zīmes attieksme pret apzīmējamo objektīvajā realitātē. Atkarībā no valodas zīmē funkcijas, no zīmes lietojuma formējas nozīme; nozīme ir tieši pakļauta funkcijai, ko izpilda valodas vienība. Nozīmes formēšanos atkarībā no funkcijas var raksturot kā attiekami "cēlonis - sekas".

Komunikatīvās valodas vienības - teikuma - funkcija ir apzīmēt ekstralingvistisko notikumu (faktu), t.i., dzīvas būtnes vai priekšmeta īpašību, stāvokli, procesu, darbību. Vārds attiecas pret ekstralingvistisko notikumu tikai ar teikuma starpniecību: vārds, kas savā būtībā ir polisēmisks, tikai iekļauts teikumā un tādējādi kļuvis par komunikatīvās valodas vienības daļu; realizē vienu noteiktu nozīmi, iegūstot vārdformas statusu. Ar vārdformu saprotams vārda (leksēmas) konkrētais lietojums noteiktā teikumā. Teikuma nozīme ir nominācija, un šī nominācija kā veselums ir semantiski sintaktiska struktūra, kas tieši saistīta ar domāšanas veidu par apkārtējo pasauli, un tajā pašā laikā valodas gramatiskās uzbūves piederums. Šīs struktūras kvintesei ir lietderīgi apzīmēt ar matemātiskās loģikas terminu "propozīcija". Propozīciju reprezentē predikāts (nevis leksēma!) kopā ar saviem "satelītiem" - aktantiem, kas nepieciešami tā semantikas atklāšanai, jeb, citiem vārdiem sakot, to reprezentē aktantū sintaktisko pozīciju kombinācija, kurus sa-

vieno predikāta izteiktā attieksme - semantiskā ass, piemēram: Meitene izgāja; Meitene izgāja no istabas; Meitene izgāja pagalmā. Predikāts ir propozīcijas konstituents, kas izsaka absolūtu vai relatīvu pazīmi: Viņš ir bezsamaņa; Viņš iebrauc Leningradā. Aktants ir nominālais komponents, kas izsaka substanci, kura ir noteiktā semantiski sintaktiskā sakarā ar predikātu: Viņš skatās; Viņš skatās pulkstenī; Cilvēks ieved viņu stadionā.

Propozīcijas specifika, salīdzinot ar vārdformas semantiku, ir predikāta nozīmē. Predikāts realizē savu signifikatīvo (jēdzienisko) nozīmi, bet aktanti - denotatīvo nozīmi. Ilustrācijai var sastatīt vairākus piemērus:

(1) Šis cilvēks ir mākslinieks; (2) Es pazīstu Jūsu mākslinieku; (3) Jūsu mākslinieka rādīja man savas gleznas. Pirmajā teikumā vārdforma mākslinieks attiecināta uz priekšstatu par objektu klases īpašībām, tātad veic predikatīvo funkciju, resp., ziņojuma izsacīšanas funkciju, pretstatā teikumiem (2) un (3), kuros šī vārdforma attiecināta uz identificējamo objektu, tātad veic identificējošo funkciju, resp., dzīvas būtnes aizstājēja funkciju. Pirmajā gadījumā vārdforma funkcionē par predikātu, tās nozīmi veido priekšstats par mākslinieku klases vispārējām īpašībām, t.i., jēdziens (=tas, kam piemīt mākslinieka īpašības). Teikumos (2) un (3) vārdforma mākslinieks funkcionē par aktantu, un tās nozīmi veido denotāta dažādo īpašību konkrētais saturs. No teiktā var secināt, ka propozīcija ir neviendabīga, tā nav homogēna. Tā realizē divas funkcijas attiecībā pret ekstralingvistisko notikumu: identificējošo (denotatīvo) un predikatīvo (signifikatīvo). Tātad propozīciju veido denotatīvās vai denotatīvo un signifikatīvās nozīmes s a v i e n o j u m s . Šis savienojums nav atsevišķo nozīmju summa, bet tas veidojas no atsevišķo nozīmju s a v s t a r p ē j ā m a t t i e c i b ā m . Tāpēc pētāmās vārdformas nozīme jāapskata caur propozīcijas prizmu. Savukārt, teikuma semantiskās struktūras adekvātai interpretācijai nepieciešams izprast kat-

ra teikuma komponenta semantiku, tā īpatsvaru visā teikumā.

Par jautājumiem, kas attiecas uz teikuma modeļa idejas konkrēto iemiesojumu, valodnieciskajā literatūrā izteiktas dažādas domas. Domstarpības ir galvenokārt trijos jautājumos: 1) par modeli veidojošo centru skaitu un raksturu; 2) par modeļa obligātā minimuma (konstituentu) konstatēšanas kritērijiem; 3) par modeļa lingvistiskās atspoguļošanas veidu.

Teikuma semantiskais tips veidojas no predikāta un aktantu savstarpējām attiecībām, saglabājoties predikāta organizējošai lomai. Predikāta kā organizējoša centra loma izpaužas tā, ka predikātā kā fokusā koncentrējas visi būtiskie semantiski sintagmātiskie sakari. Katrs aktants ir primārā (tiešā) vai sekundārā (pastarpinātā) sakarā ar predikātu. Bet, kā jau tika teikts, būtiska ir ne tik daudz teikuma ietilpstošās vārdformas semantika, cik šo vārdformu nozīmju savstarpējā attiecība, tāpēc var apgalvot, ka propozīcijas organizēšanā piedalās predikāta semantika kā organizējošais spēks, aktantu semantika un semantiski sintagmātisko sakaru raksturs starp predikātu un aktantiem.

Tā kā vārdformas semantiski sintaktisko veidolu rada savstarpējās attiecības ar citām vārdformām, tad no tā izriet, ka propozīcijas modelēšanā logisko analīzi nevar ierobežot ar predikāta tipoloģiju, bet analīzei jāietver (turklāt kā galvenā procedūra) attieksmes noteikšana starp predikātu un aktantiem. Raksturojot šo attieksmi, ir mērķtiecīgi izmantot teikumu klasifikāciju, kas ir līdzīga izteikumu klasifikācijai logikā: 1) determinācijas teikumi - predikāts determinē aktantu (Viņš ir noma-dā); 2) relācijas teikumi - predikāts izsaka attieksmi starp aktantiem (Viņš ieceļ kasti laivā).

Jautājumā par propozīcijas konstituentu konstatēšanas kritērijiem jāatzīst, ka, pirmkārt, propozīcijā neietilpst tie teikuma komponenti, kas attiecas uz tā aktualizāciju: modālie un iespraustie vārdi, eksplīcītā

modalitāte un uzruna, dažādi atribūti. Otrkārt, tā kā propozīcijas konstituentus raksturo savstarpējā sakara obligātums, tad aiz tās robežām atstājami fakultatīvie aktanti. Fakultatīvos aktantus raksturo divu pazīmju komplekss:

1) semantiskums; 2) spēja tikt aizstātiem ar palīgteikumu vai divdabja teicienu. Piemēram: (Pārna.ā) Estere mani aizveda pie saviem draugiem → Kad es biju Pērnavā, Estere mani aizveda pie saviem draugiem; Viņa cepa gaļu (pannā) → Viņa cepa gaļu, izmantojot pannu.

Jautājumā par modeļa atspoguļošanas veidu par lietderīgu jāatzīst matemātiskā loģikā izmantotais paņēmieni - propozicionāla funkcija no viena vai vairākiem aktantiem. Piemēram, propozīciju Viņš ir nomodā; Viņš ieceļ kasti laivā struktūra atspoguļojama ar formulām $X_{subj} \cdot \bar{P}$; $X_{subj} \cdot P \cdot X_{obj} \cdot X_{dir(2)}$, kurās P izsaka attiekāmes nozīmi (ir nomodā, ieceļ), X_{subj} , X_{obj} , $X_{dir(2)}$ - aktantu nozīmes.

Tātad, aplūkojot vārdformu caur propozīcijas prizmu, jākonstatē, ka vārdforma var izpildīt divas galvenās komunikatīvās funkcijas: dzīvu būtņu vai priekšmetu identifikāciju un predikāciju. Atkarībā no šīs funkcijas vārdformai var būt denotatīva nozīme (aktanta statuss) vai signifikatīva nozīme (predikāta statuss). Denotatīvās nozīmes var būt gan obligātajiem aktantiem (propozīcijas konstituentiem), gan fakultatīvajiem aktantiem.

Šeit izteikto teorētisko apsvērumu dzīvotspēju ilustrēšu ar dažiem valodas materiāla analīzes piemēriem. Piemēram, objekta nozīme pie objekta attiekāmes: Cilvēks raksta vēstuli. Propozīcija, kas izsaka objekta attieksmi, pieder pie relācijas teikumiem pēc attieksmes tipa starp predikātu un aktantiem. Objektus var iedalīt vairākās grupās. Pirmkārt, var atdalīt konkrēto no propozitīvā objekta. Otrkārt, var nošķirt vairākas konkrētā objekta apakšgrupas. Vispirms var nosaukt objektu, kas pakļauts darbībai, kuras rezultātā objektā notiek kādas izmaiņas: Viņš skalda malku; Viņa iegērbās svētku tērpā. Otrajā pie-

mērā propozīcija ar konkrētu aktīvu predikātu ar nozīmi 'iegērtības' izsaka subjekta attieksmi pret apgērbu kā objektu. Šāda tipa objekts kvalificējams kā pasīvs. Ir sastopams arī aktīvs objekts. Piemēram, objekts piedalās darbībā: Cilvēks aizsargājas no aukā. Šajā propozīcijā objekts kvalificējams kā kontragents. Dotajā apakšgrupā ietilpst arī propozīcija, kas izsaka konkrētu aktīvu (mērķtiecīgu) redzes uztyeres virzību uz dzīvu būtni vai priekšmetu: Viņš paskatījās draugā. Ir konstatēts vēl viens konkrētā objekta tips, t.i., neitrālais objekts. Šis objekts nav pakļauts darbībai un neizrāda pret darbību, bet "provocē" subjekta aktivitāti: Viņš redz pulksteni (pretstatā sal. Viņš skatās pulksteni). Šajā apakšgrupā ietilpst arī propozīcija, kas izsaka interpersonālu jūtu - darbības attieksmi: Viņš iemilējās studentā. Treškārt, var diferencēt propozitīvos objektus. Tie ir izteikti ar propozitīvo leksiku, t.i., īpašību, procesu, stāvokļu, darbības nosaukumiem. Propozitīvais objekts var paust emocionālā vai intelektuālā procesa saturu, kurš norisinās subjektā: Bērni ieaug skolas dzīvē; Viņa iedziļinās audzināšanas darbā. Objekts var arī izteikt procesa saturu propozīcijā ar aktīvu predikātu ar oficiāla, juridiska akta nozīmi: Viņš atzīstas nodevībā. Propozīcijā ar konkrētu aktīvu predikātu ar nozīmi 'nodarboties' objekts atspoguļo nodarbošanās saturu, veidu: Cilvēks pieuļinās debatēs. Bez jau minētā propozitīvā objekta tipa, kas pauž procesa saturu, ir konstatēts objekta tips, kas apzīmē subjekta aktīvas darbības mērķi. Mērķis saprotams kā komplicēts jēdziens, kas ietver saturu un rezultātu, un tādējādi mērķis tuvinās gan aktīvas darbības saturam, gan rezultātam: Cilvēks dodas medībās. Mērķa nozīme sastopama propozīcijās ar predikātiem, kas izsaka virzību uz orientieri. Bet "orientieris" ir izteikts ar propozitīvo, nevis konkrēto leksiku. Tāpēc arī šis propozīcijas neapzīmē virzību uz orientieri, bet gan uz mērķi.

S A T U R S - О Г Л А В Л Е Н И Е

Priekšvārds	5
Предисловие	6

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИКИ

SEMANTIKAS VISPĀRĪGĀS PROBLĒMAS

Берлизон С.Б. Стилистический аспект значения /стилистическое значение/ смысловой структуры языковых единиц как кардинальная проблема лингвостилистики	7
<u>Гинзбург Р.С.</u> Компонентный анализ и компонентная структура значения слова	II
Городецкий Б.Ю. Характерные черты современной лингвистической семантики	15
Зевахина Т.С. Компонентный анализ: современное состояние и перспективы	22
Ковтун Л.С. Значение слова в языке и речи ..	28

II. ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

LEKSISKĀ SEMANTĪKA

Буш О.В. Денотативные и коннотативные элементы в семантике сленгизмов латышского языка	33
Вилломан В.Г. О денотации, значении и синонимии	37
Гусарова Н.П. Колоративная лексика в произведениях К.Паустовского	42
Козина Н.А. Антонимия в очерке М.Цветаевой "Мой Пушкин"	48
Копорская Е.С. Процессы семантической аналогии и их роль в истории русской лексики ..	55

Пименова Г.А. Доминантное поле ДУША в романе-сказке М.Пришвина "Осударева дорога"	61
Смолина К.П. Лексическое значение в его отношении к лексической позиции слова	66
Соколова Н.К. Семантика поэтического слова в ее отношении к норме текста	72
Черёмухина Г.А. Некоторые аспекты проблемы овладения семантикой слова	76
Языкова Ю.С. Составляющие смысловой структуры слова в языке писателя	78

III. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ В СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

VALODU SALĪDZINĒŠĀ PĒTĪŠANA SEMANTISKĀ ASPEKTĀ

Даугале Э.Ю. Функциональный стиль науки и техники - важный фактор развития современного латышского языка	83
Раздорова Н.Л. Семантическая структура прилагательных цвета в русском и латышском языках	89
Эделмане И.Ю. Об использовании названий животных в латышских названиях растений	94
Якайтене Э.И. К проблеме многозначности и омонимии в современном литовском языке	96

IV. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И СЕМАНТИКА

VĀRDDRINĀŠANA UN SEMANTIKA

Бесценная Е.Д. О семантических связях словообразовательных типов /на материале суффиксов -щик и -ник/	101
Кузьмина С.М. Орфография и семантика морфем	108
Соболева П.А., Барченкова М.Д. Об асимметрии формы и значения в формообразовании	111
Хидекель С.С. Некоторые особенности словообразовательной синонимии /на материале английского языка/	118

Soida E. Par dažām vārddarināšanas nozīmes
razīmēm latviešu valodā
Сойда Э. О некоторых свойствах словообразо-
вательного значения в латышском языке 122

У. ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

GRAMATISKĀ SEMANTIKA

Гловинская М.Я. О семантике видового проти-
вопоставления в современном русском языке .. 130
Граудина Л.К. Фазы вариантности и деструк-
тивная роль семантического фактора 135
Джемакулова Э.М. К вопросу о семантике
предлогов и приставок 140
Липатов А.Г. Семантическая сущность и
взаимозависимость омонимии лексической и
грамматической 144
Рейдзане Б.П. Семантические проблемы суф-
фиксов -ēj и -īg в "Словаре латышского ли-
тературного языка" 150
Хинт М. Реструктурирование и грамматиче-
ское значение 154
Blinkena A. Adjektīvu semantikas pārmai-
ņas latviešu rakstu valodā
Блинкена А. Изменения семантики прилага-
тельных в письменном латышском языке 159

УІ. СИНТАКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

SINĢAKTISKĀ SEMANTIKA

Василевская Л.И. О разновидностях синтак-
сического субъекта 166
Вольф Е.М. К семантике определительных
сочетаний /качественные и количественные
признаки/ 171
Гинзбург Е.Л., Пробст М.А. Контекст как
структурная единица семантики текста 177

Лабутис В.В. Семантическая интерпретация формального выражения непосредственной синтаксической связи	182
Ширяев Е.Н. Модальность предикативных конструкций и семантические отношения между ними в бессоюзном сложном высказы- вании разговорной речи	186
Veitina M. Ekzistenciālie verbi	
Бейтина М. Глаголы существования	190
Valdmanis J. Vārdformas nozīme kā propo- zīcijas funkcija	
Валдманис Я. Значение словоформы как функция пропозиции	199

ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИКИ
Сборник научных трудов

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1982

На латышском и русском языках

SEMANTIKAS PROBLĒMAS
Zinātnisko rakstu krājums

Redaktori: J. Kārkliņš, E. Soida, M. Butlere
Tehniskā redaktore I. Fridberga
Korektore I. Fridberga

Parakstīts iespiešanai 19.11.1982. JT 09161. Papīra formāts
60x84/16. Papīrs Nr.1.13,3 fiz.iespiedl. 12,4 uzsk.iespiedl.
10,2 uzsk.izdevn.l. Metiens 300 eks. Pasūt.Nr.
Maksā 1 rbl. 50 kap. 1931.

P. Stučkas Latvijas Valsts universitāte
Rīga 226098, Raina bulv. 19
Iespiests P. Stučkas LVU tipogrāfijā
Rīga 226050, Veidenbauma ielā 5